

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЯНА

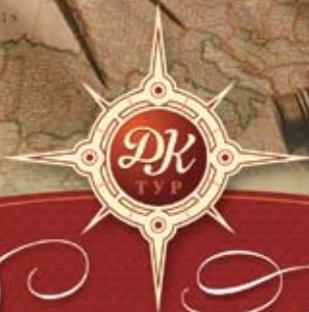
№ 7 ИЮЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2013

В любую точку на карте мира!

Дорожная карта

ТУРИСТИЧЕСКОЕ
АГЕНТСТВО

- Экскурсионно-познавательные туры
- Деловой туризм и шоп-туры
- Пляжный отдых
- Лечебно-оздоровительные и SPA-туры
- Индивидуальные путешествия
- Горнолыжные туры
- Свадебные туры
- Детские туры

Кроме популярных мировых направлений – организация отдыха и туризма на черноморском побережье ближнего зарубежья: Абхазия, Грузия, Украина.

БЕСПЛАТНЫЙ
трансфер в Москве –
в аэропорт или обратно.

107996, Москва
Кузнецкий мост, 21/5
этаж 3, офис 3042
Тел. (495) 626-03-43
Email: info@dktour.ru
www.dktour.ru

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Последняя императрица** 4

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко **Определён в поэты** 22

Наши публикации

Аркадий Аверченко **Львы и шакалы** 34

Странный рубль 39

Неизвестное об известном

Денис Логинов **Первая кругосветная** 44

Минувшее

Артем Омельченко **Друг Петра Великого** 55

Шедевры

Евгения Белогорцева **Господин неровных линий** 66

Ирина Опимах **Распятие Якопо Тинторетто** 78

Рассказ

Джоан Хесс **Побольше практики** 88

Кирилл Берендеев **Зал ожидания** 100

Это интересно

Татьяна Харламова **Три кита здоровья** 96

Поэзия

Юрий Гречко **Стихи** 108

Детектив

Наталья Солдатова **Красные лилии** 112

Кроссворд. Эрудит

Главный редактор, генеральный директор	Кизилев Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Обложка	Константин Мирошник, Наталья Кургузова-Мирошник «После дождя», фрагмент
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д. 14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валуевая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Тираж — 7500 экз.

Зак. №1693

Цена свободная

Номер подписан в печать: 24.06.2013

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

Кселена Литвинова

37 лет, иллюстратор,
г. Саратов

В том грустном мире сумрачных людей,
Где каждый день звучит одной лишь нотой,
Мне не хватает солнечных дождей,
Что красят тело легкой позолотой.

В том грустном мире мутного стекла,
Где каждый день пронизан сквозняками,
Мне не хватает светлого тепла,
Что обнимает мягкими руками.

В том грустном мире серости небес,
Где каждый день — день слез и сожаленья,
Мне не хватает сказок и чудес,
Мне не хватает сил и вдохновенья.

Там непогода дни и вечера
С тоской знакомит, словно злая сводня...
Пусть этот мир, что грустным был вчера,
Счастливым станет, солнечным сегодня!

ПОСЛЕДНЯЯ ИМПЕРАТРИЦА

Светлана
Бестужева-
Лада

Как и некоторые другие русские императрицы, она родилась в Германии, в городе Дармштадте в 1872 году — четвертая дочь великого герцога Гессенского и Рейнского Людвига IV и герцогини Алисы, дочери английской королевы Виктории. Крестными родителями были будущий король Англии Эдуард, принц Уэльский, будущий российский император Александр III, тогда еще цесаревич-наследник, с супругой великой княгиней Марией Федоровной, одна из ее теток принцесса Беатриса и принцесса Прусская Мария-Анна.

Столько «фей» собралось над колыбелью малютки, что ее жизнь просто обязана была стать волшебно-счастливой. Но через шесть лет в Гессене вспыхнула эпидемия дифтерии, от которой умерли ее мать и младшая сестра Мэй. Алиса была любимой внучкой королевы Виктории, и старая королева, которая называла ее исключительно «Солнышком», забрала принцессу в Англию... Ей бы выйти замуж за какого-нибудь герцога (немецкого или английского), жить в огромном родовом поместье, воспитывать детей и проводить вечера у камина с супругом. Но судьба распорядилась иначе: вознесла ее на невысшимую высоту, чтобы потом низвергнуть в столь же невысшимую пучину страданий.

В июне 1884 года, двенадцати лет от роду, Алиса Гессенская впервые оказалась в России: ее старшая сестра Элла (в православии — Елизавета Федоровна) сочеталась браком с великим князем Сергеем Александровичем. Брак не задался с самого начала, ибо супруг был откровенно равнодушен к женщинам вообще, и письма Эллы родным пронизаны горькими жалобами-намеками на злосчастное супружество. Но наследник русского престола — шестнадцатилетний Николай влюбился в Алису с первого взгляда. Ее же больше всего поразило необыкновенное сходство наследника русского престола с ее родным дядюшкой, наследником престола английского.

мейных вопросах миниатюрная и тихая Мария Федоровна всегда имела перевес над громогласными доводами великана-мужа, то сватовство расстроилось, и Алиса возвратилась в родной Дармштадт. Свою роль здесь, безусловно, сыграли политические интересы: в то время особенно важным представлялся союз России и Франции, и принцесса из Орлеанского дома казалась более предпочтительной партией для цесаревича.

Но Ники (как звали цесаревича близкие) проявил неожиданное упрямство, в котором его поддержала сестра Алисы — великая княгиня Елизавета Федоровна, к мнению которой императрица Мария Федоров-

Столько «фей» собралось над колыбелью малютки, что ее жизнь просто обязана была стать волшеббно-счастливой. Но судьба распорядилась иначе: вознесла ее на немислимую высоту, чтобы потом низвергнуть в столь же немислимую пучину страданий

Бог весть почему, императорская чета была настроена против немецкой невесты и усиленно сватала ему дочь графа Парижского Луи-Филиппа Елену-Луизу-Генриетту. Как знать, женись Николай Александрович не по страстной любви, а по расчету, история высочайшей четы была бы совершенно иной.

Впрочем, говорили, что русской императрице не понравились холодность и замкнутость предполагаемой невесты сына. А поскольку в се-

на всегда прислушивалась. Правда, пока Николай согласился не настаивать на браке с Аликс, но от орлеанской принцессы наотрез отказался.

Этому браку противилась и бабушка Аликс, английская королева Виктория. В 1887 году она писала другой своей внучке:

«Я склонна сохранить Аликс для Эдди или для Джорджи. Ты должна препятствовать появлению новых русских или прочих, желающих подцепить ее». Россия представлялась

ей, и небезосновательно, страной непредсказуемой: «...положение дел в России настолько плохо, что в любой момент может случиться что-нибудь страшное и непредвиденное; и если для Эллы все это маловажно, то супруга наследника престола окажется в самом трудном и опасном положении».

Впрочем, когда позднее мудрая Виктория лично познакомилась с цесаревичем Николаем, тот произвел на нее очень хорошее впечат-

ление, и мнение английской правительницы изменилось.

Его дневник 1889 года открывался фотографией юной Аликс, которую он вклеил уже после ее отъезда. Семнадцатилетняя принцесса посетила Россию зимой и провела несколько недель в гостях у своей сестры Елизаветы. Высшему свету немецкая принцесса опять не понравилась: по-французски говорила с акцентом, безвкусно одевалась и неважно танцевала...

*Александра
и Николай в первый
год супружества*

В следующий приезд белокурой немецкой принцессы, через год, Николаю не разрешили с ней увидеться. И тут, очевидно не без усилий отца-государя, цесаревич познакомился с балериной Матильдой Кше-

синской, роман с которой длился почти четыре года... вплоть до поездки Николая на свадьбу к брату Аликс.

Встретившись с ней, он снова стал настаивать на своем: «Или

Аликс, или никто!» Так что 6 апреля 1894 года манифестом было объявлено о помолвке цесаревича и Алисы Гессен-Дармштадтской.

Педантичная, как истинная немка, несколько последующих месяцев Алиса изучала основы православия и русский язык. С последним у принцессы не заладилось, несмотря на все усилия, а вот православная вера буквально заворожила. Приняв ее, принцесса вошла в историю как самая истово верующая императрица.

В начале октября 1894 года принцесса прибыла в Крым, в Ливадию, где гостила у семьи жениха до самого дня смерти императора Алек-

сандра с митрополитом Санкт-Петербургским, при пении «Тебе, Бога, хвалим!» был дан пушечный салют в 301 выстрел.

Великий князь Александр Михайлович в эмигрантских воспоминаниях писал о первых днях их супружества:

«Бракосочетание молодого царя состоялось менее, чем через неделю после похорон Александра III. Их медовый месяц протекал в атмосфере панихида и траурных визитов. Самая нарочитая драматизация не могла бы изобрести более подходящего пролога для исторической трагедии последнего русского царя...»

Бог весть почему, но императорская чета была настроена против немецкой невесты и усиленно сватала наследнику дочь графа парижского Луи-Филиппа Елену-Луизу-Генриетту. Как знать, женись Николай Александрович не по страстной любви, а по расчету, история высочайшей четы была бы совершенно иной

сандра III — 20 октября. На следующий день там же официально приняла через миропомазание православие с именем Александра и отчеством Федоровна.

Меньше чем через месяц, в день рождения вдовствующей императрицы Марии Федоровны (что позволяло отступление от траура) в Большой церкви Зимнего дворца состоялось венчание Александры и Николая II. После бракосочетания был отслужен благодарственный молебен членами Святейшего Синода во

В брачную ночь Аликс записала в дневнике Николая странные слова:

«Когда эта жизнь закончится, мы встретимся вновь в другом мире и останемся вместе навечно...»

Ох, уж эта немецкая сентиментальность, помноженная на религиозную экзальтацию!

Но были и другие дурные предзнаменования.

Это в особенности относится к коронации Николая II. Он прибыл в Москву в день своего рождения, 6 мая, остановился в Петровском замке,

находившемся тогда на окраине столицы, а 9 мая состоялся торжественный въезд в Москву. Царская чета поселилась в Александринском дворце (нынешнее здание Академии наук РФ на Ленинском проспекте) и все дни, оставшиеся до коронации, говела. 14 мая 1896 года в Успенском соборе митрополит Московский благословил царя и царицу и прочел от лица народа молитву за царя.

После завершения службы началось коронационное шествие: посещение государем и государыней святынь Архангельского и Благовещенского соборов. Наконец высочайшие особы поднялись на Красное крыльцо и трижды поклонились собравшимся.

Но императору был дан знак уже во время коронации. Об этом малоизвестном эпизоде пишет игумен Серафим в своей книге «Православный царь-мученик»:

«После длинной и утомительной коронационной службы, в момент восхождения императора на церковный помост, изнемогая под тяжестью царского одеяния и короны, он (Государь) споткнулся и на время лишился чувств... Что же случилось после того, как Государь при короновании изнемог? Кровавая катастрофа, народ давил и душил друг друга. Не то же ли случилось, как царь изнемог под тяжестью креста, насильно снятого с него частью народа?»

Обратимся к событиям на Ходынском поле 18 мая 1896 года. С раннего утра и даже с ночи здесь собралось огромное количество на-

рода: более полумиллиона человек. Ждали раздачи царского подарка, представлявшего из себя такой набор: памятная кружка (алюминиевая крашеная) с вензелями их величеств, полфунта колбасы, фруктовая сайка, вяземский пряник с гербом и мешочек со сладостями и орехами. Вплоть до шести утра все было совершенно спокойно.

Около шести разнесся вдруг слух: подарков на всех не хватит, буфетчики, мол, делают для себя запасы... Тогда, по словам очевидца, *«толпа вскочила вдруг как один человек и бросилась вперед с такой стремительностью, как если бы гнался за ней огонь... Задние ряды напирали на передние, кто падал, того топтали, потеряв способность ощущать, что ходят по живым еще телам, как по камням или бревнам. Катастрофа продолжалась всего 10–15 минут. Когда толпа опомнилась, было уже поздно».*

Конечно, трагедию, унесшую более чем 1,5 тысяч жизней, нельзя обойти вниманием. Она случилась на четвертый день после коронации, была результатом кратковременного безумия толпы и явилась предзнаменованием последующих после 1917 года событий.

Для мнительной, склонной верить любому «знамению», предрасположенной к предрассудкам и суеверию императрицы обморок императора, а затем катастрофа на Ходынке стали как бы двойным прощанием для несчастного правления.

В «каноническом» списке обвинений в адрес Николая II трагедия на

Ходыньском поле занимает пусть не слишком значительное, но вполне определенное место. Но почти не упоминается о том, что конкретно делала царская чета для пострадавших.

Царь распорядился выдать по 1000 рублей (весьма значительная сумма по тем временам) каждой семье по-

гибшего или раненого на Ходыньском поле и вместе с государыней посещал раненых в московских больницах.

Наконец императорская чета вернулась в Санкт-Петербург и начала обычную жизнь, строго определенную этикетом и протоколом для всех русских государей и государынь.

*Александра
и Николай
с детьми*

Бабушку, королеву Викторию, всегда беспокоила исключительная застенчивость Александры. Многоопытная правительница боялась, что быстрый (всего за какой-то месяц!) взлет ее внучки от безвестной немецкой принцессы до российской императрицы не оставит времени для приобретения придворного этикета. И действительно такая проблема возникла с самого первого появления Александры в качестве императрицы в зимнем сезоне 1896 года. Она стояла на балу рядом с мужем, ее глаза были заморожены испугом, а язык прилип к гортани от волнения. Александра позже признавалась, что была перепугана и готова провалиться сквозь пол...

Но, несмотря ни на что, это был брак по горячей любви. Ники и Аликс обожали друг друга, среди Романовых не было такой теплой нежной семьи, таких заботливых супругов. Эту любовь они пронесли через всю свою жизнь.

Оба они, скорее всего, были созданы для тихой частной жизни, вдали от суеты и кипения света, а между тем, удел правящей императорской четы совсем иной — находиться в гуще событий, у всех на виду. В результате, столь любимая народом роль «хозяйки земли Русской», «матушки-государыни» оказалась не по силам гордой, замкнутой и внешне холодной Аликс.

Императрица была нелюдима, застенчива, не любила общество, дичилась окружающих. При ней не было ярких веселых придворных

празднеств, которыми прославились предыдущие царствования.

Она была полной противоположностью другой Александре Федоровне, супруге Николая I, о которой современник писал:

«Императрица всегда любезная, оживленная, веселая, с жизнерадостным настроением, умеет прогнать всякое стеснение и сделать так, что всякий в отдельности чувствует себя хорошо».

Вторая Александра Федоровна осознавала свои невыигрышные особенности, видела, что во многом уступает и своей свекрови, вдов-

мого большого государства в мире. Горький парадокс.

Императорская чета стремилась жить в единении, вдали от шумной столицы. Таким любимым местом стал Петергоф, Александрия, где возникла «интимная резиденция», окруженная «нескончаемой высокой глухой стеной, выкрашенной в «казенные» — желтую и белую — краски». Сюда весной 1895 года Николай впервые привез свою Алику и записал в дневнике:

«С радостными и горестными чувствами въехал я в милую Александрию и вошел в наш дом у моря.

Алиса усердно изучала основы православия и русский язык. С последним у принцессы не заладилось, а вот православная вера буквально заворожила. Приняв ее, принцесса вошла в историю как самая истово верующая императрица

ствующей императрице Марии Федоровне. К тому же, не в силах уяснить запутанных отношений двора, она наделала кучу ошибок и многим дала повод для обид. А давать частые дворцовые приемы мешали постоянные беременности и роды. Дети нелегко ей давались, каждые роды были затяжными... Ко всему этому стоит добавить ее природную застенчивость, угрюмость, скованность, упрямство, близкое к фанатизму, и неумение найти с окружающими общий язык. Она была бы идеальной герцогиней для мелкого немецкого княжества, а судьба сделала ее владычицей едва ли не са-

Так странно кажется жить здесь со своей женой. Хотя места тут в обреш, но комнаты прелестные, и помещение идеальное. Замечательно красиво отделана новая комната (Аликс) внизу у столовой. Но главная краса всего дома — это близость моря!»

Речь шла о Нижней даче, или Нижнем дворце, построенном в 1885 году в стиле неоренессанс. Дворец был невелик, но очень удобен. Он сразу понравился Алике, ибо отвечал ее вкусам и привычкам, а самое главное — жизнь ее семьи была защищена от досужего внимания окружающих.

Во дворце почти не было проходных комнат, да и само его устройство «отсекало» посторонних: внизу — служебные помещения, а на второй этаж попадали только избранные люди-докладчики царя и редкие гости супругов.

А на третий этаж вход для большинства был закрыт: здесь находилась святая святых — спальня и малая гостиная (кофейная), в которой по вечерам собиралась семья.

Желание царя чаще бывать с семьей привело к тому, что летом жизнь столицы перемещалась в Пе-

нетрудно при его безвольности. Таким образом, императрица не только не уравновесила его недостатки, но, напротив того, в значительной степени их усугубила, и ее ненормальность начала отражаться в ненормальности некоторых действий ее августейшего супруга. Вследствие такого положения вещей с первых же годов царствования императора Николая II начались шатания то в одну, то в другую сторону и проявления различных авантюр. В общем же направление было не в смысле прогресса, а в сторону регресса ...»

Несмотря ни на что, это был брак по горячей любви. Ники и Аликс обожали друг друга и пронесли свою любовь через всю жизнь. Казалось, оба были созданы для тихой частной жизни, вдали от суеты и кипения света, а, между тем, удел их оказался совсем иной — находиться у всех на виду, в самой гуще событий

тергоф. Здесь принимали гостей, приезжали с докладами министры, здесь был подписан знаменитый манифест 17 октября 1905 года о даровании гражданских свобод. Здесь Николай был по-настоящему счастлив с той, кого за глаза все чаще и чаще называл «моя императрица».

Его — да. Но не российская.

Граф С.Ю. Витте, бывший Председателем Совета министров Российской империи (1905–1906) писал, что Николай II:

«... женился на хорошей женщине, но на женщине совсем ненормальной и забравшей его в руки, что было

Счастливая жизнь Аликс с Николаем на самом деле обернулась трагедией, и главную роль в ней сыграла судьба. Рождение четырех девочек подряд огорчало супругов — «*Какое разочарование! Четвертая дочь!*» — запись в дневнике сестры Николая после рождения Анастасии. Им срочно необходим был наследник мужского пола.

На этой почве у Александры возникли терзавшие ее неврозы, окреп некий комплекс «династической вины», в результате которого она еще больше замкнулась в себе.

Как и в каждом семействе, в семье Романовых существовали свои традиции, свой неповторимый уклад жизни. Девочек воспитывали в строгом викторианском духе: они спали на походных кроватях, почти без подушек, по двое в комнате. Теннис, холодная ванна утром, теплая — вечером, чтение богоугодных книг, неукоснительное исполнение церковных обрядов...

Долгожданное рождение царицы Алексея в 1904 году принесло вместе с радостью и облегчением огромное горе — у мальчика, «солнечного лучика» (так называли его родители), обнаружилась гемофилия, которая в гессенском роду им-

ператрицы передавалась только отпрыскам мужского пола. Оболочка артерий при этом заболевании так хрупка, что любой ушиб, падение, порез вызывает разрыв сосудов и может привести к печальному концу. Именно это произошло с братом Александры Федоровны, когда ему было три года... Началась непрерывная, отчаянная, но скрытая от глаз большинства борьба за здоровье тяжело больного ребенка.

Психическое здоровье самой императрицы постепенно разрушалось, она стала суеверна, экзальтированно богомольна, оказалась склонна к мистическим увлечениям, была пропитана верой в чудеса, ве-

рила любимым проходимцам, обещавшим спасти, вылечить цесаревича.

Из всего этого, далекого от истинного православия, мистического тумана и появился Распутин, близость которого с царской семьей окончательно погубила репутацию династии...

В обществе постепенно формировался отрицательный имидж Александры Федоровны, ее стали обвинять в разных бедах, постигших страну, в превратном духе истолко-

вывать ее добрые и искренние дела, порывы и чувства.

Как писал священник Г. Шавельский, «ее восторженную веру, например, называли ханжеством, кликушеством. Когда она, заботясь о жертвах войны, следуя влечению своего христианского сердца, перенесла свои материнские заботы и на пленных германцев и австрийцев, тотчас поползли слухи об ее тяготении к немцам и об ее измене».

*Александра
с сыном
Алексеем*

Стараясь творить добро, Александра Федоровна в годы Первой мировой войны занялась деятельностью, просто немыслимой для человека ее звания и положения. Она не только патронировала санитарные отряды, учреждала и опекала лазареты, в том числе и в царскосельских дворцах, но вместе со своими старшими дочерьми окончила фельдшерские курсы и стала работать медсестрой. Но эта «лазаретная служба» не вызывала понимания в аристократических салонах, где считали, что это «уменьшает престиж высшей власти».

Императрица дежурила в госпитале, забывая о собственных бедах:

в эти годы она уже страдала одышкой, ужасной зубной болью, ноги порой так отекали, что подчас приходилось пользоваться креслом-каталкой. И — бесконечные терзания из-за нездоровья единственного сына...

На одной из фотографий 1916 года, сделанной в кабинете Николая, постаревшая, грузная Александра Федоровна непринужденно сидит на письменном столе мужа и как будто что-то внушает старательно записывающему за ней Ники. Человеку, читающему письма императрицы к Николаю II, может показаться, что через них она словно проводит своеобразный сеанс гипноза, чтобы подчинить волю Николая, заставить его поступать так, как кажется правильным ей и стоящему за ее спиной Распутину:

«...Ты властелин и повелитель России, всемогущий Бог поставил тебя и они должны все преклоняться перед твоей мудростью и твердостью... Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом — сокруши их всех».

Но история сложилась иначе...

В конце 1916 года, когда ситуация в стране стала приобретать взрывоопасный характер, императрица не чувствовала этого и по-прежнему в письмах мужу настаивала:

«Еще немного терпенья и глубочайшей веры в молитвы и помощь нашего Друга, и все пойдет хорошо... Покажи всем, что ты властелин, и твоя воля будет исполнена. Миновало время великой снисходительно-

сти и мягкости — теперь наступает твое царство воли и мощи! Они будут принуждены склониться пред тобой и слушаться твоих приказов и работать так, как ты хочешь и с кем ты назначишь. Их следует научить повиновению. Смысл этого слова им чужд: ты их избаловал своей добротой и всепрощением».

Общее направление мысли государыни, ее требования явно расходились с реальностью. При этом к концу своего императорства она

Известно, что Мария Федоровна призналась как-то премьер-министру В. Коковцову:

«Моя бедная невестка не осознает, что она губит и династию, и себя. Она искренне верит в святость этого авантюриста, и мы бессильны предотвратить несчастье, которое, несомненно, придет».

Накануне рокового 1917 года российское общество взбудоражила история с письмами императрицы Александры Федоровны и ее до-

Рождение четырех девочек подряд огорчало супругов. Им необходим был наследник мужского пола. На этой почве у Александры возникли терзавшие ее невроты, окреп комплекс «династической вины», в результате которого она еще больше замкнулась в себе

все дальше отходила от высшего общества, которое откровенно презирала.

Из-за Распутина она вступила в конфликт с Романовыми, испортила отношения с родной сестрой великой княгиней Елизаветой Федоровной и другими, некогда близкими ей людьми... А ведь Распутин появился в жизни семьи Романовых только потому, что ему действительно удавалось облегчать страдания цесаревича Алексея. Только это и было важно для императрицы-матери: она не то что за соломинку — за бритву готова была ухватиться ради спасения своего мальчика.

черей Распутину, где, в частности, будто бы признавалась интимная связь Александры Федоровны с «сибирским старцем». Как выяснилось впоследствии, письма были полностью сфабрикованы...

Последняя русская императрица действительно верила в спасение России, и спасение это она неизменно связывала с именем «святого старца».

Но гибели династии Романовых во многом способствовали... сами Романовы. Великий князь Николай Михайлович писал после убийства Распутина русскими аристократами вдовствующей императрице Марии Федоровне 24 декабря 1916 года:

«... Вся Россия знает, что покойный Распутин и А.Ф. одно и то же. Первый убит, теперь должна исчезнуть и другая...»

Императрицу Александру Федоровну в России не любили, а к 1917 году уже откровенно ненавидели. Это отношение проявилось и в описаниях ее внешности:

«Нельзя сказать, чтобы внешнее впечатление, производимое ею, было благоприятно. Несмотря на ее чудные волосы, тяжелой короной лежавшие на ее голове, и большие темно-синие глаза под длинными ресницами, в ее наружности было

тельство которой, по его просьбе, приглашало Романовых на постоянное жительство в Лондон. Тут вмешался Петроградский совет, а вскоре изменил свою позицию и Лондон, устами своего посла заявивший, что британское правительство больше не настаивает на приглашении. В начале августа Керенский проводил царскую семью в Тобольск, выбранный им местом ссылки. Но после появления в этом городе новых лиц, подозреваемых в связях с монархистами, представители уже советской власти встревожились. Было решено перевести Романовых в Ека-

Стараясь творить добро, Александра Федоровна в годы Первой мировой войны занялась деятельностью, немыслимой для человека ее звания и положения. Она не только патронировала санитарные отряды, учреждала и опекала лазареты, но вместе со своими старшими дочерьми окончила фельдшерские курсы и стала работать медсестрой

что-то холодное и даже отталкивающее. Горделивая поза сменялась неловким подгибанием ног, похожим на книксен при приветствии или прощании. Лицо при разговоре или усталости покрывалось красными пятнами, руки были мясисты и красны».

При этом никого не интересовало, что у императрицы большие ноги, и «неловкое подгибание ног» связано именно с этим.

Наступил переломный 1917 год. После отречения Николая II Александр Керенский хотел отправить царскую семью в Англию, прави-

теринбург, где для царской семьи отвели здание купца Ипатьева, получившее временное название «Дом особого назначения».

Они могли уехать за рубеж, спаслись, как спаслись многие из высокопоставленных подданных России. Почему же все-таки не бежали?.. На этот вопрос из далекого восемнадцатого года отвечает сам Николай:

«В такое тяжелое время ни один русский не должен покидать Россию».

И разрабатывался план ночного похищения семьи, белые офицеры

с фальшивыми документами пытались проникнуть в дом Ипатьева...

К несчастью, судьба Романовых была уже предрешена... Советская власть рассчитывала подготовить «образцово-показательный» суд над Николаем, но для этого не хватило времени. В середине июля 1918 года, в связи с наступлением на Урале белых, Центр, признав, что падение Екатеринбурга неизбежно, дал указание местному Совету предать Романовых казни без суда.

И они остались здесь. Остались вместе навечно, как и напророчи-

ли сами себе когда-то в юности. Виновные или нет в печальной судьбе России, Николай Александрович и Александра Федоровна понесли слишком тяжкую кару за все свои преступления — вольные и невольные. Об их невинно убиенных детях и слугах говорить не приходится...

Остается только добавить, что последняя императрица России вместе со всей семьей была канонизирована Русской православной церковью в августе 2000 года. □

*В небе моего Вифлеема
никаких не горело знаков,
никто не мешал могилами
спать кудроголовым волхвам.
Был абсолютно как все —
до тошноты одинаков день
моего сошествия к вам.*

Владимир Маяковский

Его помнят большим. Во всех смыслах — взрослым, размашистым в словах, движениях, мыслях. С громоподобным голосом и эмоциями — яростными, не терпящими сопротивления. Маяковский терпеть не мог, когда с ним не соглашались, он обожал спорить и оказываться правым, любил доказывать, что все именно так, а не иначе. Не знал полутонов. Именно таким его помнят те, кто был «по эту сторону стихов». Те же, кто был «по ту сторону» — рядом с Маяковским, — помнят его совсем другим: нежным, добрым, отзывчивым, искренним и прощающим.

Где правда? Ответ, надеялся Маяковский, каждый найдет в его стихах — в том, что он любил и ценил больше жизни.

Евгения
Гордиенко

ПРЕДЕЛЁН

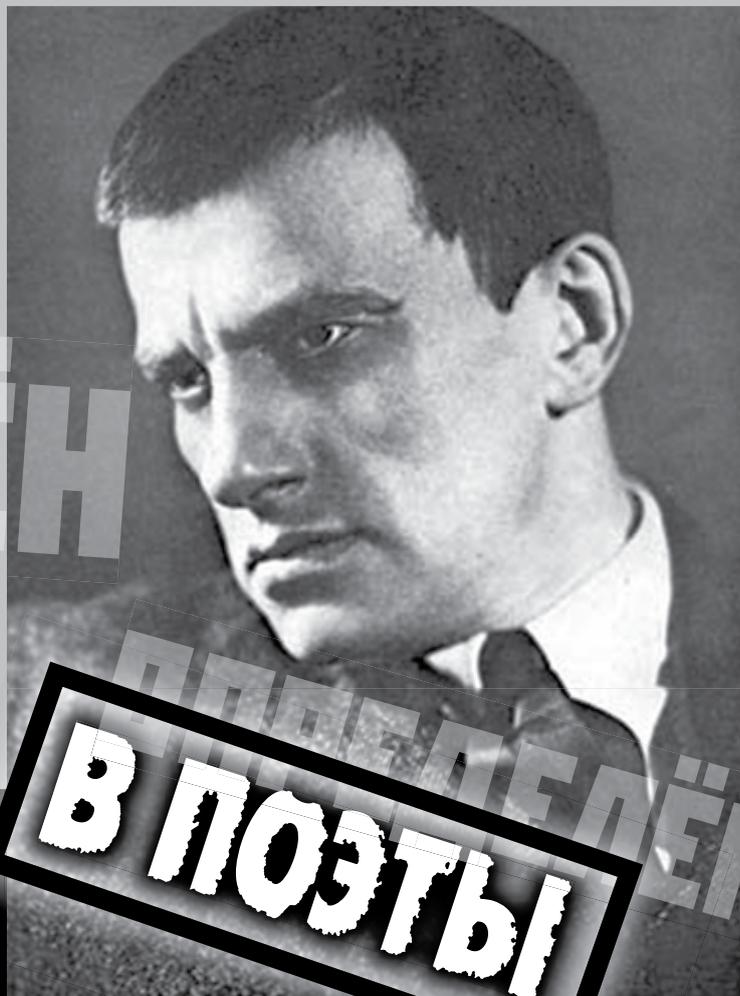
«Я — ПОЭТ. ЭТИМ И ИНТЕРЕСЕН»

В воспоминаниях о детстве сам Маяковский был до предела краток. Вот глава, названная «Главное»: «Родился 7 июля 1894 года (или 93-го — мнения мамы и послужного списка

отца расходятся. Во всяком случае, не раньше). Родина — село Багдади, Кутаисская губерния, Грузия».

Конец главы. По мнению автора, этого было достаточно.

Он не любил говорить о себе, как о чем-то свершившемся. Постоянно

был в движении, в развитии. Как раз-
машисто шагал он со своей знамени-
той тростью по улицам Москвы, так
же шагал и по жизни — отмеряя все
стихами. «Я — поэт. Этим и интере-
сен. Об этом и пишу. Об остальном —
только если это отстоялось словом».

Маяковского считают певцом ре-
волюции, человеком до мозга ко-
стей советским. Это лишь отчасти
так. Он принял перемены с огром-
ной любовью, сразу и целиком. На-
чиная с 1906 года, когда семья по-
сле смерти отца переехала в Мо-

скую, Маяковский был полон желания участвовать в революционном движении — незаконные типографии, съеденный вместе с переплетом блокнот с адресами, засады, партийная работа, и — 11 месяцев в Бутырской тюрьме. За это время он прочел всего Белого и Бальмонта, и там же попробовал и сам писать:

*В золото, в пурпур леса
одевались,
Солнце играло на главах
церквей.
Ждал я: но в месяцах дни
потерялись,
Сотни томительных дней.
Позже поэт вспоминал: «Исписал
таким целую тетрадку. Спасибо над-*

зрителям — при выходе отобрали. А то б еще напечатал!»

После выхода из тюрьмы партийная работа была заброшена — Маяковский хотел создать новое, социалистическое направление в искусстве. Кто-то смеялся, но нашлись и те, кто поддержал. И, прежде всего, — Давид Бурлюк, ставший для Маяковского, конечно, не учителем, но тем вдохновителем, который подтолкнул его к стихосложению.

Юный Маяковский читал Бурлюку стихи, выдавая их за чужие. Внезапно Бурлюк рывкнул: «Да это ж вы сами написали! Да вы же гениальный поэт!» А на следующее утро, знакомя с кем-то Маяковского, Бурлюк уже говорил: «Не знаете? Мой гениальный друг. Знаменитый поэт Маяковский!» А после рычал на поэта, отойдя: «Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение». И Маяковскому пришлось писать.

Он учился упорно, как умеет учиться человек, поставивший ясную и четкую цель. И даже война, начавшаяся в 1914 году, не могла помешать этой цели. Напротив, Маяковский, со свойственной ему горячностью, взялся писать стихи о войне и рисовать плакаты. Даже отправился записываться добровольцем на фронт, но не пустили — не благонадежен. Вскоре он и сам охладел к войне, появились отвращение, ненависть.

До дач под Петербургом война еще не добралась. Маяковский, выиграв у кого-то 65 рублей, в мае от-

правился в Куоккалу, где в те времена были дачи у многих: у Чуковского, у Репина, у Евреинова. Поэт придумал собственную «семизнаковую» или «семипольную» систему — каждый день обедать у кого-либо из знакомых. В воскресенье — у Чуковского, в понедельник — у Евреинова, в четверг — у Репина. Жена Репина — Северова-Нордман — была крайне экономной женщиной и готовила жареные капустные кочерыжки. Маяковский называл это «репинские травки». Для футуриста ростом в сажень — не очень-то весело.

Маяковского не признавали долго. Теперь может показаться странным, но когда он в доме Чуковского вставал у печки, чтобы начать читать стихи, многие демонстративно поднимались и уходили. Влас Дорошевич, руководитель «Русского слова», влиятельнейший журналист, с которым Чуковский пытался познакомиться молодого поэта, прислал Корнею Ивановичу телеграмму: «Если приведете мне вашу желтую кофту, позову околоточного, сердечный привет».

Но приближался июль 1915 года, который в своих записках сам Маяковский называет «радостнейшей датой». Это — знакомство с Осипом и Лилей Брик.

«НЕ ПРОСИ ЕГО ЧИТАТЬ»

Бриков познакомила с Маяковским младшая сестра Лили Юрьевны — Эльза, будущая знаменитая писательница Эльза Триоле. Поначалу

Маяковский ухаживал именно за Эльзой, но встреча с Бриками стала поворотным моментом в жизни всех троих.

Лиля Юрьевна Брик пишет в предисловии к своим воспоминаниям: «Во избежание недоразумений скажу, что я уже больше года не была женой О. Брика, когда связала свою жизнь с Маяковским. Ни о каком «*Ménage à trois*» («любовь втроем») не могло быть и речи. Когда я сказала Брику о том, что Владимир Владимирович и я полюбили друг друга, он ответил: я понимаю тебя, только давай никогда не будем с тобой расставаться».

Этими строками Лиля Брик подчеркивает все бесчисленные домыслы, которые в избытке создавались

современниками и потомками, исследователями творчества и друзьями Бриков и Маяковского.

Верить или нет этой загадочной, странной, так до конца никем и не понятой женщине — вопрос спорный. Ясно только одно — она любила Маяковского, он любил ее. Остальное — не так важно...

Тогда, в 1915 году, о любви речи еще не шло. Это был просто очередной поклонник Эльзы, оставивший в ее доме визитную карточку желтого цвета и такого размера, что на следующий день мать Эльзы вернула ее Маяковскому со словами: «Владимир Владимирович, вы забыли у нас свою вывеску». После случайной встречи на даче летом, Маяковский и Брики увиделись в Петер-

Владимир Маяковский с Лилей и Осипом Брик

бурге, куда Лиля приехала после похорон отца в Москве. Пришел Маяковский. Лилия шепнула Эльзе: «Не проси его читать». Но Эльза не послушалась и Брики впервые услышали «Облако в штанах». Больше они с Маяковским практически не расставались.

Никто не помнит, откуда и почему пошла эта дружба-любовь-привязанность-необходимость, но уже никого не смущала табличка на двери в Полуэктовом переулке — первом жилище троицы в Москве — «Брики. Маяковский».

Жизнь поэта стала еще более насыщенной. Он уже давно не был

«желтой кофтой», не был тем, кто мечтал «сбросить Пушкина с парохода современности». Это осталось в прошлом, бунтарство приобрело другой оттенок. Ему нравилась советская власть, и он с искренним рвением взялся за работу в РОСТА. Там же работала и Лилия Брик. Рита Райт, коллега Маяковского по РОСТА, вспоминает: «Маяковский ненавидел «богемность». Он был чистоплотен до болезненности, точен до минуты и организован до мелочей... Маяковский был требователен к себе и к другим. Он с величайшей безразличностью относился к неопрятности в человеческих отношениях,

Вероника Полонская

к расхлябанности в работе, к пустой «болтологии».

Время работы в РОСТА было веселым временем для всех — и для Маяковского, он мог творить сутками напролет, не уставая, и для Лили Юрьевны — она помогала с плакатами, придумывала новые идеи, воплощала их. Это была юность, которой не страшны ни холодная квартира, ни продуктовые карточки, ни неустроенный быт...

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАЛЬНОЙ ПОЭТ

И, конечно, Маяковский не прекращал творить. Он писал много, сочно, почти всегда успешно. Это уже не тот Маяковский, которого просили «не читать». На его «чтения» в Политехнический музей пробирались без

билета и сидели в проходах. Его обожали, с ним мечтали познакомиться. Встретив Маяковского случайно на улице, потом гордо рассказывали об этом знакомым.

Он не прекращал работу никогда. Часто уходил с утра в лес с записной книжкой и работал, бормоча на ходу, расхаживал взад и вперед по какой-нибудь одной полянке или дорожке, как по своей комнате, и как будто не обращал внимания на природу, хотя, на самом деле, любил ее по-настоящему, любил ходить по лесу, искать грибы. Он был страстным и честолюбивым грибником. Грибы признавал только белые, и самый большой боровик в истории пушкинского (Маяковский и Брики часто отдыхали в Пушкино) «грибоискания» был найден именно Владимиром Владимировичем.

Не только природа пленяла Маяковского. Он обожал животных, до нежности, до слез. Знаменитый Щеник из поэмы «Хорошо!» был целым событием в жизни поэта.

*Двенадцать
квадратных аршин жилья.
Четверо
в помещении, —
Лиля, Ося, я
и собака Щеник.*

В 1919 году в Пушкино Маяковский нашел грязного щенка, принес его домой и отмыл в тазике. Лили Брик вспоминает: «Извели на него всю воду из самовара. Я принесла теплого молока, накрошила хлеб». Маяковский назвал собаку Щеном.

Они были похожи: большелопые, большеголовые. Поэта стали называть Щеном большим, пса — Щеном маленьким. Когда однажды Маяковский и Брики уезжали по делам, Щена пришлось оставить у знакомых. Вернувшись, поэт увидел похудев-

шего и голодного пса. По пути домой он говорил Лиле и Осипу: «Нельзя своих собаков отдавать в чужие нелюбящие руки. Никогда не отдавайте меня в чужие руки. Не отдадите?»

А потом Щен пропал. Сколько не искали, так и не нашли. До Маяков-

ского дошли слухи, что пса кто-то заманил и убил. После они переехали на другую квартиру, так и не узнав, что случилось со Щеном. Он прожил с Маяковским только 11 месяцев, но поэт всегда помнил его...

ПРИЗНАНИЕ?..

Прося Бриков «не отдавать его в чужие руки», Маяковский выдавал одну из главных черт своего характера: ему нужны были внимание и признание. Всегда и много. Он терпеть не мог бесцеремонного отношения к своим стихам, не прощал его. Если какой-то журнал при публикации искажал хоть одно слово в стихотворении, Маяковский приходил в бешенство. Звонил, скандалил, требовал извинений.

В 1929 году он затеял отчетную выставку «20 лет работы». Хотелось получить признание. Хотелось восхищения, «творческого, по словам Лили Брик, комфорта». Он уже устал от споров и полемики. Что было причиной этих перемен?

Лиля Брик, конечно, не была единственной женщиной в жизни поэта. Будучи в 1928 году в Париже, Маяковский познакомился с эмигранткой Татьяной Яковлевой. Их часто видели вместе, Маяковский был влюблен, но Татьяна не хотела возвращаться в Россию. Поэт сделал ей предложение, и уехал на родину. Больше его в Париж не пустили, а вскоре Эльза прислала письмо, где писала, что Татьяна выходит замуж за француза, виконта дю Плесси. Маяковский был мрачен. С тех пор, как он узнал о замужестве Яковлевой, состояние его почти всегда было подавленным. Он взял обычай сравнивать себя: «Ну, я, конечно, не французский виконт...» Может, Та-

тьяна Яковлева и была дорога поэту больше, чем Лиля Брик, но одно ясно точно — больше Лили Маяковского не любил никто.

Было ли дело в Татьяне, или в том, что Маяковский не видел развития своего творчества, но факт остается фактом — 12 апреля 1930 года он написал предсмертное письмо. Оно прождало 2 дня — застрелился поэт лишь 14 апреля.

Брики были в отъезде. Если бы не это, возможно, все сложилось бы иначе, Лиле Юрьевне уже случалось отговаривать Маяковского от сведения счетов с жизнью. Однако в тот день рядом с поэтом была лишь Вероника Полонская — молодая актриса, последняя любовь.

Он уговаривал ее бросить театр, мужа, выйти за него замуж. Бросить мужа Полонская соглашалась, театр — нет. Тогда Маяковский велел ей убираться, дав денег на такси. Полонская вышла, закрыв за собой дверь, и вдруг услышала выстрел. Она долго металась, не могла войти в комнату — боялась...

Юрий Олеша вспоминает: «В день его смерти, когда, уже вечером, мы собрались в Гендриковом переулке... вдруг стали слышны из его комнаты громкие стуки — очень громкие, бесцеремонно громкие: так могут рубить, казалось, только дерево. Это происходило вскрытие черепа, чтобы изъять мозг. Мы слушали в тишине, полной ужаса...»

ПРОЩАНИЕ

«В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите — это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лилия — люби меня.

Товарищ правительство, моя семья — это Лилия Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты устроишь им сносную жизнь — спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят — «инцидент исперчен», любовная лодка разбилась о быт.

Я с жизнью в расчете и ни к чему перечень взаимных болей, бед и обид.

Счастливо оставаться.

Владимир Маяковский

Товарищи Рапповцы, не считайте меня малодушным.

Серьезно — ничего не поделаешь.

Привет.

Ермилову скажите, что жаль — снял лозунг, надо бы доругаться.

В.М.

В столе у меня 2000 руб. — внесите в налог. Остальное получите с Гиза.

В.М.»

Предсмертное письмо Маяковского — как эпилог всей его жизни.

Никому не задолжать, обо всех по-
заботиться, попросить прощения,
попросить не забывать...

Его не забыли. Лиля Брик любила
его до конца дней. И он каждый день
говорил с ней своими стихами.

ВЛАДИМИР МАЯКОВСКИЙ

НОЧЬ

Багровый и белый отброшен

и скомкан,

В зеленый бросали горстями дукаты,

А черным ладоням сбегавшихся

окон

Раздали горящие желтые карты.

Бульварам и площади было

не странно

Увидеть на зданиях синие тоги.

И раньше бегущим, как желтые

раны,

Огни обрुчали браслетами ноги.

Толпа — пестрошерстная быстрая

кошка —

Плыла, изгибаясь, дверями влекома,

Каждый хотел протащить хоть

немножко

Громаду из смеха отлитого кома.

Я, чувствуя платья зовущие лапы,

В глаза им улыбку протиснул, пугая

Ударами в жезл, хохотали арапы,

Над лбом расцветивши крыло

попугая.

А ВЫ МОГЛИ БЫ?

Я сразу смазал карту будня,

Плеснувши краску из стакана,

Я показал на блюде студня

Косые скулы океана.

На чешуе жестяной рыбы

Прочел я зовы новых губ.

А вы

Ноктюрн сыграть

Могли бы

На флейте водосточных труб?

Себе, любимому, посвящает эти строки автор

Четыре.

Тяжелые, как удар.

«Кесарево кесарю — богу богово».

А такому,

Как я,

Ткнуться куда?

Где для меня уготовано логово?

Если б был я маленький,

Как Великий океан, —

На цыпочки б волн встал,
Приливом ласкался к луне бы.
Где любимую найти мне,
Такую, как и я?
Такая не уместилась бы
в крохотное небо!

О, если б я ниц был!
Как миллиардер! Что деньги душе?
Ненасытный вор в ней.
Моих желаний разнузданной орде
Не хватит золота всех Калифорний.

Если б быть мне косноязычным,
Как Дант

Или Петрарка!
Душу к одной зажечь!
Стихами велеть истлеть ей!

И слова
И любовь моя —
Триумфальная арка:
Пышно,
Бесследно пройдут сквозь нее
Любовницы всех столетий.

О, если б был я
Тихий, как гром, —
Ныл бы, дрожью объял бы земли
одряхлевший скит.

Я

Если всей мощью
Выреву голос огромный —
Кометы заломят горящие руки,
Бросятся вниз с тоски.
Я бы глаз лучами грыз ночи —
О, если б был я тусклый,
Как солнце! Очень мне надо

Сияньем моим поить
Земли отощавшее лонце!

Пройду, любвищу мою волоча.
В какой ночи, бредовой, ненужной,
Какими Голиафами я зачат —
Такой большой и такой ненужный?

СКАЗКА О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

Жил да был на свете кадет.
В красную шапочку кадет был одет.
Кроме этой шапочки, доставшейся
кадету,
Ни черта в нем красного не было
и нету.

Услышит кадет — революция где-то,
Шапочка сейчас же на голове кадета.
Жили припеваючи за кадетом кадет.
И отец кадета, и кадетов дед.

Поднялся однажды пребольшущий
ветер,

В клочья шапчонку изорвал на
кадете.
И остался он черный. А видевшие
это
Волки революции сцапали кадета.

Известно, какая у волков диета.
Вместе с манжетами сожрали
кадета.
Когда будете делать политику,
дети,
Не забудьте сказочку об этом
кадете. □

Львы

и шакалы

Я выбирал себе приятелей из самых разнородных слоев общества — от министров до воров.

О министрах поговорим в другой раз.

Случай с Мишкой Саматой, завсегдаем пивной «Иордань» и моим приятелем по той же «Иордани», настолько ярок, что не опубликовать его было бы грехом перед уголовной литературой.

Очень хороший человек был этот Мишка, и прямо иногда делалось грустно, что он пошел по тернистому пути. Сердечный, вежливый, и пел, как малиновка.

Сидел он однажды в «Иордани» с двумя друзьями — Жаном Кадушкой, «чемоданщиком», и Егоркой Напополам, «скокарем», — и вели они тихий разговор. Саматоха весело гудел на ухо друзьям:

— Вот, братцы, унюхал я икрыное дельце на Московской улице, в доме двадцать четвертом. Клевое дельце! Один хлюст одевается в передней, а я прохожу по лестнице мимо — дверь открыта. И висит на вешалке шуба — ну, всем шубам шуба! А он натягивает осеннее драповое пальто, и у них не то с кухаркой, не то еще с кем-то промеж себя разговор: «Уходите, барин?» — «Ухожу, Малаша» — «В клуб, барин?» — «Вот какая ты, Малаша,

дура. Каждый день иду в клуб, а ты меня каждый раз спрашиваешь. Что это за пустой вопрос?» Эге, думаю я себе, выходит так, что ежели нету морозу, так он в драповом пальто смывается с дому, а тая шуба на вешалке висит, как дура. Замок, конечно, американский, но... какой там может быть разговор?

— Нехороший это дом, — солидно возразил Напополам. — Шумный очень. Пассажиры все время по лестнице мотаются, как жирафы какие.

— Там будет видно, — гордо усмехнулся Саматоха.

Через два дня снова сидела та же компания в «Иордани».

Мишка Саматоха снисходительно и доброжелательно обвел взглядом друзей, подмигнул им и заявил:

— Нынче угощаю пивом. Хоть залейтесь, ребята!

Лица просияли.

— Неужели выгорело?

— А то! Я, брат, такой человек, что...во!.. брат, какой человек.

— А шуба-то хорошая?

— Шу-ба? Да ты, может, таких шубов и не видывал. Княгиня, а не шуба! Ицка-Очки без слова 800 отслонявил.

И, прихлебывая пиво, Саматоха пустился в технические подробности так удачно завершенного предприятия.

— Ай да, Миша! — восторгалась компания, — ну и Мишка же наш!

— Антрекот с гвоздем, — загадочно похвалил удачливого Мишу Жан Кадушка.

Из боковой ниши, в которой стоял крохотный столик под самым окном, вдруг показался незнакомый человек. Положил свою тяжелую лапу на плечо Миши и дружелюбно сказал:

— Пойдем, Миша!

Саматоха только глазом повел:

— Куда-а?

— Ясное дело, куда. В участок. По случаю шубы.

— Тю! — добродушно удивился Миша. — Вот тебе и засыпался.

— А вы кто будете, господин хороший? — солидно и основательно спросил Жан Кадушка, поглядывая на выходную дверь.

— Не признал, Иван Кадушкин? — подмигнул незнакомец. — Вот он — кто я. — И показал какой-то кончик из бокового кармана.

— Тогда другое дело, — вздохнули Мишины друзья. — Прощай, брат Миша! Даст Бог — встретимся.

— Поверьте мне, — прижимая руки к груди, сказал Миша, — я это анекдот такой рассказывал...

— Вот ты там, в участке, его еще раз расскажешь, — кротко усмехнулся незнакомец. — Не делай шума, Миша! Я тут такой же гость, как и ты. Пошли...

— Эх, — сокрушенно крикнул Миша. — Идти, так идти.

Честно расплатился за пиво и вышел вслед за незнакомцем.

— Господин адвокат, — говорил Миша отрекомендованному ему защитнику, — верьте моей совести, — никакой шубы я вовсе не знаю. Был я в тот вечер не на Московской, двадцать четыре, а со своими друзьями в харчевне «Чотолджа». Двое даже могут очень это подтвердить. Очень просто.

— Эх ты, голова, — с веселым цинизмом сказал адвокат. — Ну, что тебе передо мной ломаться? Это ты присяжным можешь вола вертеть, а я тебя защищать буду. Украл ты шубу или нет — дело в том, что она исчезла. Сидеть ведь не хочешь?

— Какое там сиденье, — застонал Миша, — когда дел разных полон рот.

— Так-то и оно. А я, парень, тебя за волосы вытащу. Ты мой гонорар знаешь?

— Где там, — поскромничал Мишка. — Меня ведь и по судам-то первый раз таскать будут.

— Ври больше! А столовое серебро баронессы Кноп?

— Верьте совести — судебная ошибка.

— А теперь другая будет. А ежели тебе дадут защитника по назначению — сам знаешь, шестью месяцами не отвертишься. Этакое дело годом пахнет...

— А какая ваша цена будет? — спросил Саматоха с самым коммерческим видом.

— Полторы тысячи, — собиновским тенором пропел адвокат Мишке на ухо.

Мишка даже икнул и огогокнул от такого ответа.

Процесс о похищении шубы не привлек ничьего внимания. Только для Мишки Саматохи он явился сенсационным процессом, потому что Мишка был кровно заинтересован в сохранении своей свободы.

На суде дело благодаря адвокату странно запуталось: не то украл, не то нет. Со стороны пострадавшего Петрова никто не явился, друзья Миши дружно поддержали Мишино алиби, а адвокат так доконал присяжных блестящей речью, полной цитат и ссылок на прецеденты, что ошеломленные присяжные сразу постановили столь приятное для Мишки:

— Нет, не виновен!

У Мишки Саматохи была своя каторжная совесть: по выходе из суда он робко подошел к адвокату и протянул ему пакетик.

— Полторы? — деловито спросил адвокат.

— Полторы, — тяжело вздохнул Мишка.

— Так-с. — Адвокат аккуратно засунул пачку денег в карман брюк. За-стегнул его и, немного поколебавшись, сказал: — А все-таки, выходит, Миша, что ты дурак.

— То есть?

— Да вот надо знать, у кого ворует. За шубу-то, поди, половину моего гонорара выручил — так что один тебе убыток. А я эту шубу все равно собирался продавать — тысячу двести давал приятель — вот мне триста рублей и навару.

— Да нешто ...это вы... живете на Московской, двадцать четыре?

— А кто же? Ясное дело — я. У меня же и шуба пропала.

— Тю! — только и нашел, что сказать, Мишка, покачал головой и с сокрушенным сердцем побрел в «Иордань».

За полудюжиной пива Мишка поучал приятелей:

— Работать нужно, ребята, умно! С оглядкой. Скажем, обкрал ты священника — пожалуйста, он может тебе на исповеди отпущение грехов дать. Доктор — тоже. Ты, скажем, все носильное и столовое собрал да неудачно со второго этажа выпрыгнул...что ж, он тебе и сломанную ногу бесплатно починит, да еще на лекарство даст. Очень добрый до нас народ... А адвокатов? За три квартала их обегайте! Потому как от всех этих адвокатских штук — один убыток! Нет-с, знаете ли, себе дороже...

Газета «Руль», 30-е гг.

Странный рубль

Иван Сергеевич имел цельный и гармоничный характер, и не гордился этим только потому, что был скромен и прост в обращении, эти качества резко отличали его от других воров, водившихся в трактире «Лужайка» — людей, в общей массе, крикливых, хвастливых и наглых.

Деятельность Ивана Сергеевича имела строго определенное направление, от которого он не уклонялся ни вправо, ни влево: не убивал, но зато и не работал. Только воровал.

К людям, не воруящим, относился недоверчиво, с легким затаенным презрением, и когда вдумывался в их жизнь, то про себя нередко удивлялся:

— Почему они тоже не воруют?

После долгого раздумья объяснял это себе двумя причинами: беспощадной логикой социального строя (если все обворовываемые будут воровать, то некого будет обворовывать), а также отсутствием предприимчивости и неловкостью лиц, которые предпочитали зарабатывать пропитание трудом.

«И трудитесь, черти, — думал с ласковой насмешливостью Иван Сергеевич. — Вам же хуже! Все равно украду!»

И крал.

Эту веселую человеческую комедию изредка прерывали длинные антракты — именно тогда, когда Иван Сергеевич попадал в тюрьму. Здесь он имел возможность бросать ретроспективные взгляды на пройденный путь и каждый раз успокаивался на том, что ошибок в системе не было:

право Ивана Сергеевича — воровать, но зато право обворованных — ввергать его в тюрьму... Пожалуйста!

После этого никто не имел возможности упрекать друг друга в несправедливости и дуться один на другого. И по выходе из тюрьмы можно было начинать новую жизнь: трудящиеся, нажившись, должны были снова положить несколько вещей, а Иван Сергеевич брал уже остальное на себя.

Воровал Иван Сергеевич двадцать пять лет — с тех пор, как себя помнил. Если считать, что проживал он в год около двух тысяч, то накрадено им было за всю жизнь мелкими вещами и суммами — пятьдесят тысяч. Эти деньги должны бы вызвать еще большее к себе уважение, если принять во внимание, что ни одна копейка из них не была нажита обыкновенным трудом или убийством. Кражи — только кражи.

Это был превосходный, очень уютный особняк, имевший все данные для того, чтобы понравиться Ивану Сергеевичу.

Оба они — особняк и Иван Сергеевич — стояли друг против друга на глухой пустынной улице, и один из них думал: «Если выдавить стекло — стоят на подоконнике горшки с цветами или не стоят? Свалишь их или не свалишь?»

Долго размышлять было рискованно: через час прекрасная темная ночь сменится рассветом. Поэтому Иван Сергеевич, закусив нижнюю губу, провел по стеклу кольцом, наложил на него какую-то тряпку и через минуту стоял уже на подоконнике, зорко всматриваясь в непроглядную тьму, сгустившуюся в комнате. Мягко спрыгнул босыми ногами на паркет и, простирая вперед чуткие руки, побрел наугад...

— Ох, ччерт!..

Нога его споткнулась обо что-то мягкое, большое, неподвижное, и Иван Сергеевич, падая, схватился рукой за спинку кресла. Кресло стукнулось о стол, на столе задребезжала лампа... Он присел, и вдруг увидел, как в стороне мелькнула желтая вертикальная полоска света, которая сейчас же перешла в прямоугольник, и в дверях, освещенный маленькой лампой, показался человек.

Лампу он вытянул вперед и с любопытством водил ею во все стороны до тех пор, пока луч света не упал на присевшего около стола Ивана Сергеевича.

Иван Сергеевич взвизгнул, выпрямился и бросился к открытому окну, но незнакомец опередил его — одним прыжком, не выпуская лампы из рук, сел на подоконник и, усмехнувшись, спросил:

— Испугались?

— Испугался, — признался Иван Сергеевич и зашаркал смущенно босой ногой по полу.

— Эх вы! Как же можно быть таким нервным... Не бойтесь. Хозяина дома нет.

Иван Сергеевич изумленно сверкнул глазами и спросил:

— Да... а вы кто?

— Я? Вот тебе раз! Ну, угадай-ка, миленький, кто я?

Блуждающие глаза Ивана Сергеевича остановились на большом солидном узле, валяющемся на полу, — том самом узле, на который споткнулся он минуту назад, — затем его глаза перешли на широкую смеющуюся рожу незнакомца, и оба человека, глядя друг на друга, неистово расхохотались.

— Ах, поди ж, ты! — всплеснул руками Иван Сергеевич. — А я думаю — хозяин. Тикать хотел. Один ты тут?

— Один.

— Да как ты сюда пролез? Окна были целые, парадные заперты — я толкал.

— А я ключом. Зашел, а потом заперся, чтобы не мешали.

— А если хозяин подойдет?

— Он-то? Каждую ночь в клубе до восьми часов утра в карты режется! Всю хурду-мурду успеем вывезти.

— Вы-везти!!! — ахнул Иван Сергеевич.

— А ты что думал? Эх, вы! — засмеялся новый вор. — Сколько уже веков прошло, а все вы, воры, ничему не научились. Простой вы народ — воры! Без плана, без выдержки, без хладнокровия... Тебе бы, дураку, только влезть в окно, рискуя, что тебя сцапают, стянуть какую-нибудь подушку или пальто, ценой в пять целковых, — и убежать...и ты уже думаешь, что большое дело сделал!

— А ты... как же? — спросил, усаживаясь на узел, Иван Сергеевич.

— Вот так же! Как видишь!.. Я целую неделю потратил на слежку: как живет хозяин, да что он делает, да когда возвращается вечером? И что ж ты, братец мой, думаешь?.. Прислуга приходящая, больше ни души, а сам из клуба под утро возвращается.

— А он сейчас не придет?!! — вздрогнул Иван Сергеевич.

— Будь покоен, братец, верные сведения имею. — Новый вор помолчал и снова заговорил: — Так вот как. И задумал я вычистить квартиру до последнего гвоздика. Переулок глухой — кому помешать можно? Работай тихенько, смирененько. К семи часам утра заказал я две подводы с нашими ребятами — приедут, все и вывезем.

Иван Сергеевич ударил себя по коленкам и восторженно вздернул головой.

— Ловко! Все, как есть?

— Все, миленький ты мой. До гвоздочка, до последней карточки. Кой-что я уже и уложил.

— Ловкий, дьявол... Меня-то в долю примешь?

— Почему не принять? Товару много. Расторгнемся. Однако, миленький... Американцы, о которых ты по своему умственному убожеству не имеешь никакого понятия, говорят: время — деньги. За дело! Я письменным столом займусь, а ты картины снимай.

Новые друзья весело захлопотали.

Наглость и уверенный план другого вора обворожили Ивана Сергеевича. Заворачивая в простыни картины и связывая веревками груды дорожных книг с золотым обрезом, он время от времени садился на пол и громко торжествующе хохотал:

— Ай, да мы! Ну, и мы! Ну, и воры нынче пошли!

— Не дери глотку, — скромно сказал новый вор. — Дело нужно делать, а он гогочет... Укладывай лампу в ящик... Да с резервуаром поосторожней! Он, кажется, фарфоровый. Разве вы, черти, понимаете?

Иван Сергеевич хлопотал, вертелся по комнате, упаковывал, распутывал веревки, развязывая узлы острыми зубами, и все время среди этих занятий восторженно поглядывал на товарища.

А тот, уложив всего одну этажерку с безделушками и какой-то чемодан, уселся в кресло и важно закурил папироску.

Работы было еще много, но он всем своим видом показывал, что закончить ее предоставляет простоватому Ивану Сергеевичу, который с мокрым потным лицом то и дело подбегал к товарищу и, держа в руках какой-нибудь альбом с фотографическими карточками, отрывисто спрашивал:

— Братъ?

— Бери, Ваня, бери. Все пригодится.

— А салфеточку эту? Неужто и ее братъ? На что она?

— А что ж салфеточка — собака, что ли? Зачем ее оставлять?... Да поторапливайся! А то ребята с подводами приедут — куда нам все поспеть?

И, вместо того, чтобы помочь утомленному, запыленному Ивану Сергеевичу, он только курил, да поглядывал на окна, в которых уже занялся рассвет...

Приехали «ребята с подводами».

Все было уложено, связано, и Иван Сергеевич, еле держась на ногах от усталости и суеты, разрешил себе закурить папироску.

— Нечего там раскуриваться! — оборвал его безжалостный товарищ. — Помогай таскать вещи. Смотри — до хозяина досидимся.

— А ты чего не помогаешь? — робко спросил Иван Сергеевич.

— Достаточно напомогался! Моя работа раньше была. Не бросай папироски на ковер: прожжешь — за него и полцены не дадут! Черти вы! Разве понимаете?

На улице было холодно... Иван Сергеевич, стоя на мостовой, чувствовал, как его босые ноги мерзнут от предрассветной сырости. Другой вор тоже вышел к подводам и равнодушно смотрел, как «ребята» нагружали их.

— Ну, что, закончили? — спросил он.

— Да, все готово.

Тогда вор обратил сонное лицо к Ивану Сергеевичу и, улыбнувшись, сказал:

— А теперь иди себе, братец, подбру-поздорову.

— Как — иди? — ахнул Иван Сергеевич. — А вещи? А дележка?

— Какие вещи?

— Да эти! Что мы собирали.

— А разве они твои, эти вещи?

— Да ведь и не твои!! — рассердился Иван Сергеевич.

— Нет, мои.

— Это же еще, почему такое? Хозяин ты им, что ли?

— Эх, ты! — засмеялся незнакомец. — Говорил же я, дураки вы, воры! А кто ж я? Конечно, хозяин. На другую квартиру переезжаю, с ночи укладывался... А тут ты пришел... Помог. Да я ничего не имею. Спасибо, что помог. По крайней мере, честным трудом рубль заработал. Хе-хе! Я даром, братец, чужого труда не хочу. На, получай! За честный твой труд!

Хозяин вынул из кармана рубль и сунул его в руку Ивана Сергеевича.

Уже всходило солнце, когда Иван Сергеевич брел по пустой улице довольный, брюзжащий сам на себя, с серебряным рублем, зажатым в грязный кулак.

Этот рубль, заработанный тяжелым неблагодарным трудом, жег ему руку. Проходя по мосту, Иван Сергеевич плюнул, очень неприлично выругался и, размахнувшись, выбросил дурацкий рубль в воду. □

«Сатирикон», 1910 г.

Публикация **Рафаэля Соколовского**

ПЕРВАЯ

КРУГОСВЕТНАЯ

Денис Логинов

Имя Ивана Федоровича Крузенштерна золотыми буквами вписано в историю русского мореплавания. Именно он вместе с Юрием Лисянским на кораблях «Надежда» и «Нева» совершил первую русскую кругосветную экспедицию. И никого не волнует, что родился Адам Иоганн фон Крузенштерн в Эстонии и там же в таллинском соборе погребен. Он навсегда принадлежит России, как один из ее героических сынов.

Потомок обрусевшего немецкого дворянского рода, сын судьи Иоганна Фридриха фон Крузенштерна родился в поместье родителей в Эстонии в ноябре 1770 года. С двенадцати лет он обучался в церковной школе в Ревеле, а затем судьба сделала резкий поворот: пятнадцатилетнего подрост-

ка отправили в Кронштадт, в Морской кадетский корпус.

Учение пришлось прервать досрочно: в связи с войной со Швецией в мае 1788 года кадет Крузенштерн был выпущен из Корпуса в чине мичмана и направлен служить на 74-пушечный корабль «Мстислав». Отличился в Гогланд-

ском сражении, участвовал в менее известном, но не менее героическом Эландском сражении и еще в целой серии морских боев, после чего был произведен в лейтенанты.

Обычная биография российского моряка, но...

Но в 1793 году — очередной крутой поворот: лейтенанта Крузенштерна посылают для изучения морского искусства в Англию. С английским флотом он отплыл к северным берегам Америки, где участвовал в сражениях с французскими судами, посетил Барбадос, Суринам, Бермудские острова, ходил в Бенгальском заливе с целью исследовать ост-индийские воды и открыть русской торговле маршрут в Ост-Индию, а по возвращении в Россию был награжден орденом Святого Георгия четвертого класса.

Занявший престол после гибели отца Павла I, погибшего при загадочных обстоятельствах, молодой и романтичный Александр I горячо поддержал проект о первой русской кругосветной экспедиции. В 1802 году проект Крузенштерна был вытаскен из-под сукна и высочайше утвержден.

В начале августа 1803 года при большом стечении народа экспедиция Ивана Крузенштерна вышла из Кронштадта на двух парусных шлюпах — «Надежда» (на борту которого находилась миссия в Японию во главе с Николаем Резановым) и «Нева» (которым командовал однокашник и помощник Кру-

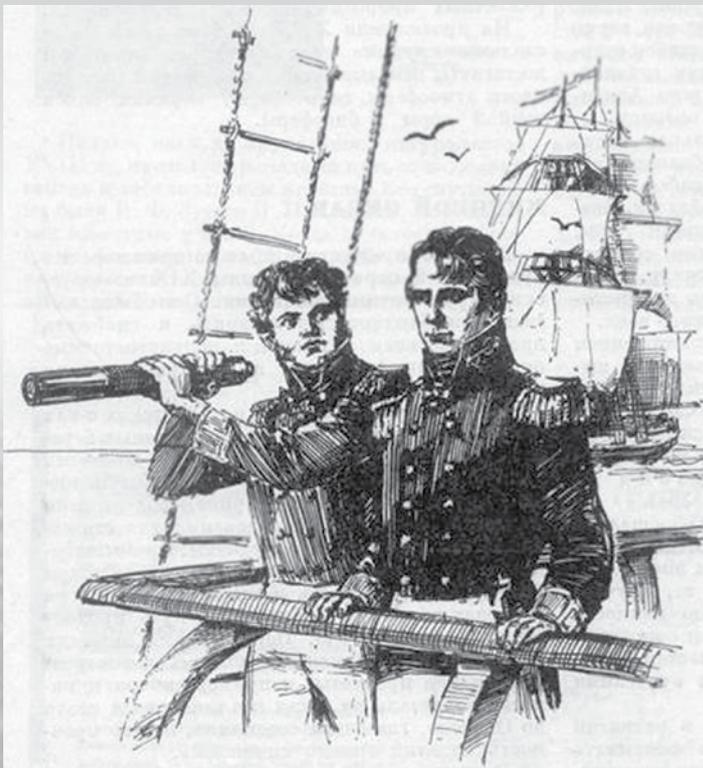
зенштерна капитан Юрий Лисянский). Главная цель плавания заключалась в исследовании устья Амура и соседних территорий для выявления удобных мест и маршрутов снабжения товарами русского Тихоокеанского флота. После продолжительной стоянки у острова Санта-Катарина (побережье Бразилии), когда на «Неве» пришлось заменить две мачты, суда впервые в истории русского флота пересекли экватор и направились на юг. 3 марта обогнули мыс Горн и через три недели в Тихом океане разлучились, чтобы встретиться у Маркизских островов.

От них шлюпы вместе проследовали к Гавайским островам, где вновь разошлись: «Нева» отправилась к берегам Аляски, а «Надежда» прибыла в Петропавловск-Камчатский в июле 1804-го.

Затем Крузенштерн доставил Резанова в Нагасаки, по дороге описав северные и восточные берега залива Терпения. Впервые он сделал снимки около 1000 км берегов Сахалина, пытался пройти на юге между островом и материком, но не смог и ошибочно решил, что Сахалин — не остров и соединен с материком перешейком.

Участники первой российской кругосветной экспедиции внесли значительный вклад в географическую науку, стерев с карты ряд несуществующих островов и уточнив положение существующих. Они провели измерения температуры во-

*Юрий
Федорович
Лисянский
и Иван
Федорович
Крузенштерн*

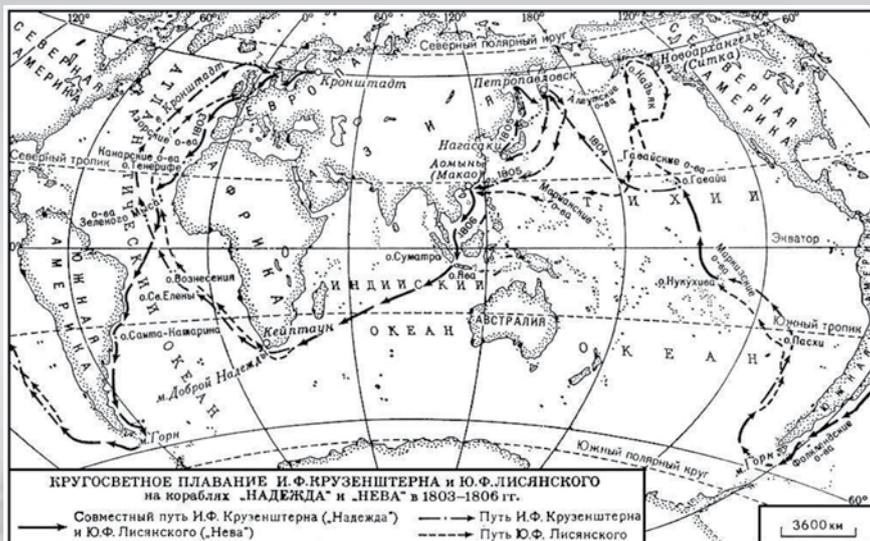

ды на глубинах до 400 м, определили ее удельный вес, прозрачность и цвет, выяснили причину свечения моря, собрали многочисленные данные о давлении атмосферы, приливах и отливах в ряде районов Мирового океана.

Во время этого плавания было положено начало систематическим глубоководным исследованиям океана, Крузенштерн произвел опись части Курильских островов, побережий Сахалина, Камчатки, некоторых островов Японии.

Беспримерное в истории отечественного мореплавания путешествие закончилось блистательно. Оно не только имело неоценимое научное и практическое значение, но и явилось новым доказательством доблести и трудолюбия русских моряков, а также полностью подтвердило мысль о том, что доставлять товары на большие расстояния удобнее и выгоднее именно морским путем.

Крузенштерн был очень хорошо развит физически. По словам со-

временников, он сильно выделялся среди окружающих атлетическим телосложением, превосходя сильнейших матросов возглавляемой им экспедиции. Доподлинно известно, что он в этом путешествии, несмотря на недоумение коллег, возил с собой две двухпудовые гири и ежедневно занимался с ними по 30–40 минут, выполняя свое любимое упражнение — швунг жимовой.

Иван Федорович очень любил домашних животных. В путешествиях его постоянно сопровождал спаниель, любимец всей команды. Перед каждым отплытием вошло в добрую традицию каждому члену экспедиции потрепать спаниеля за длинные висячие уши, и действительно, путешествия проходили на

удивление гладко. Известны буквально анекдотические ситуации, когда дикари, в жизни не видевшие животных с настолько длинными висячими ушами, в ужасе разбежались. В своих записках об этом путешествии Крузенштерн рассказывает много любопытного о быте и нравах дикарей.

Описание путешествия и результаты океанологических и этнографических исследований он изложил в трехтомном труде «Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева».

Отечественные ученые приветствовали российских первооткрывателей. Петербургская Академия наук направила Крузенштерну специальное послание:

«Ожидания академии были оправданы самым блистательным образом, и это столь же смелое, сколь и счастливое плавание, совершенное под Вашим благоразумным управлением, не только возвысило славу русского флота в глазах всей Европы, но и обогатило науку открытиями и исследованиями, далеко раздвинувшими предметы естествознания и географии».

Иван Федорович Крузенштерн, ко всему прочему, приложил руку к становлению еще одного одиозного персонажа своей эпохи — графа Федора Толстого, ставшего известным как «Американец».

Федор Толстой родился в 1782 году. Окончив Морской кадетский корпус, начал службу в Преображенском полку. Служба не очень обременяла молодого человека, и он стал искать острые ощущения.

Узнав, что в России строится воздушный шар, захотел первым подняться в воздух. Понадобилось немало энергии и изобретательности, чтобы сначала познакомиться с конструктором, а затем убедить его лететь вместе. К несчастью, именно в тот день был внеочередной смотр полка, а Федор вернулся только вечером. Дружья встретили его рассказ о приключениях в воздухе с восторгом и похвалой, но педантичный полковник из обрусевших немцев при всех отчитал его как мальчишку. Федор вскипел и... плюнул командиру в лицо. Тот вызвал Федора на дуэль и получил

тяжелое ранение. Толстого разжаловали, посадили в тюрьму.

На милосердие суда рассчитывать не приходилось: полковник занимал высокое положение при дворе. Родственники стали думать, как помочь Федору.

Как раз в это время его двоюродный брат и тезка Федор Петрович Толстой (будущий художник-медальер) должен был отплыть в кругосветное плавание с экспедицией Крузенштерна. Художник страдал от морской болезни и всячески старался избежать путешествия. Обоим братьям можно было облегчить участь, заменив на корабле одного Федора Толстого другим.

В конце концов, они это сделали так ловко, что Крузенштерн ни о чем не догадался. В характеристике о «медальере» Ф. Толстом говорилось как о «молодой, благовоспитанной особе, состоящей кавалером посольства в Японию», а «особа», тайно проникшая на судно, ухитрилась за несколько дней перессорить всех матросов и офицеров.

Когда старенький, благообразный иеромонах Гедеон стал воспитывать Федора проповедями, буйный поручик напоил его до положения риз и, подождав, пока Гедеон уснет, припечатал святейшую бороду к палубе сургучной печатью. Когда иеромонах с трудом продрал глаза, Федор закричал:

— *Не смей вставать, печать казенная!*

Гедеон заплакал, стал просить, чтобы его отпустили.

— Не могу, — ответил Федор, — для этого надо обрезать твою бороду.

— *Согласен*, — жалобно простонал старичок, который в тот момент больше всего хотел опохмелиться.

Следующим в списке Толстого был капитан, который несколько

раз строго отчитывал Федора за хулиганское поведение. Когда корабли прибыли на Маркизские острова, почти все члены экипажа вышли на берег. С удовольствием гуляли по острову, наслаждаясь пышной природой. Федор же остался на корабле, дрессировал маленькую ручную обезьянку. Хотел, чтобы мартышка в присутствии капитана измазала чернилами журнал с его научными наблюдениями.

Так оно и оказалось. Крузенштерн сразу же догадался, кто все это подстроил. Терпение его лопнуло, и он высадил графа на остров с предписанием отправляться обратно в полк. Федор внешне спокойно выслушал приказ капитана, но на душе кошки скребли. Ему во все не улыбалось провести жизнь среди дикарей.

Он целыми днями ходил по берегу и смотрел на море, надеясь увидеть корабль. Прошло несколько месяцев, прежде чем костер, который он постоянно поддерживал, заметили, и к берегу пристало судно. Толстой чуть не потерял сознание от радости. В этот момент он готов был поклясться, что больше не сделает в жизни ничего дурного, и сам искренне верил в это.

На корабле он действительно вел себя очень тихо и без происшествий доплыл до Петропавловского порта Камчатки. Теперь ему предстояло путешествие через всю Сибирь. Он отправился домой сквозь непроходимую тайгу со

случайными проводниками, неделями никого не встречая, и через два года подошел к столице. Появляться там ему запретили специальным указом Александра I. Но однажды он нарушил предписание императора. Узнав, что Крузенштерн вернулся и устроил бал в честь успешного завершения кругосветной экспедиции, Федор явился к нему и во всеуслышание поблагодарил за то, что по его воле так весело провел время на Алеутских островах. Свое появление на балу объяснил тем, что также закончил кругосветное путешествие, только по другому маршруту. С этого момента за ним прочно закрепилось прозвище «Американец». Так что Александр Грибоедов ошибался, когда писал о Федоре Толстом: «В Камчатку сослан был...» Все было гораздо романтичнее.

В 1811 году Крузенштерна назначили инспектором классов Морского кадетского корпуса. В начале Отечественной войны 1812 года он пожертвовал на народное ополчение треть своего состояния (1000 рублей). А тремя годами позже, работав подробную инструкцию для кругосветной экспедиции 1815–1818 гг. под начальством Коцебу, одного из младших офицеров первого кругосветного плавания, посетил Англию для заказа необходимых для экспедиции инструментов.

Вернувшись, он получил бессрочный отпуск и занялся созданием «Атласа Южного моря», с приложением гидрографических запи-

Барк «Крузенштерн»

сок, под заглавием: «Собрание сочинений служащих разбором и изъяснением Атласа Южного моря» (сочинение это было отмечено Демидовской премией).

В 1827 году Крузенштерн стал директором Морского кадетского корпуса и членом адмиралтейств-совета. Шестнадцатилетняя деятельность на посту директора ознаменовалась введением в курсы Морского корпуса новых предметов преподавания, обогащением библиотеки и музеев его многими учебными пособиями, учреждением офицерского класса и другими улучшениями.

В 1813 Иван Федорович был избран членом академий и научных

обществ Англии, Франции, Германии и Дании. Развивающаяся болезнь глаз и не сложившиеся отношения с морским министром вынудили его просить освобождения от работы, и в декабре 1815 года он был отправлен в бессрочный отпуск, из которого вышел только двенадцать лет спустя.

Многие выдающиеся мореплаватели и путешественники обращались к Крузенштерну за поддержкой и советом. Он был организатором экспедиций Отто Коцебу (1815–18), Михаила Вавильева — Глеба Шишмарева (1819–22), Фаддея Беллинсгаузена — Михаила Лазарева (1819–21), Михаила Станюковича — Федора Литке (1826–29).

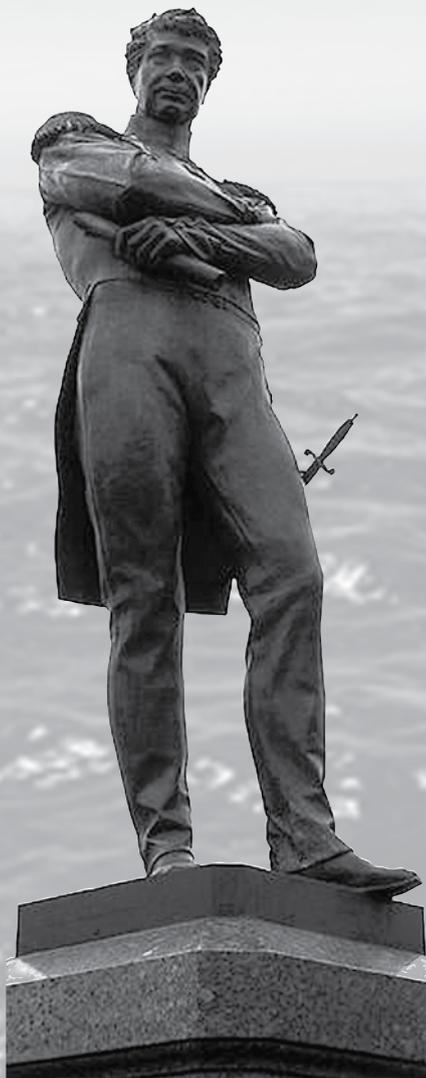
В 1842 году, будучи уже в звании адмирала, Иван Федорович ушел в отставку и уехал к себе в имение. Но трудиться не прекращал, и в 1845 году вместе с другими крупными исследователями — Ф.П. Врангелем, Ф.П. Литке и К.М. Бэром — принял участие в создании Русского географического общества, ставшего впоследствии крупнейшим центром географической науки в России.

Именем Крузенштерна названо двенадцать географических пунктов, в их числе атолл в архипелаге Маршалловых островов в Тихом океане, мыс на острове Парамушир в Охотском море, гора в Антарктиде... А в Петербурге в 1873 году ему был поставлен памятник (скульптор Иван Николаевич Шредер, архитектор Ипполит Монигетти Монигетти). «Первому русскому плавателю вокруг света Ивану Федоровичу Крузенштерну от почитателей его заслуг», — гласит надпись на пьедестале. Монумент устанавливался на частные средства, но небольшое пособие удалось получить и от государства.

За свои заслуги Иван Федорович Крузенштерн был награжден орденом Святого Георгия четвертой степени, орденом Александра Невского с бриллиантами и французским орденом «За заслуги в науке и искусстве». Его именем названы пролив и риф, а в 1993 году Банком России выпущена серия памятных монет «Первое

русское кругосветное путешествие».

Иван Федорович Крузенштерн умер 12 августа 1846 года в своем

поместье в Эстонии и похоронен в одном из соборов Ревеля (Таллинн).

И вряд ли он мечтал, что его имя ровно через сто лет получит вторую жизнь, которая будет овеяна романтикой и легендами так же, как и первая. Но это произошло.

Барк «Крузенштерн» был построен на верфях Германии в 1926 году и спущен на воду под названием «Падуя». Он принадлежал к знаменитой серии парусных судов, которые имели общее название «Летучий П-Лайнер», имена всех судов этой серии начинались с «П»: «Паньяни», «Печили», «Памир», «Пасат», «Померания», «Пекин», «Потози», «Пруссия». Все эти корабли носили голубой вымпел с инициалами фирмы FL, что дало повод морякам прозвать их «Flying Liner» («Летучий лайнер»). Корабли использовались на линии Европа — Чили.

Первоначально, как «Падуя», судно предназначалось для грузовых перевозок, но еще и как учебное. Оно перевозило строительные материалы в Южную Америку и обратными рейсами селитру и фосфаты из Чили, а также зерно из Австралии.

«Падуя» относится к так называемым «винджаммерам». Название происходит от английского «to jam the wind», что в переводе означает «выжимать ветер», в том смысле, что парусники этой серии были самыми быстроходными. В настоящий момент из всей серии единственным остается в строю

именно «Падуя», получивший после Второй мировой войны другое название.

В 1946 году судно перешло по репарациям в собственность СССР и было переименовано в честь известного русского мореплавателя и адмирала к столетию со дня его смерти. За свою историю парусник «Крузенштерн» совершил три кругосветных плавания, неоднократно бывал в трансатлантических путешествиях, является участником и победителем многих крупных морских и океанских парусных регат. Знаменитый барк, который по праву величают легендой мирового парусного флота, совершил заходы в девять портов Польши, Германии, Испании, Канады, Бельгии, Литвы, став желанным гостем для жителей этих стран, участником проходивших там морских фестивалей и праздников, а также местом проведения международных встреч.

Известно, что барк «Крузенштерн» в этом году собирается принять участие в нескольких международных регатах, в том числе в средиземноморской — от испанской Барселоны до французской Тулоны, а также в регате, которая пройдет на Черном море.

Осталось сказать еще об одном: «Аэробус А230» с номером VP-BKC авиакомпании «Аэрофлот» носит имя Ивана Крузенштерна. Знаменитый мореход бороздит теперь и просторы воздушного океана. □

«При дворе только и говорят о его величестве и о Лефорте. Они неразлучны... Пока Москва остается Москвой, не было в ней иностранца, который пользовался бы таким могуществом. Его величество делает ему значительные подарки»

(Из дневниковых записей капитана Сенебье)

Друг Петра Великого

Артем Омельченко

Род Франциска Лефорта происходит из Шотландии, но по происшествии времени Лефорты довольно прочно обосновались в Кони, в княжестве Пьемонт. Уже оттуда они перебрались в Женеву, где прадед Франца, Жан-Антуан Лефорт, «препровождал

жизнь в тишине, упражнениях в тех простых и мирных добродетелях, которые драгоценны в очах мудрого», а отец, Иаков Лефорт, был членом Великого Совета республики.

В 1656 году у Иакова и его жены Франциски Лект, девушки из

очень знатной фамилии, родился сын Франц.

Дети в этом роду воспитывались в строгих правилах кальвинизма, и в душе Франца на всю жизнь поселилось то внутреннее чувство, которое он сам называл «страхом Божиим».

После недолгого пребывания в Марселе, куда отец отправил его для учебы к знакомому купцу, и где он вместо этого поступил служить в крепостной гарнизон кадетом, Франц вернулся в Женеву. Там и произошло его знакомство с сыном курляндского герцога Карлом Яковом, и Франц решил отправиться в Голландию, что-

его уже ждало письмо от старшего брата Ами с известием о кончине их родителя. Франц не получил от отца никакого наследства, не надеялся более и занять место при курляндском герцоге, поэтому сильно пал духом. От отчаяния уже был готов вернуться в Женеву, но тут, как часто бывает, вмешался «господин случай»...

В крепости Нимвегене, где велись переговоры о мире, Лефорт познакомился с полковником Фан-Фростеном, набиравшим охотников для военной службы в далекой Московии. Лефарту полковник сразу предложил чин капитана.

В Амстердаме Франца ждало письмо от старшего брата Ами с известием о кончине отца. Он не получил от него никакого наследства и сильно пал духом. От отчаяния уже был готов вернуться в Женеву, но тут вмешался «господин случай»...

бы служить под его начальством. Отец, хоть и скрепя сердце, все же дал сыну 60 гульденов на дорогу, но зато в резкой форме отказал в рекомендательных письмах к знакомым купцам.

В Голландию Франц прибыл в августе 1674 года, в самый разгар войны с Францией, и с юношеским пылом сразу бросился в пучину опасностей. А после взятия крепости Граве на Маасе, где он отличился, Франц получил разрешение съездить в Амстердам, чтобы разузнать у своих соотечественников о здоровье отца. Там

Деньги для проезда в Архангельск Лефарту дал купец, хороший друг и приятель его покойного отца.

«Неужели ты поедешь в эту ужасную Россию, мон ами, — писала матушка Франциска, узнав о намерениях сына, — там ведь круглый год снег, а люди совсем дикие!»

Она, как почти все француженки, была домоседкой, и ей совсем не хотелось, чтобы младший из ее семи сыновей, красавец Франциск, на которого заглядывались все девушки в округе, покидал уютный, добропорядочный дом и уезжал на край

света, в какую-то страшную страну. И потом — ведь может случиться война! Еще убьют родное чадо, где-то далеко, на краю земли. Ужас, ужас, ужас!

Плавание от Амстердама до Архангельска заняло около шести недель. Так, за пять месяцев до кончины русского царя Алексея Михайловича, 25 августа 1675 года, во время ярмарки пришли с моря к Архангельску на голландских кораблях служилые иноземцы во главе с полковником Фан-Фростеном, всего четырнадцать человек, среди которых был и Франц Лефорт.

Прибывших встретил двинский воевода Федор Полуэктович Нарышкин, дядя царицы Натальи Кирилловны. Был он человеком весьма образованным и неглупым, поэтому при виде иностранцев не стал креститься и выкрикивать в испуге, как тогда делали иные: «*Чур меня!*», но при этом все же не посмел без царского позволения пустить в Москву иноземцев. Отправил бумагу царю, а им, ожидающим своей участи, назначил корм «неповелику» — по полтине, так что женецу Франку Лефарту пришлось тогда пробиваться всего на три копейки в день. Но разве могло это укротить страсти молодости? Ведь на селедку, хлеб и квас, слава богу, хватало. Правда, не более того...

И только в ноябре пришел царский указ, буквально ошарашивший иноземцев. Царь писал: «*Полковника Фан-Фростена с товарищами выслать за море, к Москве не отпускать и корм им прекратить...*»

Но приближалась зима, и возвращаться на кораблях в Европу было поздно. Пришлось писать царю слезную челобитную. И в этот раз позволение пришлось — выпустить иноземцев к Москве «*на их харчах и проторях*».

Еще шесть недель, большей частью пешком, добирались иностранцы до столицы и прибыли в Москву 26 февраля 1676 года, но уже при другом царе — Федоре Алексеевиче.

Молодой царь принял офицеров-иноземцев и уведомил их, что для службы они не пригодны. Причину своего отказа в службе объяснять не стал — на то и царь!

Что было делать? Многие отправились обратно домой, в Европу, а вот Лефорт все же решил, на свой страх и риск, остаться в этой непонятной, загадочной стране, к которой, несмотря на все трудности, испытывал необъяснимое влечение и большой интерес.

Поселиться пришлось, согласно царскому положению об иноземцах, в Немецкой слободе. Там и прожил Франц Лефорт какое-то время — без дела, без денег, на счет голландских купцов, полюбивших его за блистательный ум и разгульный характер. А когда началась война с Турцией, иностранным офицерам вовсе запретили покидать территорию России, и Лефорт был вынужден остаться в стране.

В это же время разыгрался его любовный роман с единственной дочерью богатой вдовы подполковника Суге, девицей Елизаветой. Мать Елизаветы, происходившая из фами-

лии фон Бокговен, с 1648 года жила в России, куда их семья переселилась из Англии вследствие гонений на католиков. Она долго не соглашалась на брак дочери. Но Елизавета настолько пленилась красивой наружностью статного двадцатидвухлетнего Лефорта и его веселым нравом и добрым сердцем, что тайно отдала ему руку и сердце. Пришлось матери смириться и простить молодых. При содействии новой родни Лефорт получил чин капитана и был назначен командиром роты, входящей в состав гарнизона Киева, принадлежавшей корпусу князя В.В. Голицына.

В апреле 1682 года скончался двадцатилетний царь Федор Алексеевич. Он был единственным из рода Милославских, более-менее сносно

относившимся к своему младшему брату Петру и Наталье Нарышкиной. Непримируемая и жестокая борьба за власть между Милославскими и Нарышкиными совпала с восстанием стрельцов в Москве, в результате которого первым царем был объявлен Иван Алексеевич (сын Милославской), Петр стал вторым царем, а Софья, их сестра, регентшей.

В это бурлящее и такое неспокойное время Франц Лефорт неожиданно появился в Троице-Сергиевом монастыре, где выжидала время и решения своей участи царская семья. Здесь-то его и представили царям Петру и Ивану — допустили к целованию рук...

Так началось стремительное продвижение женева Лефорта по служебной лестнице. Судьба благоволила красивому и смелому офицеру, безусловно, сыграли свою роль и его врожденная обходительность, добрый открытый нрав, живой, острый ум и большие дипломатические способности. Благодаря покровительству князей Голицыных, знавших Лефорта еще по Киеву, он получил чин майора, а вскоре и подполковника.

В 1687 году Лефорт, уже произведенный в полковники, набрал себе полк, который и был назван — Лефортовским. В состав этого полка вошли переодетые в немецкое платье стрельцы, а также 50 человек из новоприбывших иностранных солдат.

На широком пустыре, что на левом берегу речки Язуы, как раз на-

против своего дома, Лефорт устроил настоящий учебный плац, где обучал солдат военному искусству. Там же со временем выросла и слобода в 500 домов для солдат и офицеров, тоже названная Лефорт-товской.

В конце 80-х годов власть все еще была в руках Софьи. Петр и его мать

описал это в своих дневниках: «Мы бились партиями и с такою запальчивостью, что многие были ранены и обожжены порохом».

А совсем недалеко от Преображенского находилась Немецкая слобода, или Кокуй, как ее называли по протекавшему здесь ручью, впадавшему в Яузу.

Молодой русский царь уведомил офицеров-иноземцев, что они не пригодны для службы. Что оставалось делать? Многие вернулись обратно в Европу, а вот Лефорт, на свой страх и риск, решил остаться в этой непонятной, загадочной стране, к которой испытывал большой интерес

никакой роли в политических делах не играли. Село Преображенское было местом их своеобразной ссылки. Только смириться с потерей власти Наталья Кирилловна, конечно, не могла. Нашлись и у нее свои сторонники, среди них, в первую очередь, — патриарх Иоаким и монахи Троице-Сергиевой обители. В Преображенское из кремлевских хранилищ часто привозили оружие, порох, знамена, барабаны.

Большую часть времени юный Петр отдавал воинским играм — «потехам». К ним он привлек целую толпу сверстников и «робяток» постарше — бывших сокольничих, конохов и даже дворовых.

На полях у села Преображенского разыгрывались настоящие военные баталии. Позже Гордон так

Именно здесь, еще при царе Алексее Михайловиче, были поселены все иностранцы. Немецкая слобода. Немецкая улица. Немецкий рынок. Эти названия исчезли из обихода современного города, но не исчезли из исторической памяти...

Улицы Немецкой слободы носили названия тех мест, откуда приехали переселенцы, — Нарвская, Дерптская, Голландский переулок. Главной же считалась Большая улица (ныне Бауманская). Национальный состав жителей слободы был очень пестрым: немцы, датчане, шведы, голландцы, французы, швейцарцы, англичане, шотландцы и многие другие, но выходцы из германских земель все же преобладали.

Живой и любознательный Петр, бродя в окрестностях Преображен-

ского, часто бывал и в Немецкой слободе, благо здесь он находил многое, чему смог бы поучиться. У него сразу завелось множество друзей. Это и шотландский генерал Патрик Гордон, и один из строителей первого русского корабля «Орел» голландский плотник Бранд, и Франц Тиммерман, ученый голландец, дававший Петру первые уроки арифметики, геометрии и фортификации. Здесь же, в слободе, Петр познакомился и с Лефортом, который сразу пришелся ему по душе. Кроме того, Франц уже прослыл довольно опытным воякой, и Петру его знания были просто необходимы. Ученик начал быстро и успешно перенимать опыт учителя. Этому способствовало еще и то, что у них оказалось много общего в характерах, и даже большая разница в возрасте (Лефорт был старше Петра на 16 лет) не могла мешать их сближению и дружбе.

3-го сентября 1690 года царь впервые почтил своим присутствием дом Лефорта, к тому времени уже генерал-майора. Вскоре этот особняк на правом берегу Яузы, отделанный, на французский лад, с изяществом и даже роскошью, стал любимым местом отдыха государя и его свиты.

В один из таких приемов Петра Лефорт устроил прямо на пруду перед своим домом самый настоящий морской бой!

Солдаты Лефортского полка, одетые в морскую форму, действо-

вали как настоящие «морские волки». Стреляли пищали, грохотали пушки, развевались на ветру знамена, надувались упругим ветром паруса...

Петр пришел в неописуемый восторг! С этого момента мысль о создании своего, русского флота уже не покидала его.

Летом 1693 года он вместе с Лефортом приехал в Архангельск, где впервые в жизни вышел на яхте в открытое море. А чуть позже они уже руководили в Воронеже строительством первых боевых судов. Флот был необходим для предстоящего похода против турецкого Азова, запиравшего путь из Дона в Азовское и Черное моря.

Кроме этого, с взятием Азова Петр связывал и свои честолюбивые планы — ведь победа над турками упрочила бы положение России в Европе, а его самого украсила бы венком полководца-победителя. К европейской славе царь был весьма чувствителен, к тому же, его друг Лефорт, этот, по выражению князя Б.И. Куракина, «дебошан французский», давно подбивал Петра совершить вояж в Европу.

Сразу же после первого Азовского похода в 1695 году Лефорт стал адмиралом русского флота. Но многими этот факт был воспринят как парадокс, потому что поход тот, в общем-то, оказался неудачным. Азов так и остался за турками, да и флота как такового у русских еще не было... И вот, этот Лефорт, подданный какой-то маленькой Швейцарии,

не обладавший, кстати, никакими познаниями в области навигации и кораблестроения, объявлен первым русским адмиралом!

Но Петр отличался одним изумительным качеством — смотреть в будущее. Интуиция его, как правителя, почти никогда подводила...

В 1696 году Азов все-таки пал — был взят русскими. Успешные действия флота под командованием все того же Лефорта в значительной степени и обеспечили победу русских войск. Наверное, поэтому торжественный вход победивших войск в Москву возглавлял именно он.

Есть описание этого события у историка Д. Бантыш-Каменского:

«Везен был в столицу на колеснице, сделанной наподобие раковины, блиставшей повсюду златом и лазурью, и украшенной изображениями наяд, тритонов и пр. Колесница сия была запряжена шестью прекрасными лошадьми, богато убранными, и Лефорт сидел в оной в белом мундире, обложенном серебром, с начальничьим в руке жезлом и окруженный своими адъютантами. За ним несен был адмиральский штандарт, в сопровождении трех тысяч морских служителей и войска, перед которыми развевались знамена, флаги и вымпелы.

Петр сам, в простом мундире, шествовал пешком с прочими офицерами перед бомбардирскою своею ротою».

Но главное дело жизни Лефорта было еще впереди. Только побывав в

других странах, можно понять, «чем государство богатеет», и заслуга сближения царя со многими иностранцами принадлежит Францу Лефорту. Это он преподал Петру первые уроки государственности, разъясняя ему суть торговли между разными странами, необходимость строительства дорог и торгового флота, создания многих портов и усиления купечества.

«Воззрите, Ваше Величество, на Голландскую карту, — говорил Лефорт, — она не что иное, как малый уголок земли бесплодной, но торговлею и рачением обогатила себя и республику довела до могущества, равняющего ее с великими державами».

С Голландии и решил начать свое путешествие царь Петр. К слову сказать, и голландскому языку его обучил Лефорт, а с голландскими корабельными мастерами он был знаком еще по Немецкой слободе.

Маленькая аккуратная Голландия, может быть, потому и вызвала симпатии Петра, что была полной противоположностью громадной, бестолковой, отсталой России, с ненавистным ему патриархальным бытом, косностью, боязнью всего нового, ленью и невежеством.

Вообще-то, целей у Великого посольства было несколько. Во-первых, создание союза христианских государств в борьбе против турок, во-вторых, изучение кораблестроения и мореплавания, в-третьих, воспитание своих подданных на лучших европейских образцах, в-четвертых,

вербовка специалистов для работы в России (как военных, так и штатских) и, в-пятых, расширение торговли, налаживание непосредственных связей с иноземными купцами.

Возглавлять посольство Петр назначил Лефорта, как человека

чем, всегда готового вмешаться в решающий момент.

Петр не ошибся, целиком пожившись на ум, находчивость и опыт своего друга Лефорта. В Голландии Франц познакомил царя с ученым бургомистром Амстердама Никола-

собняк Лефорта стал любимым местом отдыха государя и его свиты. Однажды Франц устроил прямо на пруду настоящий морской бой. Петр пришел в неопишуемый восторг, и с этого момента мысль о создании своего, русского флота уже не покидала его

светского и обходительного, знатка европейских обычаев. Вторым посланцем стал генерал Ф.А. Головин, глава Посольского приказа, тонкий и опытный дипломат. Третьим был думный дьяк П.Б. Возницын, человек основательный, непроницаемый, старой закалки. Царь назвался Петром Михайловым и был записан в путевой журнал урядником Преображенского полка.

9-го марта 1697 года Великое посольство в составе 250 человек выехало из Москвы.

До сих пор у историков нет единого мнения относительно причин, побудивших Петра ехать инкогнито. Наверное, он хорошо сознавал свою неопытность в дипломатии и мудро решил остаться в тени, отдавая главные роли более опытным дипломатам. Для себя же выбрал удобную позицию наблюдателя, впро-

ем Витзенем, побывавшем в России и хорошо знавшем русский язык. Тот, в свою очередь, свел государя со многими сведущими в науках людьми, водил его «в их собрания, в коих Петр слушал ученые их диссертации и диспуты о разных важных материях, из которых приятнейшими для него были о науке мореплавательной и о румбах морских ветров».

Петр побывал в кунсткамерах и библиотеках, на мануфактурах и мельницах, в кузницах и на верфях, успел проникнуть в секреты Амстердамского банка и заключил несколько сделок с местными купцами.

Недовольный слабостью голландских мастеров в теории кораблестроения, он отправился в Англию «для изучения процветавшей там корабельной архитектуры, а Лефорт тем временем нанял в Амстердаме множество людей для службы, ку-

пил семь военных кораблей, припасы, орудия и все это отправил в Россию.

На обратном пути в Москву посольство остановилось в Вене. Здесь предстояли непростые переговоры с императором Леопольдом о союзе против турок. Они не были особо успешными — сказывалась неопытность русских дипломатов и слабость России в европейских делах, ее изолированность в экономике, торговле, политике.

Царь намеревался посетить Венецию, стремясь найти там союзника, но тут из Москвы пришло известие о бунте стрелецких полков. Бросив посольство, Петр со свитой помчался в Россию, и в дороге, уже в Польше, узнал о разгроме восставших стрельцов.

25 августа 1698 года царь вернулся в Москву. Предстоял суд над стрельцами. Петр был в ярости. Ненавистный образ сестры, ее сородичей и друзей, Милославских и Шакловитых, ожил в его воображении.

И полетели головы! Были казнены более тысячи человек, многие отправлены в ссылку. Только под окнами монастырской кельи, где жила Софья, повесили 240 стрельцов!

Грозил казнь и самой Софье, если б не заступничество Лефорта.

«Она многократно, с четырнадцати еще лет своих восстала на жизнь мою!» — восклицал Петр. *«Пускай так, — отвечал Лефорт, — но вы при всем том не должны умерщвлять ее, если только Ваше Величество не почитаете мщения дороже славы своей...»* Это был

один из первых уроков милосердия, преподанных российскому самодержцу.

Многие ли из подданных осмеливались говорить такое владыкам?

Простив не только Софью, но и всех ее сообщниц — монахинь и девок, Петр уехал в Воронеж, предоставив Лефорту вершить суд дальше по своему разумению. А тот помиловал остальных, не видя проку в устрашении и озлоблении. «Государь должен наказывать злодеями, но не приводить в отчаяние злодеев, первое есть следствие правосудия, а последнее есть действие жестокости», — говорил Лефорт.

Но недолго оставалось жить царскому любимцу: открылись раны, полученные еще в молодости, в походах. Лефорт заболел и слег. Петр из Воронежа ежедневно посылал курьеров в Москву, справляясь о

здоровье своего друга. Но врачи оказались бессильны, 12 марта 1699 года Лефорт скончался. Ему не было и сорока четырех. Петр, причмавшись в Москву, воскликнул: «На кого я теперь могу положиться? Он один был верен мне!»

И это действительно так — Лефорт был верен и бескорыстен, честно служил своей второй родине. Денег, оставшихся после него, не хватило даже на погребение, и все расходы принял на себя Петр.

Похоронили Франца Яковлевича Лефорта по лютеранскому обряду недалеко от его дворца. Но вот тут и начинается загадочное... По непонятной причине, уже в XIX веке, его вдруг решили перезахоронить на Немецком кладбище. Как это происходило, неясно и по сей день. Последнее конкретное упоминание о гробе Лефорта встречается в дневнике историка И.И. Снегирева: «В 1839 году гроб его находился в погребке, в доме Ямщикова у Госпитального деревянного моста в Лефортове».

Вот почти и все... Такая короткая жизнь — и такая поучительная!

После Лефорта появился у царя Петра другой фаворит. Он тоже был и талантлив и предан, но весьма и весьма не бескорыстный. Речь, конечно, о Меншикове.

Закончилась эта великая эпоха, как часто бывало с революциями в России, сильнейшей реакцией. Громкую телегу государства российского Петр разогнал до такой ско-

рости, что не всякий мог ею править. Меншикова она выбросила на первом повороте. Ну а последующим правителям пришлось сильно притормозить этот бег огромной страны. Можно по-разному относиться к преобразованиям Петра, но в одном нельзя отказать великому самодержцу — в его поразительном умении находить и подбирать талантливых людей. Окружение его состояло, в основном, из ярких и самобытных личностей, многие из которых несправедливо забыты. Лефорт был одним из них.

Иногда, читая высказывания Франца Лефорта, изумляешься — так и кажется, что он наш современник, и живет где-то совсем рядом с нами. Вот его слова, обращенные к царю Петру: «Изобилие продуктов России во всяком роде, необходимо нужных для всех государств, привлекают в пристани твои все торговые народы, а с ними и всякого звания ученых и художников, которые поселятся в ней, неизреченные доставят выгоды, и подданные твои нечувствительно приобретут от них знание в кораблестроении, в мореплавании, в искусстве крепостного устройства... равно как и в художествах, а паче в металлургии, столь нужной для земель твоих... наконец, не забудьте, Государь, и того, что нужно учредить Вам лучший распорядок во внутренних доходах Ваших и исправить многие вкравшиеся в них злоупотребления». □

история Европы история Древнего мира
история древних викингов

Интересные Страницы

ежедневно в эфире «365 дней ТВ»

мировой культуры и религий
события российской истории

РУССКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КАНАЛ
«365 ДНЕЙ ТВ»

Интересные страницы
Важные исторические

от времен фараона Тутанхамона до Первой Мировой войны

Увлекательные события

история Америки, Азии, Африки, Австралии
великие цивилизации древности

смотрите лучшие документальные фильмы
и передачи о мировой и российской истории

www.365days.ru

[facebook.com/365TV](https://www.facebook.com/365TV)

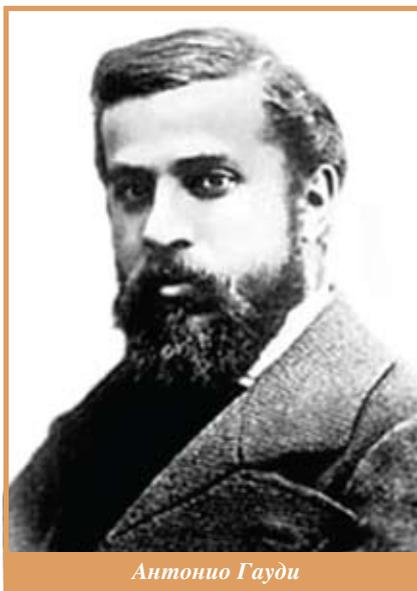
СМОТРИТЕ В ПАКЕТАХ КАБЕЛЬНЫХ И СПУТНИКОВЫХ ОПЕРАТОРОВ

12+

ГОСПОДИН

Евгения
Белогорцева

меровных

Антонио Гауди

Сто лет — не самый большой срок для строительства собора — европейская история знает сооружения, строившиеся по несколько веков. Но есть одно особое здание. Оно строится уже сотню лет, и строительство его вряд ли закончится при нашей с вами жизни. И если в средние века в основном не хватало денег или человече-

ских ресурсов, то у этой церкви есть и средства, и услуги лучших строителей мира. Но ее никак не могут достроить. Имя ей — Саграда Фамилия, церковь Святого Семейства.

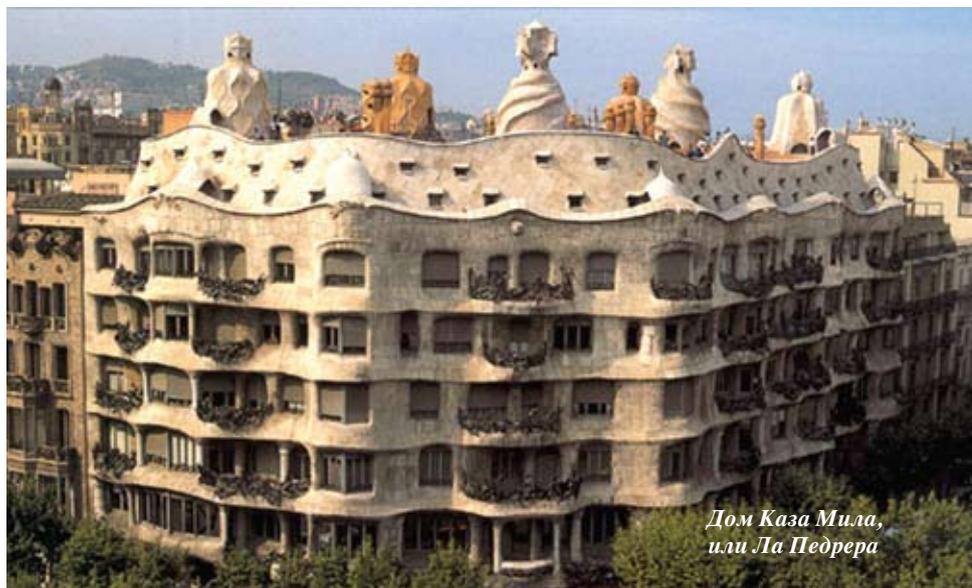
В чем же причина?

Неужели нельзя принять волевое решение и достроить, наконец, одно из самых необычных

- Джентльмены, перед нами либо гений, либо сумасшедший.
- Похоже, теперь я архитектор.

Диалог на выпускном экзамене

линей

*Дом Каза Мила,
или Ла Педрера*

и самых впечатляющих зданий на планете?

Нельзя. Потому что нет больше того, кто это здание придумал и отчасти спроектировал. Именно отчасти: есть проект, но нет точных расчетов (ими архитектор заниматься не любил), есть идеи, с которыми сегодняшний горожанин может не согласиться (например,

чтобы в 6 утра звуки мощного органа, проходящие через отверстия в башнях, будили не только весь район, но и весь город). Есть и талантливые архитекторы и скульпторы, но нет того стремления к исторической точности, к деталям, нет той сумасшедшей увлеченности, что была у автора — у Антонио Гауди.

Дом Кальвет

Его называли отшельником, говорили, что архитектура была его монашеским орденом. А он просто не мог без нее жить, как другие люди не могут жить без Бога и без веры. Ему было необходимо постоянно что-то придумывать, находить новое употребление уже известным предметам, искривлять прямые линии и закруглять углы.

На строительстве парка Гуэль в Барселоне Гауди однажды услышал, как рабочий, выкладывая потолок специально разломанной плиткой разбил припасенную к обеду бутылку пива. Мастер стал ругаться, что и так приходится заниматься ерундой из-за какого-то идиота, который придумал выло-

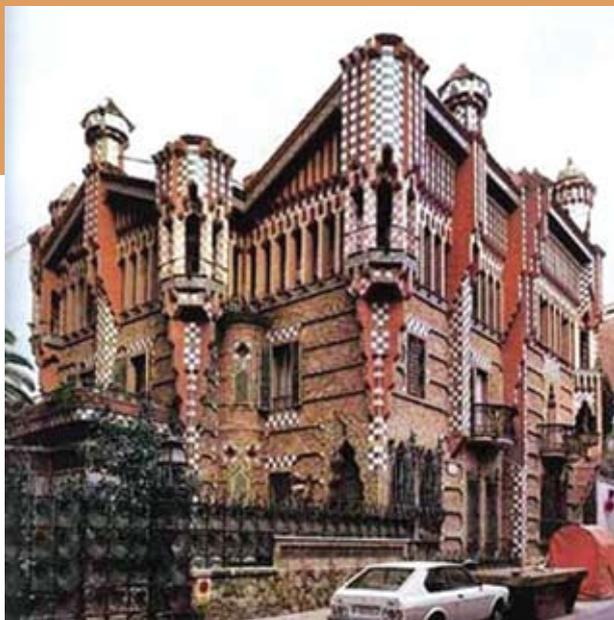

Эль Каприччио

жить потолок битой плиткой, а тут еще и пиво разбилось. Взбешенный Гауди выскочил, схватил осколки темно-зеленого стекла и закричал: «*Это для тебя пиво, а для меня... рабочий материал!*» Неожиданно он влез на стремянку и прикрепил к раствору цветные стекла. Потолок заиграл новыми красками.

Гауди, безусловно, верил в себя и в то, что делал, и другой вере в его жизни места не было. Впрочем, тому есть объяснение: его отец был неверующим, что для католической Каталонии того времени было нетипично.

Франческо Гауди был кузнецом, так что своими талантами Антонио

Дом Мануэля Висенса

был во многом обязан ему. Он вообще гордился своими корнями: «Своим хорошим пространственным воображением я обязан тому, что я сын, внук и правнук котельщика. Мой отец был кузнецом, и мой дед был кузнецом. Со стороны матери в семье тоже были кузнецы; один ее дед бондарь, а другой моряк — а это тоже люди пространства и расположения. Все эти поколения дали мне необходимую подготовку».

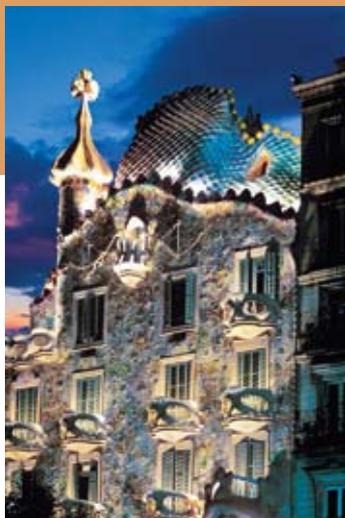
Мать Гауди Антония, как и полагалось, вела дом и воспитывала детей. Их было много, но много и умерло. В итоге, осталось трое — у Антонио были старшие брат и сестра.

Выжив, младший Гауди все же доставлял родителям немало хлоп-

пот — он болел всеми известными детскими болезнями. А когда подросток, врачи обнаружили у него недуг, известный как «слишком быстрое старение». Он всегда выглядел старше своих лет: в 26 ему давали сорок, а когда на его похоронах выяснилось, что любимцу Барселоны всего 74, горожане очень удивились — они-то были уверены, что ему за 90...

Доктора даже предрекали ему раннюю смерть, но Гауди всецело сосредоточился на том, чтобы это предсказание не сбылось, и ему это удалось.

Отучившись в школе, где единственным удававшимся ему предметом была геометрия, Антонио по-

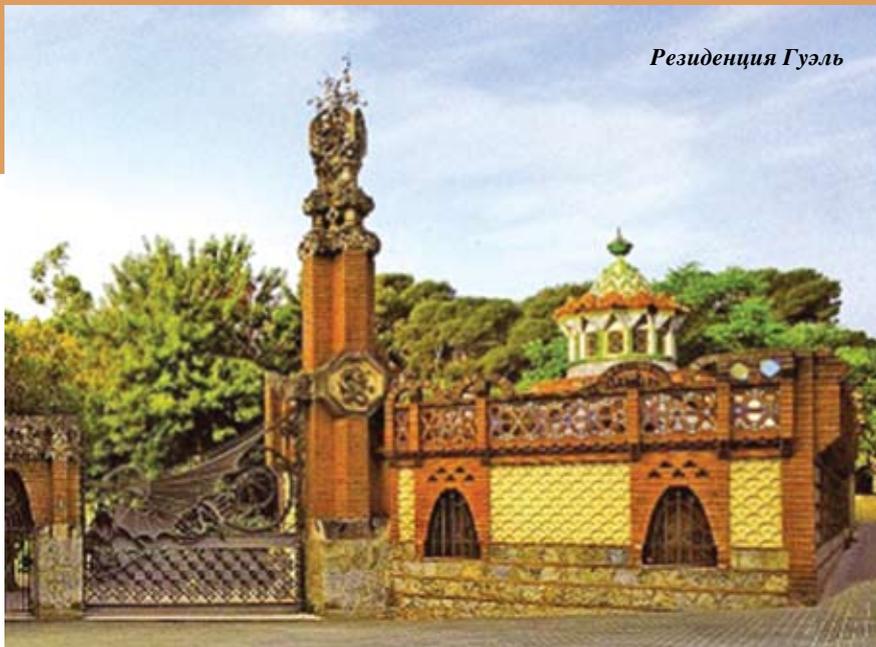

Дом Бальо (Дом костей)

нял, что хочет быть архитектором. Стоит отметить, что во второй половине девятнадцатого века эта профессия ассоциировалась скорее не с искусством, а с ремесленничеством. Но для поступления в институт его знаний было маловато, и в 1868 году шестнадцатилетний Гауди переезжает в Барселону, где устраивается чертежником в городское архитектурное бюро.

Когда же через пару лет он все же поступил в Высшую школу архитектуры, то быстро стал там одним из лучших учеников. Однако ему

очень не нравился формальный подход преподавателей, которые считали необходимым только начитать лекцию. Гауди, как мог, протестовал. Например, работая над проектом городского кладбища, он изображал на чертеже катафалк. Столь подробно прорисованный катафалк, что последний превращался в центр про-

екта. На вопрос — зачем он это сделал, Гауди отвечал, что таким образом хотел наполнить чертеж «воздухом» и передать «атмосферу» кладбища. Преподаватели только разводили руками.

Наконец, в 1878 году диплом архитектора был получен. Именно тогда Гауди и удостоился спорной фор-

мулировки: *«либо гений, либо сумасшедший»*.

Как нелегко было с Гауди преподавателям, так же нелегко стало с ним и его заказчикам. При любых попытках внести изменения в его проект, архитектор вставал на дыбы: *«Хотите, чтобы у вас работал Гауди, — доверяйте моей интуиции»*.

И ему доверяли. Он строил дома, дворцы, парки, украшал городские улицы фонарями — и все это было прекрасно.

Но начинать пришлось... с перчаток. Стараясь поправить свой бюджет после получения диплома, Гауди брался практически за любую работу. Однажды ему было заказано оформление витрины магазина перчаток.

Но Гауди не был бы Гауди, если бы подошел к этому оформлению со стандартной меркой. Он придумал соорудить из перчаток сцены из городской жизни. Перчатки изображали людей, лошадей и даже кошек, которых в Барселоне было немало.

Пока он возился в витрине, за ним неотступно наблюдал некий господин, который позднее попросил хозяина магазина познакомить его с оформителем.

Хозяин представил их друг другу:

— Антонио Гауди — Эусебио Гуэль.

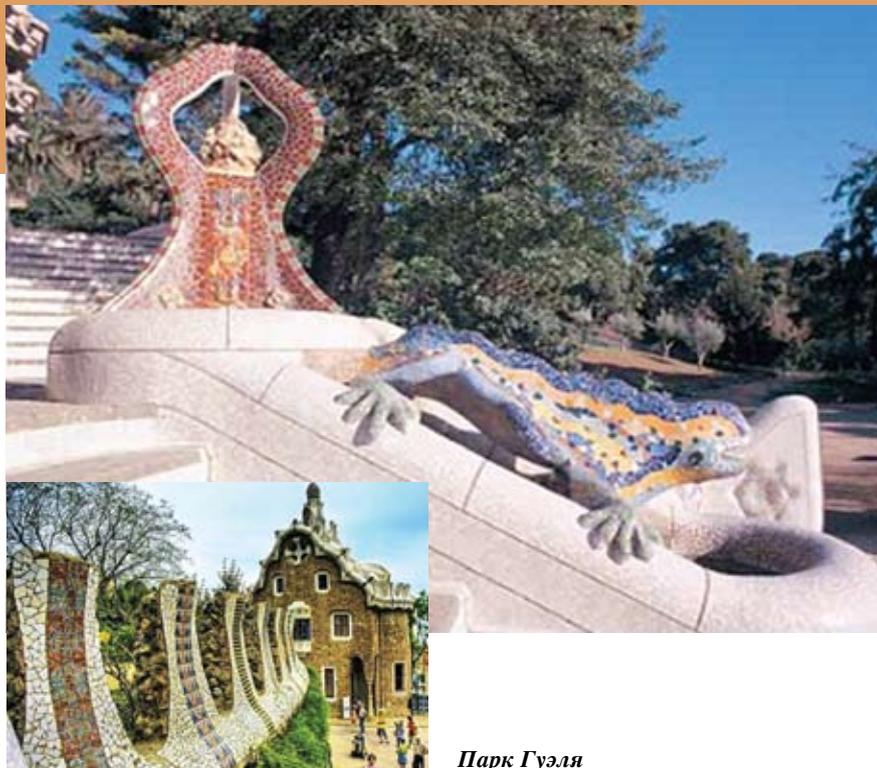
С этого знакомства началась новая эпоха для Антонио Гауди.

К моменту их встречи у него было всего четыре законченных проекта: собственный рабочий стол, чугунный цветочный киоск, стеклянная витрина для парижской выставки

тех самых перчаток, а также чертежи серии чугунных фонарных столбов. У Гуэля же была промышленная империя, текстильные предприятия и ответственные посты.

Гуэль стал для молодого архитектора лучшим другом, постоянным заказчиком, а также «бездонным кошельком». Многие проекты Гауди делал по велению собственного таланта, зачастую не имея никаких средств. Гуэль же оплачивал причуды мастера, считая, что таким образом он оставит в веках не только гениальные произведения своего друга, но и собственное имя. Предпринимательская интуиция и тут его не подвела — сейчас об Эусебио Гуэле знают исключительно в связи с именем Антонио Гауди.

Отношения заказчика и архитектора не мешали Гауди и Гуэлю по-настоящему дружить. В течение

Парк Гуэля

тридцати пяти лет Гауди был «семейным» архитектором Гуэля, построил для него несколько домов, целый парк, разработал фамильный герб. На правах друга он входил в дом промышленника, где собирался весь цвет тогдашней Барселоны.

Гуэль не стеснялся своего простонародного прошлого. Его девиз, появившийся на том самом гербе, гласил: «Abir Pastor Avui Senyor» — «Вчера пастух, сегодня господин». Сам Гауди сравнивал его с мудрым правителем эпохи Возрождения, с той лишь разницей, что богатства свои Гуэль не унаследовал, а заработал.

Встреча с Гуэлем помогла Гауди стать счастливейшим из творцов — ведь теперь он мог не задумываться о том, где взять средства на воплощение своих планов и идей.

Архитектор с трепетом относился ко всей семье Гуэля — у промышленника было много детей. Любимицей Гауди была дочь Эусебио — Исабель Гуэль. Однажды отец сделал дочери подарок — рояль. Но выяснилось, что инструмент не помещается ни в одной из комнат для вечера. Реакция Гауди осталась в веках: «*Послушайте меня, Исабель, — купите скрипку*».

Гауди стал, по сути, членом семьи Гуэль, потому что собственной семьи у него не было. Мало кто знает, почему так сложилось. Одни говорят, что он слишком любил свою работу, чтобы позволить женщине «оттягивать» на себя часть времени, посвященного архитектуре. Другие считают, что причина в несчастливой любви, которая произвела на молодого Гауди столь сильное впечатление, что он решил больше не иметь ни с кем глубоких отношений.

В пользу последней версии говорит история, случившаяся в те времена, когда Гауди был еще молод и только получил заказ на строительство кооператива Матаро.

Приезжая в Матаро, архитектор подружился с двумя сестрами, работавшими учительницами в школе кооператива — Аугустиной и Жозефой Мореу. Жозефу все называли Пепетой. Она была уже разведена и для своего времени отличалась определенным свободомыслием. Гауди был образован, эрудирован, он пригла-

*Церковь
Саграда Фамилия*

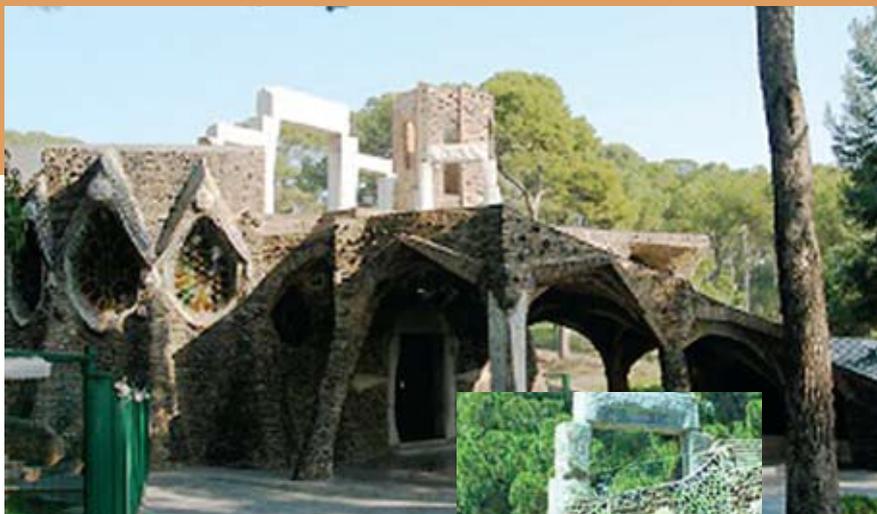

шал девушку в гостиную Гуэля, где знакомил ее с интеллектуальной элитой Барселоны. Пепете он нравился, но лишь только Антонио заговаривал о возможном браке, она делала вид, что не понимает его намеков. Когда же он напрямую предложил ей выйти за него замуж, оказалось, что Пепета уже помолвлена с одним богатым лесоторговцем. Больше никаких попыток он не предпринимал.

Гауди едва ли тяготился своим холостым положением. Скорее относился к нему с определенной до-

ле фатализма, считая, видимо, своей единственной любовью архитектурю. И это был поистине счастливый союз.

В Барселоне достаточно много зданий, построенных Гауди, и, несмотря на то, что все они очень разные, хорошо заметно одно — автор не любил прямых линий. Классический пример — дом Мила, или Педрера — каменоломня, который показывают всем без исключения посетителям города. Тяжеловесный фа-

сад, плавные изгибы и ни одного угла. Более того, внутри дома прямых линий тоже нет. Вся мебель сделана по специальному заказу именно для этого здания, система воздуховодов в доме такова, что стоило в какой-то момент начать ремонт и изменить ее, как дом стал покрываться плесенью. Систему восстановили, и плесень исчезла. Словно Гауди оставил «узелки на память», мешающие вносить какие бы то ни было изменения в проект.

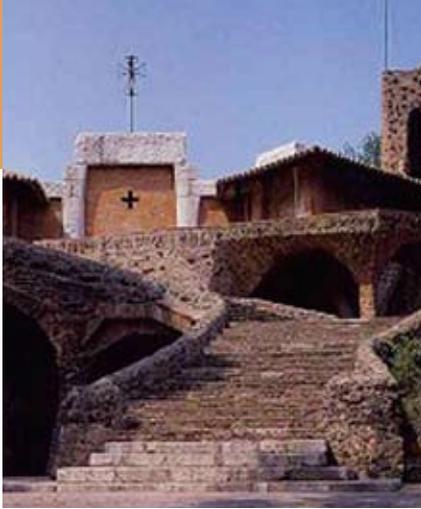
В этом доме по-прежнему живут люди, и продавать свои «непрямые» квартиры не желают ни за какие деньги. Потому что Гауди умел выстраивать не только красивое, но и очень удобное для жизни пространство.

У него почти не было провалов, если не считать парка Гуэль, внесенного теперь в список всемирного наследия ЮНЕСКО. Да и то — «провалом» это гениальное произведение

можно назвать лишь с экономической точки зрения.

Началось все с того, что Гуэль решил построить на горе жилой поселок. Был куплен участок на окраине Барселоны, построен дом-образец, который можно будет показывать потенциальным покупателям. Но удаленность места отпугивала барселонцев, и, в результате, был заказан и построен еще только один дом, а в «образце» поселился сам Гауди.

Поскольку экономически проект себя не оправдал, Гуэль решил, что вместо поселка здесь будет парк.

*Церковь
в колонии Гуэль*

Но когда он через несколько месяцев приехал на площадку, то увидел только два «пряничных домика» у входа. Гауди признался, что ему было не до парка, а деньги, выделенные на строительство, он «перевбрасывал» на постройку Саграда Фамилия.

Гуэль был взбешен и приказал достроить парк. Он был все-таки достроен, а потом продан мэрии Барселоны, сделавшей из него общедоступный городской парк. Сейчас это одна из самых посещаемых достопримечательностей Барселоны.

Собор Святого Семейства в последние годы был смыслом жизни и постоянной головной болью Гауди. Несколько месяцев он ночевал в камерке на стройплощадке. Злые языки говорили, что это от отсутствия денег, но это не так. Он просто хотел быть все время рядом со своим детищем. Понимал, что не успеет, и старался сделать как можно больше.

Гауди всегда был очень внимателен к деталям. Все лица, все фигуры на фасаде Саграда Фамилия «списаны» с реальных людей. Порой с живых, порой с мертвых. Архитектор сам ездил в морги при больницах и снимал посмертные маски, чтобы лица были настоящими, а не придуманными. Он вникал в каждую мелочь, старался найти символ для любого библейского сюжета, для любого события. Даже недостроенный, собор уже является уникальной Библией в камне. И памятником самому Гауди.

Он никогда не носил с собой документов, считая, что за человека должно говорить его лицо. По иронии судьбы именно из-за этого Гауди, попавшего в 1926 году под трамвай, не могли опознать несколько дней: документов при нем не было, а лицо было обезображено до неузнаваемости. Его нашли в морге той самой больницы, где он снимал слепки для скульптур собора.

После нешуточного согласования с церковными властями было получено разрешение похоронить Гауди в крипте собора. Так он и лежит там, наблюдая за тем, как над ним вырастают все новые фасады и новые башни его любимого детища.

Но конца этой стройке пока не видно... □

РАСПЯТИЕ

Ирина Опимах

Якопо Тинторетто

В Венеции XVI века, еще свободной, еще живущей идеалами Возрождения (остальная Италия уже раздавлена католической и феодальной реакцией), в городе прекрасных храмов и величественных дворцов, зажиточных купцов и прекрасных куртизанок, отважных мореплавателей и коварных правителей было много замечательных художников, прославивших родную Серениссиму, — тут и Тициан, и Тьеполо, и Веронезе, и другие... Но, пожалуй, с Якопо Тинторетто мало кто мог сравниться. Скромный и бескорыстный в жизни, он был невероятно амбициозен и неистов в творчестве, поразительно плодovit и работоспособен. Искусство было его главной страстью в жизни. Недаром Сартр говорил, что Тинторетто мечтал покрыть своими картинами все церкви и дворцы Венеции...

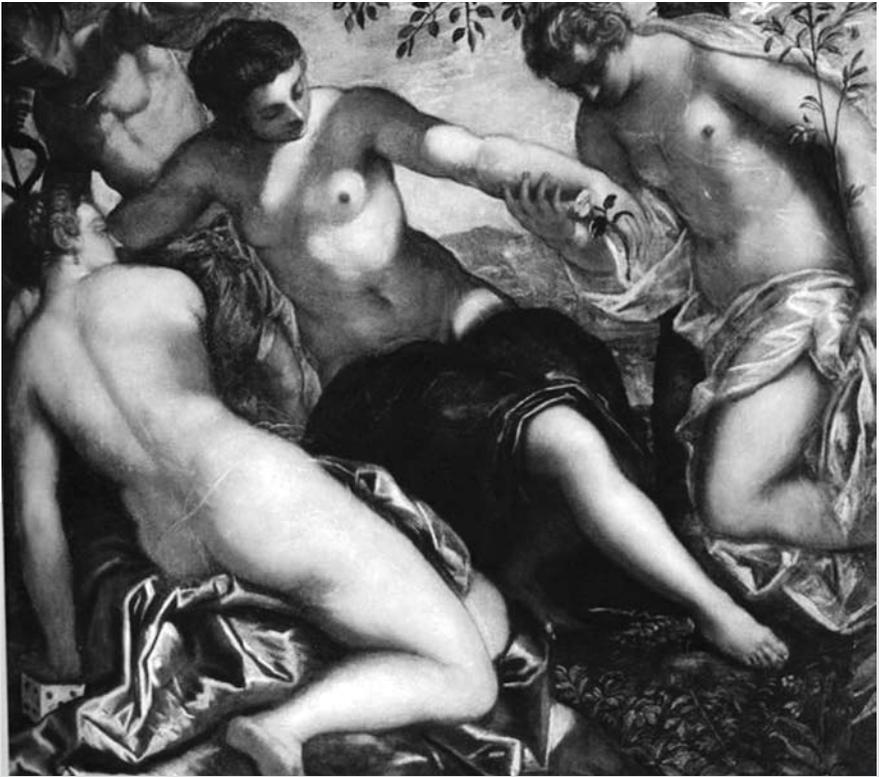

*Святой Рох
во славе*

24 мая 1564 года совет венецианской Скуолады Сан-Рокко собрался на очередное совещание. Его участникам нужно было принять решение о начале росписей стен только что возведенного здания скуолы. Начать решили с зала Альберго, расположенного на первом этаже и предназначенного для важнейших собраний братства.

В те времена в Венеции было много таких скуол, «школ», организаций, в которых богатые венецианцы помогали бедным приобщиться к христианским, духовным, ценностям, а также оказывали материальную помощь старикам и больным. Школы существовали исключительно на средства благотворителей и посвящались какому-нибудь святому. Первое такое заведение

появилось в Венеции еще в конце XIII века, а Скуолады Сан-Рокко была основана в 1478 году. Спустя сто лет она стала самым богатым благотворительным обществом в Венеции. Процветание школы объяснялось исключительной популярностью ее святого. Она была названа в честь человека, жившего в середине XIV века во Франции, в городке Монпелье, где, по легендам, он исцелял чумных больных, однако не смог уберечь себя от этой страшной болезни — заразившись, Рох удалился от людей. Пищу и воду ему приносил верный пес. Случилось чудо, Рох выздоровел и вернулся в родной город. Его никто не узнал — так преобразила его болезнь и отшельничество. Видно, в те времена чужаков и странников в Монпелье не любили — Роха аре-

Меркурий и три грации

ставали и бросили в темницу, где он и умер. А потом его мощи перевезли в Венецию.

Рох был очень популярен в Венеции — считалось, что он охраняет венецианцев от самой большой беды тех времен — чумы, не щадящей никого, ни детей, ни стариков. Потому и братство святого Роха процветало и собирало немалые деньги, часть их даже шла на благотворительные нужды! В 1487 году скуола начала строительство своей

церкви — конечно же, церкви святого Роха. В 1512 году ее освятили, а вскоре началось строительство нового здания школы — оно должно было соответствовать статусу скуолы и ее уважаемых попечителей. К 1549 году строительство было закончено, но оставались еще отделочные работы.

Итак, братство Сан-Рокко объявило конкурс на роспись стен своего нового здания, пригласив самых прославленных художников Вене-

*Христос
перед
Пилатом*

ции — Веронезе, Скьявоне, Цуккарни и Сальвиати. Пригласили и Якопо Тинторетто — к этому времени он уже написал две картины для церкви Святого Роха, а потому не удивительно, что устроители конкурса вспомнили о нем.

К этому времени Тинторетто уже хорошо знали в Венеции. Он отличался не только огромной работоспособностью, но и быстротой рисо-

вания, многим казалось, что в его мастерской работает целая армия художников. Рассказывают, что однажды к нему пришли несколько художников из Фландрии и показали свои рисунки, сделанные сангиной и тщательно растушеванные. Тинторетто спросил, сколько времени у них ушло на работу. Услышав, что один потратил на рисунок десять дней, а другой пятнадцать, Якопо,

взяв в руки кисть и обмакнув ее в черную краску, тут же нарисовал похожие фигуры и, добавив несколько мазков белилами, сказал: *«Мы, бедные венецианцы, умеем работать только так»*. Понятно, как были встречены его слова.

Коллеги, венецианские художники, ему страшно завидовали — завидовали его мастерству и умению столь быстро создавать настоящие шедевры. Более того, он всегда тщательно прорабатывал композицию картин, а иногда даже, как рассказывает его биограф К. Родольфи, использовал «маленькие фигурки из воска и глины», которые помещал «внутри игрушечных домиков», представлял или подвешивал их на ниточках — выстраивал свои композиции на специальной маленькой сцене, а потом по-разному освещал их. Таким образом, каждая его композиция была тщательно продуманна и выверена. Но это было известно лишь ему одному и его близким, а недоброжелателям и завистникам казалось, что он небрежен, тороплив, не отделяет свои картины так, как надо. Этот широкий мазок, свободный, порой кажущийся действительно небрежным, — что он себе позволяет, этот красильщик! (Тинторетто был сыном скромного красильщика тканей Робусти, отсюда и произошло его имя — Тинторетто, маленький красильщик). Да что о нем говорить, если он просит за свои работы такие гроши, переманивая к себе заказчиков! Так

говорили венецианские художники, весьма болезненно воспринимавшие успехи Тинторетто. Не прибавила ему любви коллег и история с конкурсом, объявленным Скуолади Сан-Рокко на украшение нового здания общества.

Итак, в назначенный день эскизы были представлены. Не было только эскизов Якопо. В ответ на недоумевающие вопросы он дал знак помощникам, те потянули за веревочки, и с потолка упал картон, под которым оказалась уже готовая картина «Святой Рох во славе». Как, когда он успел написать ее? Это знал только он сам. Потрясенной публике Тинторетто объяснил: *«Дело в том, что, сделав эскиз, я привык идти до конца. Но если вам моя картина не нравится, я ее просто дарю. Святому Роху, разумеется. Вашему патрону, который удостоил меня многочисленными милостями»*. Тут он взял стремянку, поднялся к фреске и написал: «Святому Роху от Якопо Тинторетто». Это была его козырная карта! Дарственная надпись ставила жюри в безвыходное положение: устав братства святого Роха не разрешал отказываться от подарков. Ничего не оставалось, как отдать заказ Тинторетто. Его соперники громко возмущались, однако ничего поделать уже не могли.

А в следующем, 1565-м году скуола заказала художнику огромное полотно «Распятие», для того же зала Альберго. Распятие — один из

наиболее частых сюжетов в западноевропейской христианской живописи. Самые разные художники, создавая композиции на эту тему, выражали свое отношение к миру. У кого-то получались, несмотря на сюжет, красивые, умиротворенные картины, у кого-то — страстные высказывания о несовершенстве мира и человека. Тинторетто создал свою версию Распятия — на его картине вселенская трагедия, вихрь которой накрывает все человечество. В центре — залитая божественным светом фигура Распятого, словно парящая на кресте над всеми — и грешниками, и праведниками. У подножия креста — потерявшая сознание Дева Мария, две другие Марии — Мария Магдалина и мать Иакова горько рыдают, там же — святой Иоанн и Иосиф Аримафейский. На лестнице — солдат, он опускает губку в сосуд с уксусом, чтобы дать испить Иисусу. Рядом поднимают крест с раскаявшимся грешником, слева — грешник нераскаявшийся, до последнего сопротивляющийся своим палачам.

Распятие было *«чрезвычайно жестокой и ужасной»* казнью, свидетельствовал Цицерон, недаром император Константин все-таки принял в 310 году решение об его запрете. Этот вид наказания римляне переняли у карфагенян. Так карали только рабов и преступников из низших слоев общества, римских граждан запрещалось казнить подобным образом.

Согласно Евангелиям, после шестого часа агонии распятого Христа землю накрыла тьма. Именно этот момент и показывает нам Тинторетто. И только сам Иисус словно светится во мраке, освещая Голгофу. Казнь еще не окончена, но уже воссияло грядущее Воскресение. В Евангелиях от Матфея и Марка Христос стонет в свой последний миг земной жизни: «Боже мой, Боже мой! Для чего ты меня оставил?» Лука иначе передает последние слова Иисуса: «Отче! В руки твои предаю дух Мой». А вот, согласно Иоанну, он произносит: «Свершилось!» На картине Тинторетто Иисус скорее произносит именно это — «Свершилось!», он уже в ином мире...

Якопо Тинторетто, человек своего времени, иногда циничный, иногда прагматик до мозга костей, шовинист, везде и всегда провозглашавший, что «Венеция — для венецианцев!», живший в городе, где куртизанок было гораздо больше, чем священников, в творчестве следовал раз и навсегда избранным для себя законам. И в этой своей грандиозной работе он строго придерживается Святого писания. Матфей рассказывает, что когда Иисус сделал последний вздох, земля задрожала, скалы раскололись, могилы раскрылись — и на картине Тинторетто появляются расколотые скалы и раскрытые могилы. А вокруг — люди, кони... И все же, рассказывая о казни, свершившейся в Иерусалиме в далеком прошлом, художник, ко-

*Минерва отстраняет
Марса от Мира и Изобилия*

нечно, пишет свою любимую Венецию. Но не Венецию праздников и карнавалов, а Венецию убийств, предательств, город, где правят жестокие и коварные дожи...

Тинторетто работал для Сан-Рокко в течение двадцати лет. После «Святого Роха во славе» и «Распятия» последовали росписи в трапезной, сцены Рождества и эпизоды из жития Девы Марии (особенно хорошо «Благовещение», в котором к Деве Марии приходит не один ангел, а целый сонм небожителей, рушащих

спокойное существование вполне земной женщины). А затем — «Страсти Господни», «Христос перед Пилатом» — один из лучших образов Христа в мировой живописи. «...его уже подвергли побоям, пыткам, измывательствам. Иисус держится прямо, только незримая тяжесть чуть пригнула плечи, ссутулила спину, но он полон скромного достоинства... И вдруг я увидел, что у Христа запал рот. У тридцатитрехлетнего человека рот стал как у старика. И я заплакал, сам не замечая этого. Я телесно ощущал, как боль-

но было Иисусу, этому дивному, легкому человеку, пришедшему в душный, тягостный мир, опутанный суевериями, предрассудками, веригами мрачной религии, принесшему людям слова любви, доброты и духовного освобождения...» — писал замечательный русский писатель Юрий Нагибин об этой картине Тинторетто.

Всего для братства Сан-Рокко художник написал 62 картины. В результате, здание Скуола Сан-Рокко стало настоящим музеем Тинторетто, хранящим самое большое собрание его картин.

«На всей Земле, — писал замечательный американский писатель Генри Джеймс, побывавший в Сан-Рокко и потрясенный мощью живописных симфоний Тинторетто, — нет другого такого места, где все стены и потолки были бы украшены рукой гения. Воздух этих картин так густ, что даже трудно дышать».

Тинторетто был одержим желанием работать, и Венеция могла предоставить ему столько заказов, сколько он мог выдержать. Якопо пишет портреты, в которых говорит правду о своих моделях — дожах, купцах, патрициях и их женщинах, обольстительных и не очень, молодых и старящихся. Он создавал общий портрет своей эпохи. *«Кто меня маслом по сердцу обдал, так это Тинторетто. — Василий Суриков, оказавшись в Венеции, был потрясен работами венецианца. — Говоря откровенно, смех разбирает, как*

он просто, неуклюже, но как страшно мощно справился с портретами своих краснобархатных дожей, что конца не было моему восторгу! Он совсем не гнался за отделкой, как Тициан, и только схватывал конструкцию лиц, просто одними линиями, в палец толщиной, волосы, как у византийцев, черточками... Ах, какие у него в Венеции есть цвета его дожеских ряс, с такой силой вспаханных и пробороженных кистью, что, пожалуй, по мощи выше "Поклонения волхвов" Веронезе».

Помимо портретов, Тинторетто расписывает Дворец дожей, символ богатства и могущества Венецианской республики. Здесь жил глава Венецианской республики дож, и там же находились различные магистратуры. Гигантские творения, превосходящие по размерам все, что писалось ранее, придают парадность и великолепие этому помпезному зданию, построенному в стиле готики во времена правления дожа Томмазо Мочениго. Это настоящий гимн Венеции: «Обручение Вакха с Армадой», «Кузница Вулкана», «Минерва отстраняет Марса от Мира и Изобилия», «Меркурий и три грации» и самая большая картина в мире — «Рай», украсившая зал Большого Совета: 500 фигур, 7 на 22 метра!

После смерти Тициана (он умер в 1476 году) Тинторетто становится лидером венецианских художников. У него остался лишь один соперник — его друг Паоло Веронезе. В 1564 году Якопо был избран чле-

ном Флорентийской академии рисунка, позже — назначен на почетную должность главного живописца Венецианской республики. Среди заказчиков художника, кроме богатых венецианских патрициев, благотворительных обществ и церквей, были и коронованные особы — испанский король Филипп II, император Священной Римской империи Рудольф, итальянские герцоги, правители других городов Италии (например, герцог мантуанский Гонзаго, для которого художник написал восемь исторических батальных полотен).

Тинторетто обладал поразительной особенностью — шли годы, а его мастерство не угасало, и вдохновение не покидало, он работал до самой смерти, и из-под его кисти неизменно выходили шедевры! Якопо Тинторетто, по словам Вазари, «самая отчаянная голова, какая только была среди живописцев», скончался 31 марта 1594 года. Его оплакивала вся Венеция — и стар, и млад, и нищие, и патриции. Он был похоронен в церкви Санта Мария дель Орто, что стояла рядом с его домом, и которую он когда-то украсил своими картинами.

Творчество Тинторетто стало финальным аккордом Позднего Возрождения и в определенной степени завещанием художников итальянского Ренессанса следующим поколениям живописцев. Тонкий психологизм написанных Тинторетто портретов впоследствии нашел блестя-

щее выражение в работах великого Рембрандта, а в страстности и порывистости, в нерве, присутствующем во всех работах великого венецианца, — истоки маньеризма, барокко и романтизма.

Время отнеслось к работам Тинторетто со всей присущей ему суровостью — на многих полотнах краски поблекли, потеряли свет. Не пощадило оно и картины в Скуолади Сан-Рокко.... Страшно подумать, что все его шедевры могли безвозвратно погибнуть, оставшись лишь в воспоминаниях современников Тинторетто!

К счастью, однажды их увидел английский писатель, теоретик искусства, литературный критик и поэт Джон Рескин (1819–1900) и, потрясенный удивительным мастерством Тинторетто, не позволил им пропасть. Он сумел привлечь внимание общественности и властей к великому художнику и его гибнущим творениям, и они были спасены. Позже, в своей знаменитой книге «Камни Венеции» (1851–1853) Рескин подробно их описал, а о «Распятии» решил не говорить ничего, объяснив это так: «Я позволю этой картине воздействовать на зрителя самой, поскольку она ускользает от любого анализа, ибо выше всех похвал».

И сегодня в этом грандиозном творении Тинторетто чувствует-ся душа художника, страсть и вдохновение, которые двигали его кисть... □

Побольше практики

Джоан Хесс

Барт Белликоз понимал, что время на исходе. Вдали уже был слышен истошный вой сирен неумолимо приближавшихся полицейских машин, и он знал, что они вот-вот окружают его со всех сторон, словно рой разъяренных шершней. Он отступил назад, а затем с разбегу бросил свое плотное мускулистое тело на хлипкую фанерную дверь. Издав долгий протяжный скрип, напоминавший пронзительный стон смертельно раненного зверя, она поддалась, и Белликоз влетел в квартиру.

Там, на ковре, лежали бранные останки его клиента. Барту хватило лишь одного беглого взгляда на это застывшее в предсмертной гримасе лицо, чтобы с ходу просечь, что парень мертв, и эта мысль прочертила в его душе длинную рваную рану, сочащуюся...

— Терри, дорогой, тебе еще долго? Я проголодалась, а если столик не заказать сейчас, то потом будет уже поздно.

— Я же просил не мешать! Господи, пойми ты, наконец, что рукопись надо сдать завтра в девять.

Редактор и так места себе не находит. А когда ты врываешься сюда каждые пять минут, я не могу сосредоточиться.

— Извини. Просто мне скучно. Хочешь, я тебе шею помассирую? Вдруг работаться будет лучше?

— Не будет. Я сейчас на последней главе, и мне надо закончить ее сегодня. Слушай, займись пока чем-нибудь, ладно?

— Ладно. Буду паинькой и посижу в гостиной. Одна-одинешенька.

— Огромное тебе спасибо. И закрой дверь, хорошо? ... кровью. Впрочем, любому, кто когда-нибудь видел свежий труп, было бы ясно...

— Прости, что отвлекаю, но как насчет того, чтобы заказать столик на более позднее время? Вдруг ты и впрямь закончишь сегодня?

— Если не отстанешь от меня, я никогда не закончу. Когда ты напророчила ко мне в гости, я тебе сразу сказал, что мне нужны абсолютные тишина и покой, иначе я не смогу сосредоточиться.

— Вообще-то я говорю очень тихо, мой дорогой Мастер Крутого Детектива.

— Вообще-то, пока ты торчишь у меня перед носом и болтаешь, не закрывая рта, я вынужден смотреть на тебя, а не на пишущую машинку. Давай, звони, заказывай свой столик. Где тебе заблагорассудится, хоть в Африке. Мне все равно.

— Что ж, вполне возможно, я так и сделаю.

... было ясно... было бы ясно, что это убийство. Барт бесповоротно это понял, стоило лишь ему посмотреть... стоило ему только бросить хмурый взгляд... взглянуть... Когда Барт увидел нож, под углом торчавший в его мускулистой загорелой груди...

— Дорогой, тебя к телефону.

— Меня нет дома. Спроси, кто это, я завтра перезвоню.

Так, нож, нож... вид которого сразу пробудил у него подозрения. И не зря! С усилием сосредоточившись, Барт тут же вспомнил, что где-то видел точно такой же...

— Это твой редактор. По-моему, он окончательно...

— Скажи ему, что меня нет, и закрой за собой дверь.

— Но я уже сказала, что ты дома и работаешь над романом как зверь. Он говорит, что ты ему позарез нужен прямо сейчас.

— Ч-ч-черт! Иду!

... раньше. Извини, Барт. Вернусь через минуту. Не забудь только, где ты видел этот ножичек...

— Терри, старина, как идут дела?!

— Дела шли отлично, пока ты не позвонил и не оторвал меня от работы. Ирвин, ты хоть понимаешь, что каждый раз, когда меня отвлекают, я теряю сюжетную линию?

— Да-да, извини, дружище. Просто хотел напомнить, что завтра мы сдаем рукопись в набор, неважно — с последней главой или без. Хотя, согласишься, без последней главы книга будет выглядеть довольно странно — с несколькими пустыми страницами в конце. Ты обещал мне роман. Мы заплатили тебе щедрый аванс, а потом терпеливо ждали, когда же ты, наконец, соизволишь разродиться новым Бартом Белликозом. А ты нас подвел, и даже не один, а целых два раза! Учти, твоя новая вещь уже в каталоге. Я держал типографию, сколько мог, но завтра крайний срок.

— Вместо того, чтобы работать у себя в кабинете над последней главой, я стою на кухне и болтаю с тобой. Пока, Ирвин, буду у тебя завтра в девять.

— Надеюсь, вместе с Белликозом?

— В данный момент Белликоз стоит над трупом и надеется разобраться с этим убийством еще до завтрашнего дня.

— Ага! Значит, концовка у тебя уже есть?

— Есть. Завтра в девять, о'кей? Отметим кофе с пончиками.

— Я возьму целую дюжину. Хотя бы затем, чтобы точно знать, что ты появишься.

— Все, Ирвин, я кладу трубку. Когда в следующий раз будет нечем заняться, позвони бывшей жене.

Так, нож. Который он уже где-то видел. Отлично.

Нет, какой еще нож?! Что за бред?! К черту нож!

Барт уставился в пулевое отверстие у него во лбу. Оно зияло словно третий глаз, незрячий третий глаз, который словно бездонный колодец...

— Ты поговорил?

— Нет, мы решили заняться сексом по телефону! Что тебе еще?!

— Я хотела тебя перехватить, пока ты снова не засел за работу. Ты какую кухню предпочитаешь — китайскую или японскую? По-моему, японская ничего, только давай не будем заказывать ни кальмаров, ни медуз — они такие скользкие и противные, что меня от них...

— Мне плевать! Надеюсь, я ясно выражаюсь? И вообще, хватит меня дергать каждые три минуты!

— Я задала тебе простой вопрос, а ты вопишь так, будто тебя кастрируют. Прошлой ночью ты вел себя по-другому. Тогда ты против моей компании не возражал.

... бездонный колодец, набитый осклизлыми медузами и кальмарами... Фу, ты, черт! Завтра последний срок. Последний срок. Послееееееееее...

Размер раны указывал на то, что пуля, поразившая жертву, выпущена из мелкокалиберного оружия, и Барту стало ясно, что наконец-то пришла пора пораскинуть мозгами. Х-м-м, а не могла ли в этом быть замешана та дама в лиловом, приходившая вчера к нему в контору, — та самая, что рыдала и умоляла его отыскать ее пропавшую...

— Ну, что там у тебя такое, черт возьми?!

— Я решила прибраться. В конце концов, все равно заняться больше нечем. Не обращай внимания, дорогой, я сейчас все подмету.

— Что подметешь?

— Не волнуйся. Ничего особенного.

— Что значит — ничего особенного?! Грохот был такой, как от ядерного взрыва!

— Можно подумать, ты был в Хиросиме! Работай себе спокойно и прекрати на меня орать, будто я твоя домработница. Сказала, уберу — значит, уберу.

— Это было окно?

— Работай, работай.

— Или телевизор? Мой новенький телевизор, за который мне выплачивать еще три года?

— Нет. Как я уберусь, если ты мне мешаешь своим криком?

... дочь? Барт окинул взглядом комнату, выглядевшую так, будто несколько минут назад там взорвалась атомная бомба. Оконное стекло было покрыто густой паутиной трещин, а телевизор — новенький 137-канальный телевизор со сверхплоским кинескопом, модернизированным пультом, видеоманитофоном и квадрофоническим компакт-диск-плеером — являл собой не что иное, как дымящуюся мешанину из оплавленных проводов и искореженных микросхем, хотя за него оставалось выплатить еще 35 ежемесячных взносов!!!

Барт напомнил себе, что время не ждет, и склонился над трупом. Тело было еще теплым, а из угла рта, растя-

нутого в некоем подобии удивленной улыбки, сбегала струйка крови. Значит, жертва была знакома с убийцей, решил Барт, нашаривая в кармане пачку...

— Где мои сигареты?

— Что?

— Ты что, прокралась ко мне в кабинет и взяла сигареты? Неприкосновенную пачку из нижнего левого ящика стола?

— Ну... в общем-то, да. Мои кончились.

— У меня тоже. Давай ее сюда.

— Видишь ли... я ее выкурила еще днем. По телевизору показывали классную старую комедию о дебютантке, которая влюбилась в приятеля своей сестры...

— Я прекрасно проживу и без этой дурацкой комедии. А без сигарет — нет! Раз они кончились, сходи в кафе напротив и купи новую пачку. Ты же знаешь, я не могу без них работать.

— Вот еще! Уже поздно, а я не хочу, чтобы меня ограбили только потому, что ты не догадался запастись сигаретами. Я всегда говорила, что ты живешь в жутком районе, давно пора было переехать. Если тебе так приспичило, сходи сам.

Невзирая на легкое чувство паники, Барт вновь повернулся к труп, отлично сознавая, что улика, оставленная коварным убийцей, позволит ему раскрыть это на редкость запутанное дело.

Ключ к разгадке преступления маячил у него буквально перед глазами. Он уже почти видел его, почти мог до него дотронуться, почти чуял его — этот едкий аромат тлеющего...

— Я чувствую дым. Что у тебя там горит?

— Ничего, милый, тебе показалось.

— Не надо пудрить мне мозги! Это дым. Причем табачный!

— Подумаешь, большое дело! Оставалась в пачке одна штучка...

— В той самой, которую ты увела из моего кабинета? Мы ведь об этой пачке говорим, не так ли? Поверить не могу, что ты не только стащила ее из моего стола, но еще и соврала, что она пустая, а сама выкурила последнюю сигарету!

— Смотри, не заплачь! Детский сад какой-то, ей-богу! Я тут тихо как мышка сижу на диване, лишь бы никому не мешать, а он ноет словно младенец, у которого отняли конфетку.

— Сначала ты украла мой неприкосновенный запас, потом...

— Что ты ко мне прицепился со своими сигаретами?! И вообще, насколько я понимаю, завтра утром тебе сдавать работу!

... табака. «Проклятье! — изнемогая от отчаяния, подумал Барт. — Если я сию же минуту не найду ключ к разгадке, дело — табак!» Ключ к разгадке, этот чертов ключ к разгадке...

Его зоркий взгляд заметался по разгромленной комнате и... Вот она, улика!!! Скомканный клочок желтой бумаги, притаившийся на полу возле распростертого тела, был точно такого же оттенка, что и почтовая квитанция, найденная им в ночном клубе. Это объясняло все. Да! Да!!! Эта ничтожная зацепка неоспоримо указывала на даму в лиловом, у которой пропала дочь, и на того таинственного незнакомца в ермолке, что преследовал Барта дни и ночи напролет, пока он вел это нелегкое, а порой и смертельно опасное дело. Он почувствовал себя так, будто солнце взошло над горизонтом после долгих недель бесконечной, беспросветной и промозглой полярной зимы.

И когда целая свора полицейских, с топотом врывающаяся в комнату, нацелила револьверы прямо ему в сердце, Барт лишь холодно усмехнулся. Он знал, что теперь может объяснить...

— Терри, я заказала столик в тайском ресторанчике, о котором все только и говорят. Если мы хотим туда вовремя попасть, то нам скоро выходить.

— К черту тайский ресторанчик!

Подняв с залитого кровью пола клочок бумаги, Барт развернул его и, небрежно помахав им, протянул...

— У них всегда полно народу, но мне повезло — те туристы из Огайо, что сделали заказ, напились в баре, начали скандалить, и их забрали в полицию.

— Пошли твои туристы знаешь куда?!

— Терри, что за странные звуки? У тебя все в порядке?

— Не волнуйся, я на кухне, и у меня все замечательно. Мне кое-что понадобилось в ящике с инструментами. Как найду, сразу загляну к тебе. А пока будь умницей, сделай нам по коктейлю.

Барт Белликос легкой походкой вышел из полицейского участка, старательно пряча довольную улыбку, наползавшую на его лицо всякий раз, стоило ему вспомнить обомлевшие физиономии детективов, которым он преподнес разгадку преступления буквально на блюдечке с голубой каемочкой. Разинув от изумления рты и ловя каждое его слово, они слуша-

ли его полный драматизма рассказ о том, как его клиент — лживый и неверный муж, регулярно изменявший жене со стриптизершами, с помощью шантажа начал грязно домогаться скромной красавицы, служившей почтовым курьером и тайком от начальства подрабатывавшей официанткой в ночном клубе «Тысяча и одна ночь», за что и поплатился — открыв дверь, чтобы расписаться в получении заказного письма на желтом бланке, схлопотал пулю в лоб. Теперь его гроб и его дело закрыты.

Завтра будет новое дело и новая возможность обставить полицию и утереть ей нос. Но в настоящий момент Барт праздновал победу. И если вы хотите, чтобы самая запутанная головоломка была разгадана точно в срок — обращайтесь к Барту Белликозу. Этот парень не подведет!

Конец. Уррраааааа!

— Терри? Господи, без четверти три! Имей совесть! Мне утром звонить в типографию и опять им что-то врать, а ты...

— Спокойно, старик! По дороге на работу можешь забежать за пончиками. Барт Белликоз снова на коне.

— У тебя все готово?! Полностью?! Бог ты мой, я из-за тебя аж вспотел во сне. Честно, даже пижама к спине прилипла! То у тебя сюжет не вырывается, то нет вдохновения... просто не верится.

— Да, я готов признать, что кое-какие сложности были. Все дело в том, что я никак не мог разобраться с этим чертовым трупом на полу гостиной. Я его не чувствовал, понимаешь? Не мог до него дотронуться, почуять запахи крови, увидеть выражение страха и удивления у него на лице...

— Но все-таки что-то придумал, так ведь?

— Подружка помогла.

— Рад за тебя. Слушай, у меня тут припасена бутылочка шотландского двенадцатилетней выдержки, которую я хранил на свадьбу сына. А он решил в священники податься. Так что бери такси и приезжай, отметим. И подружку свою прихвати.

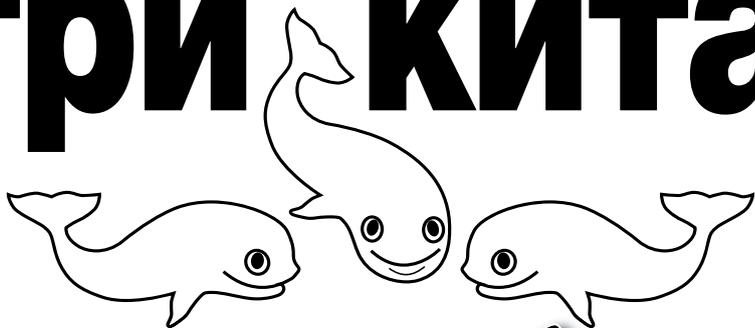
— Отличная мысль, Ирвин, но, боюсь, сейчас она несколько не в форме, чтобы ходить по гостям. Я бы даже сказал — не в том состоянии. А я скоро, только заскочу в кафе за сигаретами.

— Смотри там, поосторожней. Сейчас столько шпаны развелось, а ты, хоть и пишешь романы про самого крутого частного детектива, с виду и мухи не обидишь. Эх, тебе бы Барта в телохранители! Да, кстати, как ты ухитрился закончить книгу так быстро?

— Я понял, что мне не хватает более глубокого знания предмета. Так сказать, практического опыта. Но теперь — все о'кей. □

Перевод с английского **Дмитрия Павленко**

ТРИ КИТА

здоровья

Естественный процесс перехода из детства в юность, а потом к зрелости избежать невозможно. Только если повзрослеть хочется быстрее, то процесс старения каждый мечтает затормозить, замедлить. Возможно ли это? Оказывается, да.

В Москве на сегодняшний день зарегистрировано почти тысяча долгожителей, то есть людей, которым больше девяноста лет. Все они находятся под контролем Всероссийского НИИ геронтологии, где можно поучиться тому, как продлить молодость и стать долгожителем.

...Люди стареют по-разному. Заметьте, что те, например, кто занимается тяжелым физическим трудом, выглядят гораздо старше сво-

их сверстников, занятых в искусстве или бизнесе. Ведь физические нагрузки должны быть дозированными, иначе организм быстро изнашивается. Никуда не денешься — необходима постоянная работа над собой, жесткий самоконтроль, система самоограничений. Если же идти по пути «ем и пью что хочу, гимнастикой заниматься лень», — то можно забыть о хорошей фигуре и коже, зато приобрести массу болезней, лишний вес. Так говорят специалисты.

— Как-то мне довелось быть на конференции во Франции, и я, восхищаясь французскими женщинами, поинтересовалась у нашего гида — очаровательной изящной француженки, как им удается так выглядеть,

долго оставаться молодыми, — рассказывает Людмила Серова, заместитель директора института геронтологии. — Француженка ответила: «наша фигура нам дорого стоит, и не только в плане денежном. Тренажеры, бассейн — все это обходится недешево. Но при этом необходим и просто элементарный постоянный уход за собой — маски, массаж, диеты».

Общеизвестно, что старит, в первую очередь, чрезмерное употребление жиров, мяса, алкоголя, курение. Точнее, ничто не старит нас так, как мы сами себя. Но, оказывается, это очень непросто — лишать себя, любимого, многих удовольствий. После работы хочется расслабиться, выпить пива, особенно в жару, а нельзя! Хочется иногда выпить чаю с вкусным пирожным или шоколадкой — тоже нельзя. И получается, что, вместо того, чтобы потрудиться следить за работой желудка и кишечника, есть больше овощей и фруктов, многие предпочитают принимать слабительные и мочегонные препараты.

— Они помогают похудеть?

— Все зависит от состояния почек и кишечника, — отвечает Людмила Серова. — В любом случае, пить их можно не больше раза в неделю, так как эти средства выводят из организма калий и кальций, что приводит к ломкости костей. Витамины — тоже своеобразные лекарства, поэтому лучше принимать их под контролем врача. Вообще, в нашем организме все очень тонко взаимосвязано, и нужно помнить об этом балансе. Например, все пре-

параты для похудения основаны на том, чтобы увеличивать энергетику, что, в свою очередь, заставляет косвенно работать в неправильном режиме щитовидную железу и приводит к ее поражению. Нужна разумная диета. А мы надеемся, что сегодня выпьем таблетку, после которой сбросим пару килограмм, а завтра можно снова как следует наестся.

Оказывается, после сорока лет, особенно у женщин, перестройка гормонального фона влечет за собой снижение мышечной массы и нарастание жировой ткани. Поэтому необходимо увеличение физических нагрузок, надо больше заниматься гимнастикой, посещать бассейны. Омолаживающие операции тоже ничего не дадут, если не изменить образ жизни. Культуру контроля над своей жизнедеятельностью надо воспитывать в себе с детства. У нас же, к сожалению, нет культуры ни еды, ни питья, ни поведения.

— Влияет ли питание и вегетарианский образ жизни на ее продолжительность?

— Факты говорят, что да. Японцы, например, мяса практически не едят, в основном, морепродукты и рис. И они побили рекорд по продолжительности жизни. Живут лет на двадцать больше, чем европейцы. Пища, окружающая среда и отношение к себе — вот три кита, на которых строится наше здоровье.

Конечно, сказывается еще и социальная атмосфера. На Западе более обеспеченная старость. Пожилые люди ведут полноценную жизнь,

не чувствуют себя в тягость родным и близким. У нас так пока не получается. Очень многие чувствуют комплекс неполноценности — они как бы в тягость окружающим. Если же старики окружены заботой и вниманием, живут в комфортных условиях, у них и самоощущение другое.

В Москве десять процентов пожилых людей не покидают пределы своей квартиры, два процента вообще прикованы к постели. Основной синдром пожилых людей — чувство острого одиночества. Врачи-геронтологи сегодня активно сотрудничают с центрами социальной помощи, но эта программа пока только начата.

— Какая еще помощь предусмотрена социальными программами пожилым людям?

— Они сегодня составляют двадцать пять процентов населения, — поясняет Людмила Дмитриевна. — Это большая нагрузка не только для работающих, но и для здравоохранения, поскольку к старости у человека растет количество всевозможных заболеваний. В первую очередь происходят изменения в иммунной системе. Она как бы дирижер функций, работы всех органов. Удалось доказать, что с возрастом иммунная система слабеет, уменьшается число клеток, которые способны распознавать вторжения микробов и других врагов, а, следовательно, организм уже не способен бороться с болезнью, и человек становится более беззащитным для возникающих инфекций. Есть препараты, которые

устраняют эти дефекты, кроме того, разрабатываются специальные, часто индивидуальные диеты. В нашем институте диагностируется возможность развития любых нарушений. Если есть диагноз, мы уже знаем, как изменить поведение человека, чтобы это развитие предотвратить. Также очень важно знание генетического паспорта. Если даже генетически человек обречен на какую-то болезнь, то при определенном режиме и питании можно ее избежать.

Недавно мы получили прибор, позволяющий проверять плотность костной ткани. С возрастом кости становятся более хрупкими, ломкими, опасность переломов возрастает. Если обнаруживаем низкую плотность костной ткани или какие-либо другие дефекты, назначаем специальную диету и лечение. Самые распространенные «болячки» старости — ишемическая болезнь сердца, атеросклероз сосудов. Инфаркты и инсульты, к сожалению, стоят на первом месте. Диабет у пожилых людей, возникающий из-за нарушения режима и питания, проходит не в такой тяжелой форме, как у молодых или получивших эту болезнь по наследству. С помощью диет с диабетом можно справиться.

Вообще, поправить можно все, были бы желание и воля. И главное лекарство, как говорили еще самые древние медики, — это движение. Дозированные нагрузки, ходьба, физкультура — всему этому нужно учиться с детства, чтобы потом прийти к достойной старости. Ни одного

дня без движения — это должно стать девизом для каждого. Некоторые из наших пациенток говорят — дескать, у меня столько работы по дому, я все время в движении, зачем мне физкультура?.. На самом деле, монотонное движение не позволяет включать в работу все мышцы. От того, как циркулирует наша кровь, и не застаивается ли она в каких-то мышцах, зависит продление нашей молодости. Чем больше самых разных движений, тем быстрее циркулирует кровь, снабжает кислородом все ткани, забирая шлаки, тем здоровее и моложе организм.

— Нужно ли пить много жидкости?

— Это очень индивидуально. Один может выпить два литра в день, и это ему на пользу, у другого же хуже работают почки, жидкость плохо выводится из организма, и ему следует пить меньше. Свой вердикт должен вынести врач...

Многих сегодня волнует вопрос, как помогать своим близким, родителям, бабушкам и дедушкам, чтобы сделать их старость более комфортной.

По мнению психологов, ничто не ранит стариков так, как неосторожное грубое слово. Нужно приучать детей и внуков уважать старость. Объяснять, что вот здесь бабушкино или дедушкино место, что, когда приходишь в дом, прежде всего, обратиться к старшим, окажи знаки внимания. Если человек чувствует себя полноценным членом семьи, окру-

женным заботой, то и болеть будет меньше. А врач-геронтолог всегда должен быть рядом, с ним прежде всего необходимо проконсультироваться о конкретных моделях поведения по отношению к своим пожилым родственникам или друзьям. К сожалению, при поликлиниках пока нет таких врачей, но эта служба уже создается.

Одному из пациентов института геронтологии сто два года. Он хорошо выглядит, разумен в общении, сам себя обслуживает. А тех, кому под девяносто, вообще очень много. Все они пережили войну, и этот стресс для них сослужил, как это не покажется многим странным, добрую службу. Принято считать, что жизнь без стрессов продлевает молодость и жизнь. Но это не совсем верно. Например, одна столетняя пациентка, бывшая ленинградская блокадница, чувствует себя прекрасно и обожает печь пироги. А Евдокия Яковлевна Шарикова из подмосковного села Остров, пережившая революцию, коллективизацию, две мировых войны, побила все местные рекорды — отметила свое стопятидесятилетие. В день своего рождения она с удовольствием выпила домашней наливочки и предалась воспоминаниям о далеком прошлом...

Кстати, сегодня известны более десяти кавказских долгожителей, отметивших свое стопятидесятилетие. Горный воздух, натуральная еда — вот и весь секрет этого феномена. □

P

Кирилл Берендеев

ЗАЛ

ОЖИДАНИЯ

Я умер. Вот так просто и так странно: маршрутка подъехала к остановке, мы с двумя приятелями выбрались наружу, живо обсуждая покинутый нами всего полчаса назад юбилей однокашника. Рядом остановилась еще одна «Газель», оттуда выбрались двое в серых плащах, подошли, сообщили самую последнюю новость и пригласили проехать.

Я не удивился, не огорчился, вообще ничего не почувствовал — ни в тот момент, ни позже, ровно так же отреагировали и мои товарищи, словно разом села поддерживающая наши чувства и эмоции батарейка. Без недовольства, но и не задерживаясь, забрались в салон. За всю дорогу так и не перемолвились ни словом, глядели в окно, избегая встречаться взглядами, лишь косо посматривая на серые плащи.

Проскочив перекресток, машина притормозила — и въехала на территорию перед странным зданием, некогда здесь находился институт, теперь растерявший все этажи, кроме первых двух. Нас пригласили внутрь, и мы, чуть задержавшись у крыльца, прошли в холл.

Странное место: будто оказался на железнодорожном вокзале провинциального городка. Справа — что-то вроде стойки касс, а напротив — небольшой зал ожидания. Народу немного, около трех десятков человек, разбросанных по площади квадратов в двести: кто-то сидит, скучая в пластиковом кресле, кто-то лениво прохаживается, кто-то у стойки заполняет бу-

мажки или дожидается очереди. Освещение тусклое, свет исходит только из высоких, метра в три, окон, составляющих фасад здания, неприметное крылечко отсюда кажется нелепым наростом. И еще, довольно яркий свет изливается из прохода во внутреннюю часть строения, но быстро тускнеет, будто что-то в воздухе зала ожидания мешает ему светить по-настоящему.

Удивительно, что так светло, уже двадцать минут десятого, солнце село, и сумерки должны были поглотить зал. Но неяркий свет по-прежнему заливал помещение, и броуновское движение в зале продолжается.

К нам подошла девушка в белой сорочке и серой юбке и пригласила к стойке. Меня, послушно двинувшегося следом, отделили и предложили присесть в сторонке, через минуту или две девушка подала мне ручку и длинный лист бумаги, некую форму, которую я был обязан заполнить по прибытии. Я спросил про своих товарищей, она же, извинившись, напомнила о форме — объяснения позже. И друзья промолчали: не оглянувшись, подошли к стойке, получили небольшие квитки, синхронно расписались. И оба последовали за нашим прежним вожаком, безликим мужчиной в сером, в сторону сияния. Еще миг — и блистающая занавесь поглотила обоих.

Я снова ничего не почувствовал, даже сожаления. И покорно поплелся искать себе место среди пассажиров, поджидавших неведомое судно.

— Кир?! — потряс застоявшуюся тишь чей-то вскрик и мгновенно замер.

В первый момент я даже не понял, а потом ноги подкосились, я сделал неверный шаг и сел в ближайшее кресло. Марина Голубева, сокурсница. Сердце застучало бы дробно, если бы не остановилось совсем недавно. Только сейчас я задал себе вопрос, а что с ним, моим сердцем, по какой причине оно остановилось?

— Я не ожидала увидеть тебя здесь. Милый мой, мне так больно и так... — Она так пристально смотрела мне в глаза, что я не выдержал и опустил взгляд.

— Хоть встретились. И я тебя не ожидал... здесь.

— Да-да, это удивительно! Когда увидела, не поверила. Подумала... не может быть, чтобы ты так рано.

Ее прохладная рука легла на мою, и я в ответ крепко сжал ее ладонь и произнес:

— Я вообще не понимаю, что происходит. К нам подошли, я был с приятелями, и сказали.... А потом повезли сюда. Что это за место такое?

— А что ты видишь? — вопросом на вопрос ответила она.

Я описал ей, и Марина кивнула:

— Похоже. Только у меня больше похоже на зал ожидания в аэропорту. Вон там, — кивнула она в сторону стойки, — регистрация на рейсы, там, — рука махнула в сторону ближайшей стены, — пустая взлетно-посадочная полоса в мареве. Ведь лето.

— Просто потому, что ты... — Я, спохватившись, тут же замолчал. Не надо было начинать.

— Я знаю. — Она коснулась своего лица ладонью и замерла.

— Скажи, давно ты здесь? — вдруг решившись, спросил я ее и прикусил губу. Похоже на то, когда сердце пропускает удар. — Прости, но здесь нет времени. А мне хочется понять, сколько...

— Три года. — Марина закрыла глаза и долго не открывала их. — Знаешь, — наконец, справившись с собой, произнесла она, — я думаю, где-то около этого. Может, чуть меньше, но все равно...

Кого она пыталась утешить — меня или себя? Или нас обоих? Потерявших друг друга и теперь растерявшихся от неожиданной встречи.

— Ты одна здесь столько времени?

— Наверное, нет, хотя я и не обращала ни на кого внимания. Знаешь, а ведь мне всего одной бумажки не хватает, чтобы пройти туда, — кивнула она на световую портьеру. — То одной, то другой. Как нарочно. Сначала вроде бы собирались пускать, а потом выяснилось, не заполнена форма А-51. Пока заполняла ее, устарела другая, потребовалась справка, еще одна. — Марина наклонила голову и резко отбросила прядь волос со лба. Как прежде. — Я думала, все это случайно. Ведь многие проходят быстро, только формуляр подписать.

— Как мои приятели.

— Я видела. Хотя мне казалось, что нет, но вдруг я поняла... — она не договорила, замолчала надолго, а потом неожиданно попросила: — Расскажи, как это случилось со мной.

Три года назад.

Мы сошлись через несколько лет после окончания института: я работал в типографии, она занималась фитодизайном, украшала цветами постылое офисное пространство. Наши пути снова пересеклись, и мы решили, что это судьба. Два года не сомневались в правоте принятого решения, детей, правда, не нажили, но рассчитывали в самое ближайшее время, только поднимемся, и тогда сразу же. А пока завели кота-мурлыку и украсили комнаты плющом, традесканциями, папоротником, душистой геранью — в ее руках и она цвела, бледно-розовыми нежными цветками, так напоминавшими мне ее губы.

Два года пролетели как сон. И еще полгода, как похмелье. А потом что-то надломилось, дало серьезную трещину, первое время мы старательно пытались не замечать разлома, затем так же усердно тщились склеить его, до хрипоты, до ссоры. Марина стала уходить на денек-другой к маме, чем дальше, тем дольше, но всякий раз возвращалась: не могла вынести разлуки, как не мог расстаться с мыслями о ней и я. И в часы возвращения мы, жадно принякая друг к другу, осыпая тела поцелуями, клялись и обещали,

давали зарок и объясняли что-то очевидное, что прежде не могли понять, и только теперь стали постигать. Наверное, этот период и можно назвать началом настоящей семейной жизни, когда любовь отошла на второй план, а на первый вылезли те, тщательно скрывааемые разногласия, которые мы не замечали предыдущие два года. Получалось не очень, но мы честно пытались, хоть временами нас и переклинивало здорово.

Как, например, когда она в очередной раз поехала к маме, уже ничего не обещая. Неделя проходила за неделей, а она не желала возвращаться. Мы устало переругивались по телефону, порой часами выясняя, извиняясь, но неизменно оставаясь каждый при своем. Наконец отчаяние взяло верх, я отгородился от мыслей стеной, я возвел против нее невысказанные преграды, я...

Потом позвонила ее мама и сказала, что мои усилия больше не понадобятся. И все возводимые внутри меня укрепления, башни и запоры в тот момент распались в пыль одним коротким словом. Мертва.

Даже не больно. Казалось, что весна, медленно стекавшая в лето, не кончится, что я потеряюсь среди однообразного марева дней. И это хорошо, я обрету долгожданный покой, как и та, которую зачем-то изгнал из своих мыслей, которой старался доказать недоказуемое и убедить в чем-то, о чем не хотелось даже вспоминать. Сейчас кажется странным, что я смог протянуть так долго один...

— Родной! — Марина коснулась моей щеки ладонью, пытаюсь прочувствовать со мной мою потерю. В другой раз я ответил бы совсем иначе, но сейчас только взял эту ладонь и нежно поцеловал. Мы сидели, глядя друг другу в глаза.

— Мариша моя, — неловко обнял я Марину. Она прижалась, привлекла меня к себе. Потом выпрямилась, видимо, почувствовав то же, что и я — то есть, ничего, и быстро перевела разговор на другое:

— Покажи свою форму. А-22, мне тоже давали такую в самом начале, давай, давай помогу заполнить, если не против.

Конечно, я был не против. Мы быстро покончили с заполнением, и я механически взглянул на часы — по-прежнему двадцать минут десятого. Правда, теперь уж непонятно, утра или вечера. Мое любимое время — от двадцати десятого до без двадцати десять. Утром в выходные я, позавтракав, предавался неге предстоящего дня, вечером в будни просто заваливался перед телевизором — когда-то это происходило вместе с той, что крепко сейчас держит меня за руку. Марина же сказала, что видит свое время: половина второго дня — на работе перерыв, а в выходные — я со своей неугомонной жаждой. Она вспоминала мою страсть с тихой улыбкой, в которой я не замечал ничего прежнего. Ни изначального желания, ни поздней усмешки.

Она предположила, что теперь мне выдадут схожий с ней комплект документов, но вышло иначе. Когда мы подошли к стойке, девушка выдала пропуск на второй этаж, который я только сейчас заметил. Или он только сейчас, по мере необходимости, появился — широкий балкон, нависавший над сияющим занавесом, куда я поднялся за бланками, которые надо заполнить на месте. Потом я еще несколько раз ходил туда, и Марина сказала, что это, наверное, хорошо, что меня требуют туда, где она не только никогда не была, но и не может даже увидеть — значит, дело кончится быстро. А ведь у нее по-прежнему всего один документ, на этот раз просроченная форма «сорок». Не понимаю, как в безвремяе можно определить, что документ надо переделывать? Видимо, он как-то связан с внешним миром, ведь вопросы, на которые мы должны отвечать, касались не только нас, но и тех, кого мы оставили в прошлом. Давно или недавно ушедшем. Для каждого по-разному, но для всех время здесь текло неравномерно. Марина высчитала, что для нее проходят дни между каждой новой бумажкой в бесконечной бухгалтерии, у меня же — часы. И то, что мы оставались вместе, не отходя друг от друга, очевидно, возможно было лишь в зале ожидания. Я хотел все-таки понять, в чем суть этого зала, и не раз спрашивал не только у сидящих в креслах рядом, но даже администрацию, если так можно сказать о старшей за стойкой, но так и не смог получить внятный ответ. Каждому виделось свое, и для каждого процедура приема, именно так называлось создание досье, оказывалась своя, даже представление о ней разнилось кардинально — что у заполнявших бланки, что у подававших их. И для каждого был наметен свой срок, не известный никому. Даже серым плащам, что приводили новых посетителей и провожали к занавесу подготовленных.

Но и они, собиратели душ, не решались коснуться ниспадавшего света, закрывавшего путь — вверх или вниз, вдаль или где-то поблизости — кто знает? Я хотел попробовать сам, но Марина отговорила, а вдруг мне как-то за это вычтется? Тем более, мы видели, как торопыги пытаются преодолеть барьер, кажущийся лишь потоком фотонов, но встречавший их нерушимой твердью. Обычно это были нетерпеливые подростки, детей здесь нет, никого моложе пятнадцати лет. Вероятно, им уготован иной зал ожидания.

Когда я вернулся в очередной раз со второго этажа, Марина спешно заполняла маленький бланк, всего-то поставила «ФИО» и расписалась. Меня встретила улыбкой:

— Сказали, уже недолго. Первый раз это слышу. Знаешь, я подумала, как хорошо, что не успела все заполнить до твоего появления. Значит, теперь мы сможем так оформить свои последние бумаги, что нас пропустят одновременно. И тогда мы, может быть, и там сможем, как здесь. Как раньше... — она запнулась, пристально глядя на меня, и я быстро кивнул.

Странно мы здесь сошлись, будто все эти три года не разлучались, напротив, приспособились, выработали иммунитет против прежних ссор, нашли свою общность, и вот теперь только стали тем, кем собирались еще пять с половиной, почти шесть лет назад. Будто только здесь и смогли обрести так недостающее нам все прежние годы.

— Посмертная семья! Да, это звучит, — засмеялась Марина, первый раз я здесь, в зале ожидания, услышал ее смех.

Мы снова обнялись и снова усмущенно развели руки. Немного успокоившись, Марина стала предполагать, что нас ждет за занавесом, а я только кивал, видя, как она переменялась, и снова чувствовал прилив сил. А она гладила мою руку и говорила, говорила... О том, что дальше нас ждет что-то удивительно прекрасное, и что лишь зал ожидания дает нам шанс остаться вместе...

В голове вдруг настойчиво зазвенел колокольчик. Я подскочил, оглядываясь, и Марина удивленно посмотрела на меня — она, видимо, ничего не слышала. Вдруг я почувствовал чье-то прикосновение — девушка в сером попросила немедленно пройти с ней.

— Последний документ, — вздрогнув, прошептала Марина, — точно говорю. Ты ведь подождешь? — Она растерянно оглядывала зал, но к ней пока никто не подходил. — Ведь подождешь, да?

— Ну, конечно, — пообещал я и поспешил, постоянно оглядываясь, за девушкой.

Марина поднялась, прошла вдоль кресел, вышла в проход. Мы же с девушкой шли не к стойке, мы шли к выходу.

Я растерянно смотрел на нее, а она продолжала тянуть меня к прозрачным дверям, через которые я вошел когда-то: день, месяц или год назад? Наконец я не выдержал и спросил, что происходит. Короткая заминка, за которой последовал совершенно неожиданный ответ:

— Вас действительно вызывают обратно. Клиническая смерть заканчивается, вы возвращаетесь. — Увидев мое удивленное лицо, девушка добавила: — Обратно. Жить.

Кажется, она и сама была удивлена не меньше, но старалась не подавать виду. Бросила взгляд на бумажку с коротким заглавием «Срочный отзыв». Я тоже заглянул и успел прочитать имя и фамилию: Наталья Углева. Ташенька.

Именно благодаря ее стараниям мое бесконечное лето перешло в смурной август, а следом и в промозглую, колкую ранними морозами осень. Таша вытащила меня, упирающегося в лете, переставшего замечать хоть что-то, кроме жарких ледяных узоров, покрывших сердце. Они стояли только зимой, перед самым Новым годом, отрезавшим жизнь прошлую от настоящей, поделив ее на две неравные части. Год назад мы с Ташей рас-

писались, через полгода у нас должен родиться ребенок.

Я обернулся на Марину. Она смотрела не отрываясь, не понимая, что происходит, чувствуя неладное, и ее глаза пытались поймать мой взгляд, пытались.

Я забывал ее с огромным трудом, со всем напряжением Ташиных сил. Лишь совсем недавно мне удалось освободиться от Марины, не думать о ней, не поминать ее имени всуе, не пугать своими снами спящую рядом Ташу. А она терпела, мучилась, но упорно подталкивала меня к возвращению. Она любила так сильно, что была способна на все. Даже вытащить меня из зала ожидания. Меня, разом позабывшего и о ней, и вообще обо всем, стоило снова увидеть Марину.

Наверное, я не смогу полюбить ее, тем более так, как любит меня она. Но не могу и отказаться от положенных к ногам даров, не могу, не ради себя, ради нее. Не прощу себе потери той, что вернула меня, передав частицу своей жизни, своей души, своего сердца. Разделив со мной свою жизнь.

Значит, это не просто зал ожидания перед отправкой в небытие. Здесь ждут не приема, а окончательного забвения, оставления — теми, кто еще ждет, быть может, уже не надеясь или веря в чудо, невысказанное, невозможное. А Марина? Я вспомнил подписанный ею документ на продление. Выходит, она сама не может отправиться в последний путь, ждет, пусть, без чувств, без веры, без надежды, просто ждет того, кто должен, рано или поздно, придти за ней. И только поэтому до сих пор пребывает в зале ожидания.

Или я сам, упорствуя все это время, держу ее там? Не веря в смерть, не хочу отпустить, жажда не новой встречи, а возвращения к давно ушедшей? К той, которая не случилась, и никогда более не случится...

Не отпускаю и ту, что ждет там, за дверью. Что вытащила раз, и вытаскивает снова и снова, что бы еще ни случилось.

— Пора, — напомнила девушка.

Я на миг задержался и, не выдержав, оглянулся, встретившись взглядом с Мариной.

— Я буду ждать, — послышалось мне. Страшно, больно, мучительно смотреть в эти глаза, разом припорошенные пеплом. Но я смотрел, пытаюсь прошептать одно слово, которое когда-то не давалось нам обоим, а теперь лишь мне: «Прости».

И в то же мгновение дверь распахнулась, ослепив меня ярким сиянием. Я вздрогнул, открыл глаза и увидел себя лежащим недвижно на больничной койке...

Милая моя Мариша! Если сможешь, прости, прости за все, за не случившееся прошлое и за не вышедшее настоящее.

Единственная моя, самая дорогая на свете! Возвращения больше не будет. Прости!.. □

Юрий Тречко

Есть жесткий характер в движении туч
Над бедной равниной, и в складках простора,
И в том, как река запирает на ключ
Свои ледяные глубины, не скоро,

Но сразу сурово входя в ледостав,
И в том, как упорно и яростно птица
Сюда возвращается, не перестав
На эти ложбины в разлуке молиться.

Он доносится едва,
Зов трубы крамольный,
Будто капает вода
Ночью в ручкомойник,
Вроде он для всех припас
счастья и волнений —

Этот тихий трубный глас
Зимних увольнений.
Он всегда поет с утра,
Крутит, вертит нами.
И целует, как сестра,
Сжатыми губами.

Мне выслало детство
Забывтый рисунок.
Там в области сердца
Не властен рассудок,

И дым коромыслом
До неба восходит
От Толстого мыса,
Где жизнь происходит.

Над формою сущность
Еще не довлеет,
И горбится суша,
И парус белеет.

Ах, ясные краски
Смешной акварели!
Прекрасные страсти
Еще не созрели,

Дорога петляет,
Сияют вершины,
Огонь впечатляет,
Как хвост петушиный,

Поля зарастали,
Труба не трубила...
И даже война никого
не убила.

Я ведь мог бы уснуть в кахетинском саду
В безмятежную летнюю рань
Над увалом речным, у горы на виду,
Там, откуда слышней Алазань.

Я бы, может, последним уйти от стола
На топчан в холодке предпочел,
Над которым уже зацвела мушмула,
Привлекая задумчивых пчел.

Я бы спал, в изголовье башлык положив,
Улыбаясь чему-то во сне.
И орел надо мною то в небе кружил,
То стоял у лазури на дне.

Из оврага хрипнул незаседланный конь,
Затаился, затопал опять.
И ласкала б во сне осторожном ладонь
Золотого клинка рукоять.

Я бы стал в эти чащи и пажити вхож,
Я бы предков юдоль почитал,
И одежду носил из коричневых кож,
И псалтырь по-грузински читал.

Сколько раз в этой жизни раздумывал я,
Как пасет мирозданье Господь,
На круги возвращая сурово своя
Наши души и грешную плоть.

Но в каких эмпиреях в одно сведены
Наши судьбы и лет чехарда?
...Вот Давид Гоциридзе вернулся с войны,
Ставши дедом моим навсегда.

И взошел в небесах материнский рассвет,
На земле небывалый досель,
И уже ничего из минувшего нет,
И в Телави моя колыбель.

Где текут по горам ледяные ручьи,
Где в орешнике дремлет олень,
И гудят у костра по ночам зурначи,
Чтоб потом отсыпаться весь день.

Где поют Кетевана, Сусанна, Дато,
Обучая дитя языку.
И в соседнем духане им вторит кинто,
Возлежа, как кувшин, на боку! □

Наталия
Солдатова

Красные

лилии

ГЛАВА 1

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ЛЕСНОЙ ДОРОЖКЕ

Разумеется, Аня знала, что в этот день с ней что-то обязательно случится. Что-то необычное, странное и, конечно же, страшное. Она знала это по своему состоянию, предвещавшему сильную психологическую встряску, и потому шла сейчас из санатория через лес осторожно, стараясь не шуметь, не издавать никаких звуков. Тишина несказанная, а птицы-то как поют! Музыка природы... Лучше всяких оркестров... Даже воздух шумит по-особенному, впуская к себе молодой ветерок, чистый, прозрачный и по-детски порывистый. Одним словом, трепетность и нежность... Тишина и покой... Но отчего же ей так тревожно? Ну, лес все-таки, утешала сама себя Аня, мало ли что тут может произойти...

Журнальный вариант

Красные лилии

Однако лес кончился, а облегчение не наступило. Невдалеке, почти рядом, находилось внушительное деревянное здание, в котором раньше размещался то ли сельсовет, то ли правление колхоза, а теперь там время от времени, а, может, постоянно, Аня точно не знала, вели прием представители городской мэрии, так как поселок этот стал относиться не к сельской местности, а к городу. Вот сейчас она пройдет его, поднимется на пригорок и выйдет на свою улицу, а там и ставшая родной изба, которую она получила в подарок от своей замечательной бабушки, совсем рядом... Войдет в нее, запрет за собой дверь и окажется в этом спасительном уголке, на этом островке, отмоленном у Бога всей бабушкиной жизнью, где с ней, Аней, не может случиться ничего плохого!

Тропинка уже вознамерилась огибать «правительственный» дом, как вдруг справа, из высокой травы, от зарослей шиповника Аня явственно услышала стоны... Она испугалась и решила поскорее пройти мимо — мало ли, вдруг человек специально стонет, чтобы заманить ее туда, а там оглушит чем-нибудь и... И все же свернула с тропинки, прошла несколько шагов и увидела лежащего на спине мужчину, который что-то беспрерывно шептал. Пьяный? Или человеку стало плохо, и он нуждается в скорой медицинской помощи? Аня нагнулась над ним и услышала, как он произнес:

— Кровавая Мэри... Кровавая Мэри...

При этом глаза мужчины, обращенные в небо, блуждали в открывающихся, видимо, ему одному далеких пределах, но вдруг вырвались из этих странствий, остановились на девушке, налились кровью, словно от только что произошедшего кровоизлияния, и он вновь, теперь уже глядя прямо на Аню, прохрипел:

— Кровавая Мэри... Кровавая Мэри...

Аня отпрянула в сторону и посмотрела по сторонам — никого... Надо же, обычно по этому ле-

су бродит немало людей... И еще несколько минут назад ей казалось, что она тут не одна. А теперь... Ан нет, в санаторий на всех парусах бежала уборщица, которой уже пригрозили увольнением за опоздания, и об этом знал весь поселок. А мужчина, между тем, все шептал и шептал страшные слова... Их услышала чуткая на ухо уборщица, и, пролетая мимо, даже не подойдя и не посмотрев, что же произошло, недовольно пробурчала:

— Ишь, Мэри! Черти кровавые ему видятся, а не Мэри! Пьянчуга!

Аня даже не успела попросить ее позвать людей. Что же делать? До первых домов далековато, да и до рыбаков, сидящих с ночи у речки, — тоже, так что кричать и звать на помощь бесполезно. Надо бежать и звать народ. Только вдруг она ему сможет чем-то помочь прямо сейчас? Аня вновь склонилась над мужчиной и заметила, что куртка его с одной стороны сильно оттопыривается. Она осторожно отогнула ее и увидела черную рукоятку ножа, буквально впечатавшуюся в клетчатую хлопчатобумажную рубашку... Мужчина по-прежнему смотрел на нее налитыми кровью глазами и шептал те же самые слова...

— Господи! Господи! Я... Я сейчас позову на помощь... Сейчас... Люди! Люди! — Но голос Ани прозвучал хрипло и глухо...

— Кровавая Мэри... Кровавая Мэри...

— Люди!

Она понимала, что надо срочно бежать в поселок! Или к рыбакам! Но... может, вначале выдернуть из него эту штуку? Возможно, это спасет ему жизнь? Аня инстинктивно вытащила свой носовой платок, обмотала им рукоятку и с силой потянула ее на себя. Тело мужчины чуть приподнялось, а потом вновь опустилось на траву, при этом он как-то странно вздрогнул, и голова его откинулась набок... Да и вообще в нем что-то изменилось... И он больше не говорил ни о какой Мэри... Аня стояла над ним с окровавленным ножом в руках, совершенно убитая и растерянная от простой мысли — мужчина умер... А она-то, она-то стоит рядом с трупом и держит в руках орудие убийства, да еще и в платочек свой рукоятку завернула! Любой следователь скажет — какая предусмотрительная! Убила и теперь замечает следы... И попробуй докажи, что ты мирно шла из санаторского буфета и ни сном ни духом не ведала, что тебя ждут такие испытания! Впрочем, духом-то как раз ведала — ведь было же предчувствие какой-то трагедии, было! Да, но что теперь делать с этим ножом? Хорошо, если попадется умный следователь. А вдруг — дурак и дуболом? Она в этом поселке еще не очень-то своя, приезжает из города в основном только в выходные, когда хорошая погода, да еще когда в огороде ждет ее срочная работа. А так живет себе в хорошей двухкомнатной городской квартире, на которую выменяли другую, ту, где прошло ее детство, и где она была счастлива со своей красивой и жизне-

радостной матерью. Но это было совсем в другом городе... И совсем в другой жизни... Очень давно...

Аня потом не могла объяснить даже самой себе, почему она поступила так, а не иначе. Обвязав своим платком нож, она бросилась к реке. Спуск был довольно крутым, к тому же, она еще и здорово разбежалась, поэтому метрах в десяти от мирно сидящих рыбаков влетела в воду, подняв стену брызг. Пробежав вперед несколько метров, споткнулась о камень и чуть не упала в реку, замочив и обувь, и одежду, но, заодно, избавившись в этой водной кутерьме от ножа вместе с носовым платком. Аня поднялась и, повернувшись к рыбакам, закричала что было силы:

— Помогите! Помогите!

Рыбаки с любопытством смотрели на девушку, но никто не двинулся с места. Казалось, что все еще крепче взялись за свои удочки.

— Там человек умирает! Или уже умер, — вновь закричала она, показывая в сторону деревянного дома, воплощающего здесь хоть какую-то власть. — Да вы что, мужики! Человек же там помирает... Помочь надо... «Скорую» вызвать... Может, мобильник у кого есть, а?

— Может, и есть, — откликнулся один из рыбаков, пожилой уже, весь седой и с бородкой. Он оторвался от своих удочек, попросив остальных за ними присмотреть, и отправился вслед за Аней, которая понеслась на взгорок так быстро, словно за ней гналась свора собак. Но рыбак поспевал — видать, занимался спортом, сохранил форму. Через минуту они уже стояли возле незнакомого мужчины, не подававшего признаков жизни. Рыбак взял его за руку в том месте, где прощупывается пульс, но почти тут же опустил ее, и она безжизненно упала.

— Кажись, помер, — прошептал он, вынул из кармана мобильный телефон и набрал сначала номер «Скорой помощи», а потом и полиции.

Дежурному медику он прямо сказал, что человек мертв и что звонит он для очистки совести. С полицией разговор был длиннее — там все досконально выспросили, в том числе и фамилию звонившего, а также имя его и отчество — он оказался Владимиром Лукичом Братковым, художником, работавшим в областной газете, — и поинтересовались, кто первым обнаружил труп. Братков тут же передал телефон Ане.

— Но я обнаружила не труп! Человек был еще жив... Как это, все равно? Я — Анна Николаевна Горева. Нет, постоянно живу в городе. Хорошо, я подожду. И передам просьбу.

Она вернула трубку Владимиру Лукичу и сказала, что их попросили задержаться здесь, подождать прибытия полиции и медиков. Братков, между тем, внимательно осматривал мужчину, но не решался до него дотрагиваться.

— Интересно, кто это? Местный? А? — спросил он Аню.

— Не знаю. Я ведь в городе живу, а тут появляюсь время от времени... Во всяком случае, в поселке я его не видела...

— И среди нашего брата такого не было... Скорее, из санаторских он. Санаторий-то здесь ведь сердечный, так?

— Вроде бы...

— Вот у него сердце и прихватило... Тоже мне, врачи! Надо было предупредить больного, чтобы никаких лишних прогулок! Лежал бы себе в шезлонге и не двигался... Ходил бы на процедуры всякие... Да, жаль... И ведь сравнительно молодой еще...

На тропинке снова показалась уборщица — на этот раз она шла из санатория. Увидев Аню, еще издали прокричала:

— Выгнали, заразы! От ворот поворот! Ну, где я теперь работу найду, а? Где?

— Где-где? В Караганде! — ответил ей Владимир Лукич, продолжая смотреть на неподвижно лежащего незнакомца.

— Что? Он так и не очухался? — спросила уже бывшая уборщица. — Так и поет про свою кровавую Мэри?

— Нет, уже не поет, — ответила Аня. — Помер...

— Помер? Как это? Совсем, что ли?

— Совсем...

— Ни фиги себе! А дайте-ка мне глянуть на него... Можно?

— Можно, только осторожно, — в рифму ответил ей Владимир Лукич.

Женщина подошла к лежащему в траве человеку, внимательно всмотрелась в его лицо и воскликнула:

— Батюшки-светы! Да ведь я его знаю... Знаю... Риткин хахаль! Он! Точно!

— А кто такая Ритка? — поинтересовалась Аня.

— Да медсестра в санатории! Чтоб ей! Сейчас вместе с директором на меня наехала — уволить, мол, ее, уволить! Ну, что опаздываю... Да какое значение имеют эти пять-десять минут, а? Я же там все вычищаю-выскребаю, не жалея сил! За-разы! Просто к этой Ритке сестра приехала, без работы сидит. Теперь ее на мое место и возьмут, точно знаю! Паразиты! Вот Ритке за меня и первая месь! Хахаль ее — на том свете!

— Месь, говорите? И кто же это отомстил, по-вашему, а? — спросил, подходя к ним, молоденький полицейский с погонами старшего лейтенанта.

За ним шли еще двое, оба — капитаны. Они появились на дорожке как-то тихо, внезапно, и потому все оторопело смотрели на оперов, не решаясь что-то говорить и не зная, можно ли давать какие-то показания без официально заданных вопросов. Особенно смутилась несостоявшаяся уборщица — вопрос-то был обращен к ней.

— Так ведь... судьба отомстила-то! Судьба! — вдруг решительно проговорила она, по-няв, что ей нечего терять.

— Судьба, говорите? Хм... Прошу всех стоять там, где стоите!

Это сказал молоденький и вместе с остальными подошел к лежащему мужчине.

Интересно, почему командует этот лейтенант, а не капитан, подумала Аня, и, так же, как и Владимир Лукич с бывшей уборщицей, стала следить за действиями оперов. Сначала все положенное сделал один из капитанов — медик, что-то шепотом сказавший своим сослуживцам. Очевидно, о том, когда примерно наступила смерть. Затем стал говорить так, что вообще не было слышно ни слова, но Аня-то отлично знала, что он рассказывает о ножевом ранении... А вот

она о нем даже не упомянет. Нет, и все! Меньше знаешь — крепче спишь. И потому не скажет, что имела глупость прикоснуться к этому ножу... Думала — мужику станет легче... А ничего и не стало. Он просто умер. А так бы, может, еще пожил — кто знает! Одним словом, вполне возможно, что она виновата в его смерти!

— Кто из вас первым увидел этого человека? — спросил старший лейтенант.

— Я увидела, — ответила Аня.

— Вы специально пришли на встречу с ним?

— Да что вы — нет, конечно!

— А давно вы знаете этого человека?

— Я его совсем не знаю.

— Итак, рассказывайте — при каких обстоятельствах вы...

Аня подробно рассказала о том, как она ходила в санаторий, как шла обратно и услышала стоны, как подошла к умирающему, а он повторял одну и ту же фразу: «Кровавая Мэри... Кровавая Мэри»...

— А почему вы подумали, что он умирает? Почему, например, не задались вопросом — может, человек пьян?

— А я, извините, этим вопросом задалась, — вмешалась вдруг несостоявшаяся уборщица. — Уверена была, что человек пьян, хоть и утро. Многие тут с утра надираются. Но мне некогда было останавливаться — на работу опаздывала...

— А вы у нас кто?

— Я — Мария Степановна Князева, местная, всех тут знаю, и этого человека тоже раньше видела — он из санатория. Кириллом Павловичем зовут. Недавно сюда приехал. А медсестра санаторская, Ритка, — его пассия. Умершего я увидела, когда обратно шла и сюда свернула... Ну, к месту происшествия....

— Понятно. Вы тоже, значит, застали его живым?

— Ну, когда туда шла — живой был. Все хрипел про эту кровавую Мэри... А обратно — так все уж. Конец.

— Так. — Лейтенант повернулся к Ане: — Анна Николаевна, а почему же вы не кричали, не звали на помощь?

— Да кто же отсюда услышит? Я побежала к рыбакам, просила о помощи, но только Владимир Лукич и бросился со мной к умирающему... Умершему... Остальные как сидели, так и продолжали сидеть...

— А зря вы здесь-то не закричали. Я бы услышала... — Все обернулись в сторону «правительственного» дома — на его пороге стояла уже немолодая, но очень интересная женщина. — Да, я бы услышала, потому что здесь ночевала...

— Вот как? А вы кто, позвольте спросить?

— Я — Смирнова Мавра Владимировна. Представитель мэрии. Сегодня буду вести здесь прием. Приехала загодя, чтобы не опоздать — машину нам для таких случаев не выделяют, а автобусы сейчас все забиты.

— Какое у вас интересное имя! — отметила Аня. — Старинное. Сейчас так не называют...

— Ну, когда я родилась, тоже так не называли... Это мои родители-оригиналы постарались. А я всю жизнь страдала от такой оригинальности и переделывала себя то в Машу, то в Миру...

— Мэри тоже подходит, — заметил лейтенант и попросил разрешения пройти в помещение и позвонить в санаторий — надо же, в конце концов, точно узнать, кто этот пострадавший!

— Разумеется, звоните, — ответила Мавра. — А меня в школе и Мэри звали... Кого-то из классиков проходили, и там Мэри была...

— Княжна Мэри, — подсказала Аня. — Лермонтов. Михаил Юрьевич.

— Точно. А чего с женщиной-то?

— Да от сердца же умер, — проговорила безработная Князева.

— Да нет, уважаемые свидетели! Вы у нас теперь все тут подозреваемые. Потому что человек этот умер вовсе не от сердечного приступа. Он, дорогие наши дамы и оторвавшийся от своих удочек и присоединившийся к вам Владимир Лукич, принял насильственную смерть! — произнес вдруг медик.

— То есть... Вы хотите сказать, что его убили? — спросила Князева.

— Да, я именно это хочу сказать.

— Господи! А я и не знала!

Это восклицание Князевой потонуло во всеобщих ахах и охах, из хора которых выделился, наконец, один вопрос — а как именно был убит этот мужчина?

— Нож, — сказал молчавший до этого второй капитан.

— И не исключено, что орудие убийства находится где-то здесь, — вновь взял инициативу в свои руки вернувшийся из «правительственного» дома лейтенант.

Все невольно стали смотреть себе под ноги, а также оглядывать территорию в пределах нескольких метров — но, увы, ножа не было.

Тем временем Мавра Владимировна продвинулась вперед, чтобы взглянуть на убитого, а когда увидела, то ахнула и побледнела.

— Заметая следы, убийца унес с места преступления орудие убийства, — выразительно произнес Владимир Лукич и пояснил, что примерно так об этом написали бы у них в газете.

— Возможно, возможно, — кивнул лейтенант. — А что это с вами, Мавра Владимировна?

— Я... Мне просто дурно... Не могу видеть... мертвых...

Молчаливый капитан — очевидно, все-таки самый старший в группе, предварительно испросив у нее разрешения пройти в дом, предложил всем тут же, не теряя времени, дать необходимые показания, чтобы с их помощью составить как можно более полную картину преступления. Вернее, его последствий. Никто не возражал. Медик остался ждать машину, чтобы ехать в морг, а лейтенант, замыкавший шествие, вдруг сошел по ступенькам обратно на дорожку и поднял с травы какую-то тряпицу, которая когда-то была белой, а теперь — серо-буро-малиновой, потому что по ней растекалась красная краска. Он растянул тряпку на траве и увидел еще довольно четкие буквы, из которых состояло одно-единственное сохранившееся здесь слово — МЭРИ...

— Вот тебе и кровавая Мэри, — хмыкнул медик.

Лейтенант вошел в дом и вышел оттуда вместе с Маврой Владимировной. Женщина тут же «опознала» тряпицу. Это было объявление-растяжка для жителей поселка, которых извещали, какого числа представители мэрии будут вести прием.

— Тут дальше было перечислено, кто именно и по каким вопросам, — уточнила она. — Зайцев, например — по коммунальным, Деревянкин — по делам молодежи, Савин — по народному образованию... Ну, и так далее. Такое у нас раз в месяц бывает. А в обычные дни прием ведет один человек, вот как я сегодня...

— И давно был этот массовый прием? — спросил лейтенант.

— Да нет. На прошлой неделе.

Вместе с Маврой Владимировной лейтенант вошел в дом, чтобы присутствовать при даче свидетелями показаний. У него не было никаких фактов, изобличающих в преступлении кого-либо из присутствующих, од-

нако за свою пока еще недолгую службу он взял за правило подозревать всех и вся, а затем, постепенно отбрасывая эти подозрения, возвращать — для самого себя, разумеется — благородный облик человеку, которого брал в оборот. Виновных это не касалось. Свою рабочую методику он так и называл — отсеивание, за что некоторые сослуживцы тут же дали ему прозвище — «Севок». Правда, иные звали его Пушкиным, потому что был он Александром Сергеевичем Карпушкиным. Но в угрозыске до высокой поэзии было далеко и чаще все-таки звучало первое прозвище.

Однако ничего нового показания людей, обнаруживших пострадавшего, не давали. Вышло, что убитый встретился с кем-то еще до них и от этого человека получил смертельный удар.

Отпустив Владимира Лукича, Аню и Князеву и дав, наконец, возможность Мавре Владимировне работать, то есть готовиться к приему посетителей, которых пока еще не было, стражи порядка вышли на улицу. Возле крыльца рыдала медсестра санатория Рита.

— Это я, я... Я во всем виновата... Это я такая несчастная... И он из-за меня пострадал, — причитала она.

— Почему вы так думаете? — спросил лейтенант.

— А потому, что на мне... на всей моей жизни — какой-то рок... Печать... Был у нас тут раньше Федя... Замуж даже меня звал... А потом — инфаркт...

— Что ж, разберемся, — зачем-то сказал лейтенант, хотя разбираться тут было не с чем.

Так получилось, что Аня шла в поселок вместе с Князевой. Владимир Лукич сразу же отселился к своим удочкам, пожелав им спокойствия и благополучия.

— Сейчас, кстати, и рыбаков всех будут трясать — видели они чего подозрительное или нет... И санаторских тоже, — заметила Князева.

— Да и поселковых, думаю, в покое не оставят, Мария Степановна...
— А зови-ка ты меня просто Маша... И на ты... Угу, Анна Николаевна?
— Угу. А вы меня — Аня...
— Я бабушку твою, Римму Сергеевну, хорошо знаю... Приезжать-то она сюда будет?
— Обещала. Я вот не знаю, Маш, что мне с огородом-то делать? Землю жалко — пустует...
— А ты сажай! Все сажай, продашь потом, хорошо заработаешь! К нам и летом, и осенью специально из города приезжают — покупать ягоды да фрукты-овощи. Чистое ведь у нас все, без нитратов. Сейчас люди это очень ценят... — Вдруг Маша запнулась и с ужасом произнесла: — Это ведь, выходит, мы с тобой ходили рядом с убийцей... Может, он нас даже видел... А ты ведь первая этого... пострадавшего-то заметила... И чего — не поняла, что его убили-то?
— Не поняла... Мне и в голову не пришло... Ведь ни крови, ничего...
— Да... Дела...
— Маш, а часто у вас такое случается? Ну, в поселке-то?
— Да нет... Бабушку тут одну связали да ограбили... Иконы сняли... Но старушка-то жива... Да еще в бывшей школе, теперь развалюха на окраине, сторожиху задушили... Она там жила — дом у нее сгорел... Вот и все. В соседних-то деревнях больше разбойничают... Ну, вот я и пришла...
Изба Князевой находилась буквально в двух шагах от дома Аниной бабушки. Их разделяла одна постройка, на месте которой когда-то, в прошлом веке, стоял пятистенок, да хозяева давно умерли, дом сгнил, и внуки или правнуки сколотили из оставшихся еще пригодных для строительства материалов немудреную времянку, чтобы хранить кое-какие вещи, инструменты, да и попросту укрыться от дождя. Маша попрощалась и вошла в дом, а Аня отправилась к себе, решив забыть о трагическом эпизоде. Стереть его из памяти. Не было никакого ножа, и все! И никогда, ни при каких обстоятельствах о нем не вспоминать! Правда, она отдавала себе отчет, что следственные действия только начинаются и ей еще не раз и не два придется рассказывать об этом человеке с его кровавой Мэри...

ГЛАВА 2

ПРЕДСКАЗЫВАЮТСЯ... УБИЙСТВА!

Уже который день Владимир Иванович Комов, начальник управления угрозыска, был в прекрасном настроении и непростительно много для своей должности улыбался. Да и как не улыбаться — происхо-

дило то, чего за его двадцатилетнюю практику не было никогда! Ему предсказывали преступления! В том числе и убийства! И, похоже, в этом не было ничего мистического... Во всяком случае, ему так казалось. Случалось это довольно просто — в управление, прямо на его номер звонил человек и сообщал, что там-то и там-то преступники собираются совершить то-то и то-то. И все. Далее шли гудки, так как говоривший — вернее, говорившая, ибо это была дама, вешала трубку. Проследить, откуда шли звонки, было практически невозможно, потому что звонили из телефонов-автоматов, и всегда разных. Женщины явно не хотела, чтобы узнали, кто она есть.

Надо сказать, что Владимир Иванович и до этого не был обижен удачей. Наверное, потому, что много лет подряд мозг его настраивался на определенную волну и порой мог даже по вроде бы незначительным деталям, поступкам, уликам догадаться о ходе преступления и его авторах. А научила его этому Валя, Валентина Орлова, девчонка, с которой выросли в одном дворе, учились в одной школе, девушка, в которую был немножечко влюблен... Она долгое время работала под его началом и была его первой и верной помощницей, а когда дело касалось психологии — его руководительницей. Потому что никто лучше Валентины не мог психологически точно разложить по полочкам мотивы преступления, само преступное действие, поведение подозреваемых и обвиняемых. Схему происшествия Валя обычно изображала на бумаге и облекала свой рисунок в психологически обоснованную картину, создавая логический ряд, цепочку образов, с помощью которой можно было восстановить все происшествие и понять, кто его придумал, продумал и осуществил. Наверное, от общения с Валентиной у Комова появилась одна весьма необходимая ему особенность, странность, которой он был

рад, — звонок. Он давал знать о себе где-то в глубинах мозга, в сознании либо подсознании. А явственно его слышал Владимир Иванович тогда, когда появлялся свет в конце тоннеля... Звонок подтверждал, что он, Комов, действует правильно и движется в нужном направлении... Володя им гордился. Но предсказывать преступные действия его звонок не умел. Интересно, как это делает неизвестная женщина? Он уже рассказывал о ней Валентине. Она была удивлена и обещала подумать над этим феноменом. Жаль, что Валя редко теперь бывает рядом — она давно, с его же помощью открыла свое детективное агентство и явно не страдает от отсутствия клиентов. Но в экстренных ситуациях он зовет ее на помощь.

Вот и сегодня Валя как раз должна к нему придти по какому-то неотложному делу. И это хорошо — они обязательно еще раз обсудят странные и так необходимые им звонки, после которых становится известно, где и кого собираются ограбить либо убить. Впрочем, вполне возможно, что Валу это не очень-то удивляет — она ведь, нет-нет, да и проявит не просто свои аналитические, но и экстрасенсорные способности...

Итак, о чем же поведала ему, судя по голосу, довольно молодая женщина? Володя помнил каждое ее предупреждение, он даже попросил своего зама, Сергея Ильича Осокина, завести для этого особую папку. Первым номером там значится несостоявшийся поджог нескольких киосков на конечной остановке первого маршрута троллейбуса. Несостоявшийся — потому что невдалеке от киосков не одни сутки дежурили переодетые в штатское оперативники, и когда один бывший уголовник глубокой ночью попытался поджечь объекты, он тут же был схвачен...

Второе предупреждение неизвестной дамы касалось уже самого крупного в городе, да и в области торгового комплекса — в назначенный день и час грабители предполагали изъять там всю выручку. В тот день места всех технических работников комплекса, в том числе и лифтеров, а также части продавцов, контролеров и охранников заняли полицейские, и, когда люди в масках еще только попытались проникнуть в здание, их взяли в кольцо и обезоружили. Решающую роль при этом сыграла внезапность. Грабители, кстати, тоже рассчитывали на внезапность, но этот важный элемент плана сорвался у них, как рыба с крючка. Одному преступнику все-таки удалось бежать, двое ждут судебного процесса...

Третье предупреждение заставило всех изрядно поволноваться, потому что преступники планировали кражу ребенка из родильного дома. Волнение усиливалось оттого, что не был назван день преступления, а также потому, что попасть в это медицинское учреждение, несмотря на охрану, было проще простого — окна первого этажа располагались так низко, а рамы были настолько старыми, что туда могла запросто влезть даже старушка.

Оперативники не стали рисковать и применили хитрый ход — сообщили по радио, телевидению и в газетах, что некий экстрасенс предсказывает криминальное происшествие в городском роддоме, а посему там теперь находится небывалое количество вооруженных охранников, делающих все, чтобы и муха туда не пролетела! Помогло — очевидно, преступники оказались грамотными людьми, либо они регулярно слушали радио или смотрели телевизор...

В четвертом предупреждении фигурировала суконная фабрика, где раз в месяц сотрудникам, а их — две тысячи, выдают заработную плату. И на фабрике вот уже несколько дней безвылазно сидели люди Комова — для этого там появился газетный киоск и аптечный пункт, где работали не по одному человеку, как обычно, а сразу по двое. Усилили наблюдение и за дорогой, ведущей из банка на фабрику. Это делалось для того, чтобы заранее определить подозреваемых — ведь должны же грабители накануне решительных действий досконально изучить обстановку. Однако пока ничего определить не удалось — все вели себя как обычно, и ничто на фабрике не вызывало подозрений. А заработную плату туда должны были привезти завтра...

Комов еще раз проанализировал все звонки неизвестной, составив для этого определенную схему. На ней были отмечены названные места преступлений и телефоны-автоматы, откуда производились анонимные звонки. Места расположения телефонов-автоматов он обозначил квадратами, а места преступных действий — кружочками. И немало удивился — квадратики и кружочки почти совпадали! Киоски, которые планировалось поджечь, располагаются неподалеку от суконной фабрики! Торговый комплекс — между двумя вокзалами. В эту картину не вписывался только роддом, но и само предполагаемое преступление было за пределами разумного...

Ему показалось, что Валентина вошла в кабинет без стука, но она тут же предотвратила его возможный упрек:

— А мысли твои, Володечка, сейчас далеко-далеко, точно знаю! Два раза постучала, и — никакой реакции! И что за глобальные вопросы ты решаешь?

Володя начал рассказывать про анонимные звонки-предупреждения, которые чудесным образом сбываются.

— Как ты думаешь, Валя, что за всем этим стоит?

— Ну, прежде всего — интересная личность... Неординарный человек...

— Да, но как она обо всем узнает? Я уж подумал — может, она сама или кто-то из ее близких в этой банде? Ну, сын, предположим... Или муж...

— Может быть, может быть... А, может, и нет... Я — про мужа или сына... Если они ей дороги, она не будет тебе звонить, потому что, в конце концов, это может раскрыться, и они пострадают... Нет, Володя, скорее всего, она — одна... Одна, понимаешь? И каким-то образом узнает о готовящихся преступлениях... А поскольку ей нечего терять, то она тебя о них предупреждает... Кстати, как она это делает, я не уловила?

— Звонит мне по прямому телефону.

— А разве он есть в справочнике?

— Нет, конечно...

— Откуда же она его знает? Первое предположение — работала у вас. Второе... Здесь служит кто-то из ее близких, доверенных людей, которые и сообщили ей номер. Третье — дама трудится на телефонной станции...

— Тогда бы она не бегала по телефонам-автоматам!

— Согласна. Но, возможно, трудилась там раньше. Запомнила номер.

— Нет. Я недавно его сменил.

— Когда — недавно?

— Три месяца назад! Даже у нас в управлении не все знают мой прямой телефон...

— И все же кто-то ей этот номер дал... Честно говоря, во всем этом есть что-то мистическое... Может, она ни в какой и не в банде, а просто чувствует готовящиеся преступления... Телефон же ты мог сам ей назвать. Вспомни хорошенько. Возможно, пытался узнать что-то очень важное для следствия и вручил какому-нибудь свидетелю свою визитку с новым номером, да еще и попросил — дескать, если что-то вспомните, звоните прямо мне в любое время суток! А?

— Такое, конечно, могло быть...

Да, да, это так, в этом что-то есть, потому что не успела Валя договорить, как Комов услышал свой звонок. Правда, звенел он негромко, но Володе стало ясно, в каком направлении думать и искать. Память пере-

брала все события этих месяцев, словно проли- стала интересную книгу. И — ничего... Тогда она вырвала откуда-то из глубины его встречу с населением, посвященную профилактике пра- вонарушений. И вот там-то...

— Понимаешь, вроде бы интересный момент, а вот в памяти четко не воссоздается... Очень все смутно... Я действительно дал одной жен- щине свою визитку уже с новым телефонным номером... Чем-то она меня поразила, и мне за- хотелось с ней побеседовать... Я ее к себе при- глашал. А потом об этом ни разу не вспомнил. Непонятно, зачем дал ей свою визитку? Никак не могу вспомнить, прямо мистика какая-то!

— Ну, вот и думай о мистике... Хоть ты и утверждаешь, что ценишь только реализм, он и экстрасенсорика не противоречат друг другу!

Ну конечно, конечно же, не противоречат... И та маленькая женщина с озорными глазами, улыбаясь, сначала говорила о метеорологии, о том, что эта служба может предсказывать пого- ду... Так почему бы не быть и другим службам, прогнозирующим движение тектонических плит, изменение гравитации, глобальные космические процессы, а вместе с этим — и изменение поведе- ния людей... Все это было очень туманно, он слу- шал тогда вполуха, к тому же, его дергали со всех сторон, пытаясь высказать свои просьбы и пре- тензии по конкретным уголовным делам, поэтому Комов и отдал женщине свою визитку, попросив позвонить... Он рассказал об этом Валентине.

— Возможно, все и прояснилось... Но, скорее всего, только запуталось, — заметила она. — Во- первых, у тебя нет уверенности, что это — та са- мая женщина... Может, она просто передала твою визитку кому-то другому... Могла ее и по- терять, а кто-то нашел... Ну, и второе — я верю в экстрасенсорные способности, но вполне от- даю себе отчет, что они ограничены. Ими мож- но пользоваться наряду с множеством других

доказательных фактов, как подсобным средством, но — не главным. И, поверь мне, совершенно исключено, чтобы экстрасенс в таких подробностях мог предсказать будущее преступление...

Тут в кабинет вошел Сергей Ильич Осокин, тепло поздоровался с Валей и доложил Комову, что на суконной фабрике все готово к встрече «гостей», которые, судя по всему, должны нагреть завтра, либо перехватить кассира с деньгами по пути из банка. Так что на всем пути следования машины организовано специальное наблюдение. В полной мере задействована и «наружка». Охвачена вся восточная часть города и прилегающая к ней территория области. Там — несколько населенных пунктов. Зафиксировано одно происшествие, но оно, по всей видимости, не имеет отношения к ожидаемому преступлению — в местном санатории убит мужчина. Нездешний. Приехал по путевке. Это произошло накануне утром. Происшествием занимаются городские оперативники.

— Ребята, да я же к вам и пришла по этому поводу! Мне Геннадий Васильевич позвонил, директор санатория. Наш бывший коллега, медик, помните его? На заслуженном отдыхе сидеть не захотел. Санаторий буквально из руин поднял, все восстановил. Сердце у него там лечат... Со всей России едут. Специалисты там прекрасные, а места какие — сказка! Речка чистая, прозрачная... Стоп! Сережа, свяжи меня с бригадой, занимающейся убийством в санатории... Орудие убийства пока не нашли, и я хочу спросить — а в речке они искали?

Осокин разыскал по телефону старшего лейтенанта Александра Сергеевича Карпушкина и предупредил, что передает трубку частному детективу Валентине Васильевне Орловой, которая по своей линии и с одобрения их областного управления тоже займется убийством в санатории. Александр Сергеевич нисколько не смутился, не заявил, что предпочел бы работать один и так далее, а сразу сказал, что слышал об Орловой много хорошего и очень рад, что им, хоть и недолго, но предстоит работать вместе.

— А почему вы уверены, что недолго? — поинтересовалась Валентина.

— Есть предчувствие. К тому же, мы установили, что убитый не связан с нашим регионом ни политически, ни экономически... Остаются женщины... А это уже проще. Впрочем, таковы мои первые выводы, а там, конечно, все может быть иначе. Вы приходите, вместе все и обсудим, заодно с результатами экспертизы ознакомитесь.

— Спасибо. Не везде меня так хорошо принимают. Я рада и уже, можно сказать, бегу. А по телефону только хотела спросить — вы в речке искали орудие убийства? Нож ведь, да?

— Да. Не знаю, как вам и ответить... Мы просто посмотрели... А чтобы каждый камень в воде переворачивать — этого не было... Да и толку-то

что? Ну, нашли бы. Так ведь вода давно смыла все следы...

— И все-таки...

— Я учту. И с нетерпением жду вас.

Валентина положила трубку, и они с Комовым, пожелав друг другу удачи, расстались. Валентина отправилась к Карпушкину — выполнять просьбу директора санатория, справедливо полагающего, что, пока преступление не раскрыто, престиж его лечебного учреждения страдает, а наносимый материальный урон возрастает — кто же поедет лечиться и отдыхать туда, где убивают! А если откровенно, дело было не только в этой просьбе. Она любила такие вот загадочные преступления. Кроме того, надо ведь убирать грязь, которой скопилось слишком много... А она так хорошо умеет это делать...

ГЛАВА 3

ПЬЕСА

НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ

В театре шла репетиция. Аня сидела в ложе, обитой красным бархатом, и смотрела на сцену. Она не могла находиться в партере, рядом с режиссером, хотя должность завлита обязывала ее это делать. Она была убеждена — за полтора с лишним века, которые прожил их театр, здесь работало много режиссеров, но такого дурака, как сейчас, труппа не видела. Это понимали и артисты, среди которых было немало умных и одаренных. Начать с того, что режиссер, Андрей Николаевич Вожанинов, пьесу написал сам — на заданную, как он выражался, тему. А на вопрос, кто именно ему эту тему задал, он неизменно отвечал — окружающая действительность. Жизнь, значит. Пьеса была до того бездарна, что даже не поддавалась пересказу и

бедные артисты топтались на сцене словно новички, которые впервые оказались на подмостках, да при этом еще и забыли текст. Кстати, текст был так беден и коряв, что Аня как заведующая литературной частью театра наложилась на него вето, а когда на ее решение попросту плюнули, пыталась хоть немного его переделать, но режиссер встал в позу и не разрешил менять в своем творении ни единого слова! И вот такая пытка в виде репетиций длилась уже целую неделю... Сейчас пытались сыграть сцену, где два бизнесмена-конкурента, не сумев поделить одну девушку, решили убрать друг друга с помощью киллеров.

— Это так современно! — восклицал режиссер. — Неужели вы не чувствуете? Да на это весь город пойдет!

— Городу этого на улицах и по телевизору хватает! — кричал со сцены Глеб Арбенин, исполнитель одной из главных ролей.

— А вы вообще молчите, Арбенин! Играете бог знает как! Интеллекта не чувствуется! Работы мысли! Где она у вас, где?

— Мне что, ответить? — угрожающе прошипел доведенный до состояния ненависти и абсурда Глеб. — Я не машина. Не станок. Прошу помнить.

— Я вижу, что напрасно с вами либеральничаете! В театре должна быть дисциплина, и я добьюсь ее! В том числе и дисциплина исполнительская... Логическая... Творческая... А вот в этой сцене с наемным убийцей я, например, не чувствую, где и как у вас зарождается мысль!

— Вы предлагаете мне думать за вас? — еле сдерживаясь, чтобы не плюнуть на все и не уйти со сцены, спросил Глеб.

— Нахал! Повторите нормально хотя бы последнюю фразу! Ну! Я жду!

— Да чего этой фразой звенеть-то? Она ведь пустая!

— Что-о-о? — Режиссер обвел взглядом присутствующих и сказал непростительно громко, явно нарываясь на скандал: — Зря вы мните себя... таким Смоктуновским! Вам до его потолка никогда не дотянуться!

— Но ведь и вы — не Островский. К сожалению, — парировал Глеб.

— Хватит! Репетируем дальше! Фразу!

— На тебе эту фразу-заразу! На!

И Глеб повторил вопрос с несказанно баснословной суммой. Киллер, к которому он обращался по роли, сидел немного в стороне, и казалось, что Глеб на сцене совсем один, наэлектризованный так, что дотронься до него — и посыплются искры. Но режиссер упрямо бил копытом:

— Нет! Не так! Я не вижу, где у вас зарождается мысль! Не вижу! Ясно?

— Ах, ты не видишь? — прохрипел Глеб.

Не выдержав больше, режиссер прервал репетицию на полчаса, и Аня, воспользовавшись паузой, пошла в свой кабинет, куда тут же ворвался Глеб.

— Написал заявление об уходе! — с порога прокричал он. — Не могу больше выносить эту мразь! В Москву уеду! Меня на «Мосфильм» звали — может, что-то получится... Устроюсь. И тебя туда заберу! Нечего тебе тут гнить, в этой компостной яме! Согласна, а?

— Согласна, — просто ответила Аня, и они, посмотрев друг на друга, дружно рассмеялись, снимая напряжение. Неожиданно для себя Аня вдруг начала рассказывать об умирающем человеке, которому она вчера не смогла помочь, а заодно и о ноже, который вытащила из раны и утопила. Глеб смотрел на нее во все глаза, и в них читалась какая-то страшная, нехорошая мысль...

— Анька, — наконец заговорил он, едва разлепив вмиг пересохшие губы. — Анька, а ведь ты его убила...

— Господи, да ты сумасшедший!

— Нет! Не-е-ет! Ты убила его тогда, когда выдернула нож! Этого ни за что не надо было делать! Ни при каких обстоятельствах! И человек, может, был бы жив...

— Глебушка, да ведь он уже не мог дышать... Нож ему мешал, понимаешь? А я вытащила, и ему вроде легче стало... И крови совсем не было... Не знаю, почему...

— Что ты наделала... Что ты наделала! — повторял он как заведенный.

Тут их снова позвали на репетицию. Она прошла на удивление спокойно — режиссер не задавал глупых вопросов, и Глеб благополучно договорил свой, вернее, вожаниновский текст.

Когда они вышли из театра на улицу, Аня задумчиво спросила:

— Как ты думаешь, Глеб, говорить мне следователю про нож или нет?

— Говорить надо было сразу. А теперь... Это только вызовет подозрение. Все-таки ты

вроде первая нашла этого мужика... И могут подумать, что это ты его... Ладно, не обращай внимания, птичка. А, кстати, кого там убили-то? Ну, что за человек, откуда, чем занимается? Занимался...

— Не знаю, — вздохнула Аня и добавила: — А, может, мне прямо сейчас явиться к следователю, а? Иначе не попаду на вечернюю репетицию.

Глеб одобрил ее решение, и они направились по адресу, данному старшим лейтенантом Карпушкиным.

— Воробушек, я пойду, пообедаю, а потом загляну сюда и заберу тебя. А ты будь хорошей девочкой и говори дяде правду... Ну, почти... Всего!

Аня постучала в нужный кабинет, но ей никто не ответил. Дернула за ручку — дверь оказалась заперта. Она села на скамью в коридоре и стала ждать, сжавшись в комочек и действительно напоминая воробушка — озябшего, дрожащего, наверное, не только от холода, но и от страха и неизвестности.

— Привет свидетелю!

Рядом с Аней сидел молодой мужчина с модным джинсовым костюмом и такой же кепочке, которую тут же снял. Владимир Лукич сильно отличался от того рыбака, который откликнулся на Анин зов о помощи.

— Взаимно! — ответила она.

— Э, нет, я теперь у них вроде как подозреваемый... Вы-то тогда с этой... как ее... Князевой домой отправились, а я, дурак, удочки сразу не смотал, хотя какая уж там могла быть рыбалка после такого происшествия! Так они обратно-то из санатория пришли, да в речке стали шарить, всю рыбу распугали, и давай ко мне приставать! Дескать, подозрение у них есть, что я нож в реку закинул... Циркачи! Этот Куропаткин целый час мне по ушам ездил!

— Карпушкин...

— Да какая разница! Все равно хвост у него короткий, чтоб меня прижать... А... вам что, тоже сейчас придти велено?

— Да нет, я сама, мне потом некогда будет, работа...

— Не волк...

Аня не успела сказать, что именно волк, потому что была почти уверена — без нее Глеб снова какой-нибудь фортель выкинет и останется без работы.

В глубине коридора показался Карпушкин с красивой белокурой женщиной, которая явно не была ни свидетельницей, ни потерпевшей, так как шла по-хозяйски, уверенная в себе... Они подошли к кабинету, возле которого сидели Владимир Лукич и Аня. Карпушкин представил свою спутницу — руководителя детективного агентства Валентину Васильевну Орлову.

— А вас, Анна Николаевна, я на это время не вызывал, уж извините, — сказал он.

— Это вы меня извините, Александр Сергеевич! Понимаете, мне обязательно надо быть на вечерней репетиции, иначе там может произойти ЧП. Может, вы побеседуете со мной пораньше?

— Валентина Васильевна, ну, вот что делать с таким недисциплинированным свидетелем, а? — обратился Карпушкин к пришедшей с ним женщине.

— Внять ее просьбе, — тут же ответила она. — И я готова помочь. Если вы, конечно, не против... Тем более, что мне есть о чем спросить Анну Николаевну...

— Я, конечно, не возражаю, — ответил лейтенант, открыл кабинет, и все вошли в небольшую комнату с двумя письменными столами, стульями, небольшим диванчиком и стеллажом с книгами и папками.

— А вам — в соседнюю комнату, — улыбувшись Валентине и Ане, показал на неприкрытую дверь Карпушкин.

Валентина сразу предупредила девушку, что она — частный детектив, и та вправе отказаться от разговора с ней. Но Аня не стала отказываться. Тогда Валентина рассказала ей немного о себе и своем агентстве, о просьбе директора санатория найти убийцу, чтобы это лечебно-оздоровительное учреждение люди стороной не обходили... Затем попросила ее рассказать о себе — где родилась, училась, с кем росла, какую специальность получила, довольна ли своей жизнью и прочее. Девушка подробно рассказала о своем детстве, о том, что росла без отца, но ей вполне хватало любви матери и бабушки, что до пятнадцати лет была безмерно счастлива, потому что все у нее хорошо получалось — она отлично училась, занималась спортом, играла в шахматы и не раз была призером школы. А потом...

— А потом мы с мамой поехали в... Впрочем, какая разница, куда мы поехали! Мы пе-

реходили через дорогу... Она шла впереди, а я немного отставала, потому что ела мороженое, и оно стало таять... С тех пор я никогда не ем мороженое... Оно потом капало и на маму, которая лежала на асфальте... На дороге... Ее сбила машина... Я не могу, Валентина Васильевна! Не могу... В гробу она лежала как живая, без единой ссадины... — Аня замолчала, а потом добавила, что о том, как это произошло и кто виноват, гораздо лучше может рассказать бабушка, Римма Сергеевна Боброва, которая находится сейчас в другом городе у своей сестры, но должна скоро вернуться. Что и на суд ездила бабушка, а ее, Аню, уговорили тогда остаться дома.

— А кто вас уговорил? — осторожно спросила Валентина.

— Отец. — Увидев, что Орлова по-прежнему смотрит на нее вопросительно, Аня пояснила: — Николай Егорович Горев. Простите, все время забываю, что здесь надо называть всех поименно.

— Так вы с ним общались?

— Да, но крайне редко.

Валентина решила прекратить это путешествие в прошлое — оно уводило их все дальше и дальше от трагического происшествия возле санатория. И вдруг, неожиданно для девушки, она тихо и даже как-то сочувственно спросила:

— А... Лисицина-то вы зачем убили?

— А кто такой Лисицин? — глядя в одну точку, спросила Аня.

— Тот мужчина, из тела которого вы извлекли нож и забросили его в реку, — безжалостно продолжала Валентина. — Естественно, перед тем, как извлечь нож, надо его туда вонзить!

— Господи! Поверьте, Валентина Васильевна, в ваших словах нет ни смысла, ни логики... Я ведь не сумасшедшая, чтобы кидаться ножами в незнакомых мужчин, а потом снова подходить, вытаскивать нож и прятать его... куда вы сказали?

— В речку.

— Да ведь оттуда до речки-то — ого-го!

— Вы могли его бросить тогда, когда прибежали звать рыбаков!

— Они, по-вашему, все слепые? Рыбаки-то?

— Увлеченные люди всегда довольно слепы... А почему вы, Аня, не спрашиваете, какие у меня вообще есть основания для того, чтобы утверждать, будто нож из тела извлекли именно вы?..

— Не спрашиваю потому, что никакого ножа не видела...

— А я все же скажу. Нет, еще и покажу.

Валентина извлекла из своей сумочки лист бумаги, на котором был изображен какой-то графический рисунок, и объяснила, что это — схема происшествия, куда занесены и действия каждого свидетеля. Что такие

схемы она составляет во время каждого раследования, и они оказывают ей неоценимую помощь.

— Мыслительный процесс — вещь сложная, извилистая, — объясняла она. — То одно от тебя ускользнет, то другое... А тут... Вот, смотрите сами... Я ведь и время обозначила... Вы идете из санатория... Вот здесь... Правильно?

— Правильно, — ответила Аня, глядя на пунктир, обозначивший ее путь.

— Подходите сюда и замечаете лежащего мужчину... Так?

— Так.

— Я звонила в санаторий и специально попросила измерить ваш путь в минутах. Это было легко, поскольку буфетчица запомнила, когда вы были... Итак, я отпустила вам на ходьбу десять минут... В восемь десять вы увидели мужчину... Это подтверждает и свидетельница Мария Степановна Князева, бежавшая в санаторий на работу. Она опаздывала, боялась увольнения, и время знала точно. Согласны?

— У меня не было часов. Но — предположим. Мне, честное слово, интересно! А вообще-то, я чувствую себя такой дурой! Надо было пройти мимо, и все! И не было бы сейчас этого неприятного для меня разговора... Но он так хрипел про эту свою Мэри... Я ведь подошла чисто из любопытства...

— А к рыбакам-то вы, Анна Николаевна, спустились только в восемь двадцать четыре! Это сразу два человека засекли, потому что постоянно на часы смотрели — клев кончался!

— И что из этого следует? — совершенно спокойно спросила Аня.

— А вот что. В это же время, либо двумя-тремя минутами раньше, Лисицин умирает. И сейчас я вам сообщу самое интересное. После тщательного осмотра убитого было установле-

но, что между изъятием ножа из тела и наступлением смерти прошло именно десять-пятнадцать минут! Это — то самое время, которое вы провели рядом с Лисициным. И почему-то не кричали, не звали на помощь... А ведь рыбаки могли вас услышать... А уж Марфа Владимировна — так точно!

— Да не знала я, что эта Марфа в конторе своей ночевала! А рыбаки бы не услышали... И уж если вы так здесь все начертили, обозначили, если действительно все это правда, то, следовательно, существует еще одно действующее лицо... Потому что я и понятия не имела, нож у него или же что-то другое... Я же его не осматривала... До него не дотрагивалась...

— Может быть... Может быть... И, тем не менее, я имею формальные основания думать, что вы его убили! Я ведь больше пятнадцати лет ищу убийц и применяю для этого разные уловки... Расставляю сети, капканы... Да, да, чего уж скрывать! Как на зверя... А убийца и есть самый страшный зверь... Но иногда все обходится и без капканов... Надо только внимательно слушать подозреваемого, и каждую его фразу, каждое слово мысленно прикладывать к той же моей схеме... Получается, дорогая девочка, что вы встретились с Лисициным еще тогда, когда шли в санаторий! И тогда вонзили в него нож! Потом спокойно пошли дальше, а на обратном пути якобы впервые заметили его, умирающего... А поскольку никого вокруг не было, то решили избавиться от важной улики — ножа...

— Да как вы...

— А давайте вместе послушаем, что вы мне сказали.

Валентина отодвинулась в сторону, и девушка увидела, что на небольшом столике, который был скрыт за спиной Орловой, находится диктофон.

— Секунду... Сейчас я найду это место. Вот, послушайте, Аня... — тихо произнесла Валентина.

Из диктофона прозвучало: «Я ведь не сумасшедшая, чтобы кидаться ножами в незнакомых мужчин, а потом снова подходить, вытаскивать нож и прятать его»...

— Эти слова дали мне повод предположить, что вы убили его по пути в санаторий. Я уже сказала, что это совпадает по времени с заключением экспертов...

— Валентина Васильевна, я вам душу открыла, а вы... Зачем? Я — вполне благополучный человек. У меня есть квартира, работа любимая, дом в поселке, на природе... И человек есть любимый. И я знаю, чего мне не хватает — во мне нет огонька, я — анемична, аморфна, хотя стараюсь казаться иной... Но я такая из-за смерти мамы... Может быть, это пройдет, когда сама стану матерью... Но ваш убитый мужчина, все эти ваши подозрения совершенно не входят в мой круг... В круг моих интересов и

проблем... Поверьте мне, прошу вас! И поймите меня.

— Хорошо, Аня. Простите, если я вас обидела. Но мы обязаны проверить любое подозрение... И, пожалуйста, не уезжайте далеко. Хотя бы в течение месяца.

— Не уеду. Но в августе, возможно, у нас будут гастролы в Польше.

— Замечательно! Я думаю, что до августа мы во всем разберемся.

Валентина проводила Аню через кабинет Карпушкина, в котором было уже пусто. Девушка ушла, а она не могла ответить себе, виновна та или нет.

В окно было видно, как Аня перешла через дорогу и остановилась на автобусной остановке. Валя вспомнила, что отсюда не идет ни одного автобуса в сторону театра, зато именно здесь проходят сразу два маршрута, ведущие в поселок... Почему же она решила ехать туда? Захотелось скрыться от всех, запереться в доме одной и подумать обо всем, что случилось? Странно, странно... Что ж, время покажет...

ГЛАВА 4

АХ, КАКИЕ ЖЕНЩИНЫ!

Владимир Лукич Братков, свидетель-рыбак, а по совместительству и редакционный художник, был не так глух и нем, как это могло показаться на первый взгляд. Во-первых, оказалось, что он не один раз видел убитого во время прогулок последнего по берегу речки. Более того, несколько дней назад Лисичин, спустившись к воде, даже попросил у Владимира Лукича удочку, сказав, что с детства не рыбачил, а так хочется вспомнить это прекрасное занятие. Владимир Лукич удочку ему дал и помог насадить червяка. И вообще приободрил отдыхающего, пожаловавшего

гося ему, что вот, мол, прихватило сердце, и вынужден лечиться теперь в санатории вместе со старичками. Что не хотел сюда ехать — далеко от дома, но лечащий врач настоятельно рекомендовал именно этот санаторий. А еще внимательный и ушлый рыбак Владимир Лукич, отрываясь время от времени от удочек и оглядывая местность, наблюдал за сердечником Лисициным, когда тот занимался своими сердечными уже не в материально-физическом, а в духовном плане делами, то есть, когда он, например, встречался с женщинами. Разумеется, это могли быть обычные прогулки с подобными больными — надо же скоротать время до обеда или до ужина! Да только что-то тут было немного не так. С одной дамой он пережил довольно бурное объяснение и на таких повышенных тонах, которые явно мешали лову рыбы, с другой недвусмысленно обнимался, а затем скрылся в лесу, исчез из поля видимости рыбака. А поскольку Владимир Лукич, хоть и работал в газете, но был настоящим художником, он не мог упустить интересные виды и сюжеты и в несколько его графических работ попал образ Лисицина. Эти рисунки он и принес с собой к следователю. Их и показал Вале вернувшийся из лаборатории Карпушкин.

— Александр Сергеевич, силуэт вот этой женщины вам никого не напоминает, а? — спросила она, указав на один из рисунков.

Карпушкин взглянул на графическую работу с изображением лесной избушки, женщины и мужчины, идущих навстречу друг другу, облаков, плывущих над верхушками деревьев...

— Напоминает. Я потому вам это и показал. И рост, и фигура этой, как ее...

— Мавры!

— Ну, конечно!

— Ничего себе, рыбачок! И как он это все углядел! — подивилась Валентина. — Прямо разведчик!

— Да это он на островке рыбачил. На берегу-то Владимир Лукич, оказывается, редко сидит, только когда у него мало времени. А так — на островке... Оттуда и санаторий — как на ладони, да и вообще многое...

— А вот, кажется, и еще одна наша свидетельница — несостоявшаяся уборщица, — заметила Валентина, указывая на другой рисунок, где, прислонившись к дереву, стояла маленькая женщина, а за ней сверху, с дорожки наблюдал все тот же Лисицин...

Александр Сергеевич внимательно посмотрел на рисунок:

— Ну, тут, положим, погибший случайно мог наблюдать за Князевой. Связь между ними пока не просматривается...

— А вот вы и не правы! — горячо заговорила Валентина. — Посмотрите на дерево, возле которого он стоит... Что это на ветках, прямо возле его носа?

— Платок...

— Платок. Она его оставила и спустилась к реке. А в лодке-то этот наш убитый с кем катается? — спросила она, указывая на следующий рисунок.

— С медсестрой. Маргарита Пыжикова ее зовут.

— Ясно. Про которую Князева говорила, мол, у них с Лисициным был роман. — Валентина просмотрела все рисунки, а их было немало, и воскликнула:

— Ну и ну! Несмотря на сердечную недостаточность, сердце его, ну, и кое-что еще работало неустанно! Если судить по рисункам. Я только не пойму, чего этот Владимир Лукич прилип к данному месту? Ему что, больше рыбачить негде?

— Ну, это уж дело вкуса, Валентина Васильевна! Я бы тоже с удовольствием там порыбачил. Тишина. Покой. Сосны чуть ли не корабельные... Да и клев хороший, я спрашивал. Он там не первый год рыбачит.

— А у него у самого не было оснований убить этого... Лисицина? Ну, может, из-за какой-то женщины...

— Не думаю. У Браткова — нормальная семья. Жена корректором работает в той же газете. Да вы ведь часто там бываете и ее, думаю, знаете. У нее еще имя такое необычное — Мирея... Я ее на всякий случай тоже вызвал... Не зря ведь убитый кровавую Мэри вспоминал... А она созвучна с этой... Миреей...

— Так же, как и с Марией — это у нас бедная уволенная Князева, и с Маврой Смирновой — государственной дамой при городской администрации, ну, и с Маргаритой этой, медичкой... Прошу вас, Александр Сергеевич, расскажите о них. Какое они произвели на вас впечатление? Показания-то их я прочла, но они очень скудные...

— Да врут все, — вдруг широко улыбнулся Карпушкин. — Женщины вообще много... сочиняют, фантазируют — больше, чем мужчины. Даже когда это и не нужно совсем... И эти — врут напропалую! Я их на завтра снова вызвал. Мы по графическим рисункам с вами целую книжку сделаем и поставим их ее прочитать. Взять хоть эту Князеву Марию Степановну. Утверждает, что всего несколько раз видела убитого, да и то издали. Что уволили ее не из-за нарушений дисциплины, а якобы из-за безработной сестры медички, которую этой Маргарите надо было пристроить. А это — брехня! Сестра у Пыжиковой гостила всего два дня и уехала в город, где работает в трикотажной мастерской, вяжет кофточки, и работу свою менять не собирается. Пыжикова просто добивалась увольнения Князевой, чтобы избавиться от возможной соперницы. Утверждает, что Князева как-то даже пригласила Лисицина к себе домой. Сама же Князева говорит...

Валентина слушала и живо представляла себе всех этих женщин в обстоятельствах, при которых они стали мешать друг другу. Оказывается, Мавра Владимировна Смирнова хоть и отрицала свое личное знакомство с убитым, но все, кто ее знал, утверждали, что она имела на него виды. Во всяком случае, раньше в поселке представители мэрии очень редко вели приемы — самое большее, раз в месяц, а с появлением импозантного пациента-отдыхающего они стали вестись три раза в неделю. Никто из представителей мэрии не заботился о том, чтобы вовремя начать прием, иногда приезжали лишь на двенадцатичасовом автобусе. А тут Мавра приехала заранее, вечером, и ночевала в поселке, чтобы, видите ли, ровно в девять начать людей принимать! Ну, прямо не чиновник, а золотой запас страны! И совершенно не исключено, что убитый ночевал с ней в помещении этой мэрии — медсестра в ту ночь не посещала Лисицина, так как плохо себя чувствовала, рано легла спать и из своей комнаты ночью никуда не выходила.

Кстати, Маргарита, оказывается, ничего не знала про Мавру-соперницу. Наверное, потому, что свет ей затмила Князева. А, может, даже и не сама Мария Степановна. У медсестры было ощущение, что она пригласила Лисицина домой для того, чтобы с кем-то его познакомить. Лисицин якобы это отрицал, но однажды в минуты откровенности, когда Маргарита попрекнула его Князевой, он засмеялся и сказал, что уважает пожилых женщин, но любить предпочитает молодых. А Князевой — сорок один год. Мавра, кстати, ненамного моложе.

Возможно, в этот хоровод женщин, обративших особое внимание на Лисицина, войдет и жена художника, как знать... Вот Анна Николаевна Горева никак сюда не вписывается, у нее свой, театральный бомонд...

Для того чтобы составить все необходимые схемы преступных действий, сесть за свои многозначные листы бумаги и думать, Валентине явно не

хватало сведений о самом убийстве. Карпушкин восполнил этот пробел. Кирилл Павлович Лисицин родился и жил в Ростове. Армейскую службу проходил на территории Казахстана. Там же окончил летную школу. Служил в военной авиации, однако в связи с ухудшением здоровья стал вполне гражданским человеком. Увлёкся автогонками, мотогонками, участвовал в мотопробегах по дорогам... Далее перечислялись города и веси не только России, но и ближнего зарубежья. Семьи он не имел. Несколько лет назад переехал в Москву.

— А как выглядит этот Кирилл Павлович? Симпатичный? Высокий? Коренастый или...

— Нечто среднее... Ближе к вашему или... Лицом напоминает какого-то киногероя, имя его забыл... Сейчас покажу вам паспорт Лисицина, он недавно его менял, так что фотография свежая...

Валентина внимательно всмотрелась в лицо мужчины, которого уже не было в живых... И поразились... Если бы ей не были известны все данные об этом человеке, она была бы уверена, что держит в руках фотографию своего первого мужа...

Аня, между тем, действительно не пошла в театр, а отправилась в посёлок. Решила, что хватит с нее нервов, надо хоть немного побереечь себя. Она знала, что стоит ей открыть калитку, ступить во двор, утоптаный не одним поколением ее предков, как весь груз сегодняшнего дня исчезнет, растворится в этом пространстве, пропитанном любовью отчего дома. Ей оставалось пройти только мимо дома Князевой, да пустующего участка. И тут она заметила Марию Степановну, бегущую от своего сарая к дому. Она очень спешила, но сделать вид, что не замечает Аню, не могла — девушка была уже совсем близко. Поздоровавшись, Аня сразу спросила, была ли Князева в полиции. Оказалось, да, была.

— Этот ихний Пушкин прямо душу из меня готов был вытряхнуть, — призналась она. — Думал, что к стенке меня прижал...

— Интересно, как?

— Да узнал, что я с убитым общалась... Но я же там работала! И где у них только мозги, не понимаю! Я со всеми разговаривала, никого не сторонилась. Да многие мужчины сами со мной заговаривали, чего скрывать... У меня хоть и дочь уже взрослая, но когда мы с ней вместе, все думают — сестры...

— А... ваша дочь замужем? — вдруг спросила Аня, хотя ей было совершенно все равно, есть муж у младшей Князевой или нет.

— И ты! И ты, блин, об этом! Бляха муха! Этот Александр Сергеевич тоже все на дочь мою поворачивал! До сих пор не пойму, чего у него там в мозгах зрело и кипело! Ну, не замужем она, так и что? Все напрягался — хотела я ее познакомить с убитым или не хотела. А если и хотела, так что? Прицепился, как клещ... лесной!

От дома Князевой видна была дорога, по которой только что проехала машина-иномарка с тонированными стеклами. Аня и Мария Степановна проследили за ней взглядом — иномарка не влетела на мост, а стала тихонько спускаться к реке...

— Странно... Рыбачить, что ли, приехали? — удивилась Аня, потому что знала — река с этой стороны мелкая, рыбалка тут плохая, не то что там, где наслаждался тишиной, покоем и хорошим клевом художник Братков...

— Наверное, рыбачить. А чего еще тут делать? Новенькие, верно, не знают еще, где тут лучше-то, — предположила Мария Степановна и быстро распрощалась с Аней, пожелав ей всего доброго.

Ане показалось, что Князева заторопилась...

Но не успела она дойти до своего дома, как ее догнала Мавра Владимировна, тоже только что приехавшая из города на попутном транспорте.

— Вы уж извините, Анечка, но хочу поинтересоваться, какие вопросы задавал вам этот... Пушкин.

— Карпушкин? — спросила Аня, стоя уже у самой калитки.

— Ну да, да!

— Да уж и не помню... Просто я все ему рассказала... Как обнаружила убитого... То есть — еще живого... И что он говорил... И как позвала на помощь... Жаль, не знала, что вы ночевали в этой мэрии, а то бы к вам постучала... Вместе, может, мы бы как-то помогли ему... Сумели бы...

— Да... Может быть... Но я хотела спросить у вас об одной вещи... Очень существенной... Вы... Одним словом, вы не слышали там... голоса?

Чувствовалось, что Мавра Владимировна с волнением ждет ответа. При этом дыхание ее стало судорожным, прерывистым, а глаза неесте-

ственно сверкали, отливая перламутром, и Аня была уверена, что это верный признак сумасшествия.

— Нет, я не слышала никаких голосов, уверяю вас, — спокойно ответила она и, заметив, что Мавра Владимировна держится за голову, добавила: — Хотите, я дам вам что-нибудь от головной боли... От давления... У бабушки в аптечке много разных лекарств...

Но Смирнова, казалось, вовсе не слушала, что говорит ей девушка, а продолжала свое:

— Понимаете, сначала мне казалось, что я сплю... И вижу сон... Пальмы юга... Плещутся волны морские... Но потом я поняла, что это не сон, а какой-то спор... Я слышала разговор... Говорили мужчина с женщиной... А потом, кажется, мужчина и женщина... Они... Мне показалось, что они тоже о чем-то спорили... Я не берусь утверждать, но... Они говорили на повышенных тонах, вы понимаете?

— Это очень интересно, — призналась Аня. — И о чем же они говорили?

— Не знаю... Расстояние все-таки приличное, и слов было не разобрать... Но они явно ссорились... А потом его убили... И вот я посчитала, что по времени... Ну, если судить по вашему рассказу, то вы должны были все это слышать... А вы говорите, что ничего не слышали... Как же это может быть?

Ане было жаль эту женщину, и она предположила, что, возможно, подошла к месту происшествия тогда, когда этот спор уже закончился.

— Да? Но ведь если судить по времени... Я считала... Значит, я ошиблась...

— Значит, вы ошиблись, — как можно спокойнее повторила девушка, намереваясь нырнуть в спасительную калитку.

— Но ведь я практически никогда не ошибаюсь... Никогда...

— Хотите, я вас провожу, — предложила Аня. — Только вы скажите, куда... К автобусу?

— Нет, нет! Или... Да, к автобусу! Мне надо к автобусу! Я должна рассказать об этом в полиции!

— А разве вы еще не рассказали? — спросила Аня.

— Нет, я... Мое внимание было сконцентрировано на ином... И я как-то упустила... Да, да, к автобусу! Извините, но меня не надо провожать! Я сама!

Смирнова, развернувшись, побежала вдоль дороги к асфальтированной трассе, по которой проходил рейсовый автобус. Аня посмотрела на часы и поняла — Мавре сегодня явно не успеть к Карпушкину, хоть тот, чувствуется, и сидит у себя допоздна. Но ведь не до ночи же! Впрочем, ее не касаются все эти таинственные голоса, бабские ахи и охи, ей бы в себе как-нибудь разобраться! И она шагнула, наконец, в свою калитку. Но хлопнуть ее за собой не успела — в нее вцепилась невесть откуда подскочившая медичка Пыжикова.

— Нашли убийцу-то? — прокричала она.

Аня вздрогнула — мысленно она уже стала настраиваться на отдых, покой, а тут визгливый женский голос опять говорит ей про убийство...

— Не знаю. Оставьте меня в покое, — попросила она. — Никак до дома дойти не могу...

— В покое! Покой знаете, где будет? Знаете... Так не нашли убийцу? А?

— Не знаю, говорю же вам. Мне об этом не доложили. Разрешите идти?

— Да я вас не держу! А просто обидно — убили человека, и никто ничего не знает! Никто! Вас-то второй раз вызывали, вот я и подумала — что-то уже известно... — Пыжикова повернулась и ушла так же неожиданно, как и появилась.

Аня вошла, наконец, в дом, заперла за собой дверь и села на диван, чтобы успокоиться и собраться с силами. Диван располагался напротив старинного буфета с рифлеными стеклами, за которыми угадывались чашки, стаканы, рюмки и стопки. Блюда и тарелки стояли этажом ниже, вилки, ложки и ножи хранились в специальном выдвижном ящичке, а кастрюли — в самом низу, и Аня особенно любила туда заглядывать. Чего стоил один медный чайник, которому было не менее полутора веков! Чайник, правда, прохудился, но ведь никто и не собирается кипятить в нем воду! Им любовались, натирая время от времени до блеска, вспоминали предков, для которых он был настоящим семейным другом. Такой же реликвией считался и самовар, хранившийся на чердаке. Справа от буфета все пространство на стене было заполнено фотографиями в рамках. Аня обвела их глазами. Вверху располагались прадедушки и прабабушки, затем — дедушки, ба-

бушки и им сопутствующая родня, а в самом центре сияла фотография ее мамы. Мама всегда смотрела на нее — с безграничной любовью. Ане иногда даже казалось — с безжалостной любовью. Во всяком случае, так ей хотелось сказать, применить именно это словосочетание. Ее любовь не отпускала дочь даже после смерти... Было в ее взгляде и сочувствие — наверное, каждая мать так смотрит на свое дитя... А, может, она чувствовала, что они вот-вот расстанутся навсегда — фотография была сделана незадолго до ее гибели...

Аня встала с дивана и подошла к окну. За окном пламенел закат... Был он, правда, несколько странным — самыми яркими казались нежные темно-серые облака, лежащие словно бы на догорающих углях... Над облаками же было почти голубое небо, чуть тронутое серебром... Аня решила посмотреть на это чудо с чердака, откуда было видно и речку, и забралась наверх. Вода отсюда казалась золотой — в ней отражались огни фонарей, установленных на мосту. Вдали тоже виднелись огни — ближайшей деревни. Пока их было мало, вечер только начинался. Вдруг золотую водную гладь потревожила целая россыпь бликов — это проплыла лодка... Откуда-то с берега на дорогу вскарабкалась иномарка — та, с тонированными стеклами, и помчалась в город. С крыльца своего дома сбежала Князева и направилась на автобусную остановку. Аня удивилась — куда это она? Если в город, то почему так поздно, ведь возвращаться придется ночью... А если не в город? Собственно, по дороге есть только два места, куда она, по мнению Ани, могла пойти — церковь с кладбищем и животноводческий комплекс. Но церковь уже закрыта, а в совхозе ей вроде бы и делать нечего... Впрочем, возможно, она хочет устроиться там на работу...

Но почему же едет-то в такое время? К начальству, как правило, следует обращаться с утра... Непонятно...

Аня спустилась с чердака и занялась приготовлением ужина. Вдруг по крыше застучали капли дождя, и она выскочила во двор, чтобы закрыть сарай, а, возвращаясь обратно, вновь увидела Князеву, торопливо поднимавшуюся на свое крыльцо.

Значит, не поехала она в город. Но куда же ходила? А главное — зачем? Не к месту ли происшествия и обратно? По времени — тютелька в тютельку... Странные вещи творятся в этом поселке, подумала Аня и усмехнулась — если учесть, что здесь произошло убийство, то слово «странные» довольно неточно... Здесь совершаются роковые поступки...

У Карпушкина и Валентины этот вечер тоже не был спокойным. Их совершенно потряс разговор с женой свидетеля Браткова — Миреей. Она пришла вместе с мужем, но он во время беседы находился в коридоре и не мог слышать всего, что она говорила. А говорила она, причем очень сбивчиво и взволнованно, о том, что ей дали это необычное имя в честь французской певицы Мирей Матье, что ее родители до этого обожали Эдит Пиаф, но когда девочка родилась, то французского соловья уже не было в живых. Зато появилась Матье... На все вопросы о том, знала ли Мирея убитого, она отвечала очень путано и совершенно не по существу. Казалось, что в голове у нее — полнейший беспорядок, каша. Одно стало ясно — эта Мирея иногда приезжала на рыбалку вместе с мужем.

— А не могли бы вы объяснить, почему пострадавший, умирая, шептал слова о кровавой Мэри?

— А что, он пил? — тут же спросила она.

— Да нет, с чего вы взяли? — поинтересовалась Валентина.

— Но он же говорил о кровавой Мэри!

— Ну и что? — строго произнес Карпушкин. — Вот ваше имя, к примеру, очень созвучно этой Мэри... Мирея...

— Да при чем тут мое имя? Вы, вообще-то, знаете, как выглядит эта кровавая Мэри, а? Это, уважаемый опер, коктейль! Водка и томатный сок! Понятно?

Естественно, оперативники знали, что такое коктейль «Кровавая Мэри», но все равно разговор с этой женщиной не прояснил одной существенной детали — находилась Мирея в момент убийства возле санатория или нет? То, что Братков рыбачил на берегу без жены, еще ни о чем не говорило... Она могла прятаться в лесу... И Александр Сергеевич решил непременно поговорить с ней еще раз... Валентина одобрила это намерение.

В морг они пошли вместе, на этом настояла Орлова. Дорога заняла минут двадцать, и в пути они еще раз обсудили поведение всех женщин.

Каждая вела себя несколько странно, явно что-то скрывая и о чем-то умалчивая. Ох, уж эти женщины!

— И все-таки удар Лисицину нанес мужчина. А если женщина, то высокая и недюжинной силы... Ведь это не шутка — в мужика нож всадить! Допрашивал я этих женщин и прикидывал, кто из них мог... Примеривал на каждую это убийство, теперь уж вам признаюсь... Уборщицу я сразу исключил — она ростом низенькая, ничего бы у нее не получилось... Аня эта, из театра, хлипкая больно, а там удар нужен... Хотя вы ее больше всех подозреваете, с чем я не могу согласиться. Медичка тоже не великанша... Разве что эта Марфа-посадница... По комплекции Мавра подходит. Но она все же — пожилая, сила не та...

— Эх, Александр Сергеевич, не знаете вы еще, на какие «подвиги» способны женщины...

— Не согласен, Валентина Васильевна... Наш патологоанатом — человек дотошный, кроме официального текста излагает еще и свои предположения... И он тоже уверен, что удар нанесен высоким мужчиной... Причем ударили Лисицина в то время, когда он стоял в полный рост... Когда нож входит в лежащего человека, угол его наклона несколько иной...

Что и говорить, убитый был красивым мужчиной. В морге Валентина убедилась и в том, что он действительно удивительно похож на ее мужа... В голове ее уже зрел потрясающий план... Просто сногшибательный! И она стала рассказывать о нем Карпушкину. Тот сначала слушал молча и сдержанно, а потом глаза его заблестели от восторга и предвкушения успеха! Валентина думала, что молодой оперативник обязательно скажет о сомнительной законности ее задумки, но он только глубоко-мысленно произнес:

— Все, что не запрещено, — разрешено... И это замечательно! Тем более, что труп Лисицина... увезли тогда практически сразу же... Так что наша операция не должна вызвать сильного недоверия...

— Не вызовет. Если все обставить должным образом. Психологически...

— Точно! Но... как главный-то герой? Сможет? Не откажется? Способности-то актерские у него есть?

— В избытке, — грустно заметила Валентина. — И, думаю, не откажется — как-никак, а он передо мной в долгу. За это я как раз не волнуюсь. Переживала только, как вы к этому относитесь...

— А я всегда — за творческий подход, — рассмеялся Карпушкин. — Спектаклей, правда, мне еще не приходилось устраивать, но кое-что попроще, ну, маленькие сценки у меня случались... Хоть и не верю я, что убила женщина, но как не использовать то, что вы предлагаете! Никогда не знаешь, какое слово или поступок прояснит ситуацию...

Было решено, что Валентина сегодня же начнет подготовку задуманного.

Они уже выходили из морга на улицу, но их вернул телефонный звонок. Дежурный по управлению сообщил Карпушкину, что его разыскивает кто-то из криминалистов, чтобы сообщить неожиданную новость. Александр Сергеевич тут же набрал нужный номер. Он слушал сообщение минуты две, и лицо его при этом ничего не выражало. Александр Сергеевич задал собеседнику всего один вопрос:

— Почему так поздно? — И, выслушав ответ и поблагодарив за сообщение, положил трубку.

— Лисицина отравили... — повернулся он к Валентине. — Передозировка средства от сердечно-сосудистых заболеваний... Поэтому наши не сразу и определили... А потом уж его — ножом...

— Но ведь это значит, что...

— Да, Валентина Васильевна! Это, по всей видимости, значит, что могла действовать женщина...

— Да... Женщина предложила ему что-нибудь выпить, он глотнул, и — кранты! А уже потом она нож и всадила! Но это какую же злобу на него надо было иметь, чтобы так поступить! Многолетнюю, я бы сказала... Думаю, надо искать ту, которой он причинил зло не вчера или месяц назад, а гораздо раньше... Давно... А для этого следует хорошенько изучить его жизнь... А не съездить ли нам с вами, Александр Сергеевич, в командировки? Побываем в разных местах — в соответствии с местами его жительства...

— А наш план?

— Думаю, поездки не займут у нас слишком много времени. Надеюсь, наши дамы за это время никуда не разбегутся...

Карпушкин помолчал, а потом предположил, что последние слова убитого, возможно, надо воспринимать в переносном смысле — он имел в виду коктейль, который ему предложила одна из женщин.

— Что, прямо в лесу? — усомнилась Валентина.

— Нелепо, конечно... Но почему бы и не представить такую картину — знакомая дама каждый день встречается его в одном и том же месте, они вспоминают, скажем, солнечный юг, где в ресторане пили этот коктейль, где любили друг друга, и женщина клянется, что приготовит ему точно такой же, чтобы вспомнить прошлое, приходит с этим напитком в условленное место... И он его выпивает...

Они подошли к управлению. Было уже поздно, но Валентина решила вместе с Карпушкиным посмотреть результаты экспертизы. Войдя в здание, они столкнулись с Миреей Братковой, оказывается, она ждала их все это время. Мирея тут же бросилась к Карпушкину:

— Извините, Александр Сергеевич! Но я не сказала вам об одной вещи... Не хочу, чтобы вы узнали это потом от кого-то другого... Хотя вы и не узнаете... Просто мне будет спокойнее, если я скажу... Я ведь не убивала...

Втроем они прошли в кабинет Карпушкина, и, едва сев на предложенный стул, она тихо заговорила:

— Мы с мужем всегда вместе проводили отпуск... Часто ездили на юг... Но однажды уже и билеты купили, и договорились насчет жилья в Южноморске... Ну, путевки-то редко давали... Так вот, на чемоданах уж сидели, когда ему позвонили и попросили задержаться... Потому что второй художник, Саша Чернов, он тоже полосы верстал, заболел. Муж, конечно, откликнулся, что же делать... Мы решили, что я все-таки поеду и с недельку по-

живу в Южноморске одна, а потом, как только Саша выздоровеет, Володя ко мне подъедет... Так оно и получилось. Только... там на пляже я познакомилась с Кириллом Павловичем... Ну, с убитым... Не знаю, что со мной произошло... Я никогда не изменяла мужу... А тут... Не осуждайте меня, потому что ничего не было... Но я тянулась к нему... И это было ужасно... А у него тогда произошла какая-то трагедия... Я не сумела узнать, какая, но мне показалось, что его бросила любимая женщина... Или же с ней что-то случилось... Потом приехал Володя, и все встало на свои места. Думаю, он ничего не заметил...

— А когда вы встретились с Кириллом Павловичем возле санатория, он вас узнал? — прямо спросил Карпушкин.

— Нет. Не узнал. Мы встретились в самом санатории. Неделю назад я приехала с мужем, а у него разболелась голова. Я побежала в санаторий за андипалом — в поселке ведь нет аптеки. Обратилась к медсестре, а он сидел у нее в кабинете. Я прямо остолбенела... А он скользнул по мне взглядом и все... Но я не стала ни о чем напоминать. Наоборот, обрадовалась, что он не узнал меня... Забрала лекарство, и бежать оттуда! А потом это происшествие... Слава богу, меня в тот день вообще там не было... Я работала. А Володя отгул взял, вот рыбачить и поехал — на свою голову...

Валентину очень интересовало, что же помешало тогда Лисицину закрутить роман с этой женщиной. Она попыталась выяснить это у Мирей, предлагая ей вспомнить все подробности их встреч. Но — безуспешно.

— Понимаете, было такое впечатление, словно он не мог перешагнуть через нечто важное в своей жизни... Через то, что случилось, по моим ощущениям, незадолго до нашей встречи... И это нечто явно было для него трагедией...

Рассказ Мирей укрепил желание срочно выехать в командировку. Однако теперь разумно было ехать в столицу и в Южноморск, где Лисицин жил гораздо дольше, чем в других городах.

Карпушкин и Валентина уже выходили из управления, когда на них налетела непредсказуемая государственная дама Мавра Владимировна.

— Я... забыла! Главное! Ох, не могу отдышаться!

— Успокойтесь. Может быть, вернемся в кабинет, чтобы выслушать ваше сообщение? — предложил Карпушкин. — Но, если хотите, можем просто пройтись с вами на набережную... Думаю, и Валентина Васильевна не откажется отдохнуть на свежем воздухе...

— Да, да! На набережную! — прокричала Смирнова.

Набережная была рядом, предстояло лишь спуститься с небольшой горки и пройти через шоссе, которое шло вдоль реки. Шли молча, полагая, что откровения во время ходьбы не получится, для этого нужны спокойствие

и сосредоточенность. Сели на пустую скамейку, с которой видна была Волга, автомобильный мост и новые заволжские районы. Дух захватывало от этого простора и воли!

— Я слышала голоса! — вдруг прошептала Смирнова. — Покойник с кем-то разговаривал!

— Хм... Вы хотите сказать, что Лисицин перед смертью с кем-то встречался? — уточнил Карпушкин.

— Да, да! Встречался! Точно! И говорили они на повышенных тонах! Думаю, что ссорились!

— А почему вы об этом сразу не сказали? — спросила Валентина.

— Почему?.. Да все как-то неожиданно... Я ведь не была уверена, думала, может, это мне приснилось...

— А теперь так не думаете? — вновь уточнил Карпушкин.

— Да! Я все проанализировала! Это был не сон! Хотя, когда я сказала об этом Анне Николаевне, она только усмехнулась... Не верит...

— И о чем же они говорили? Убитый и его... собеседница?

— Если бы я знала! Мне было не слышно, далеко все-таки...

— По крайней мере, вы уверены, что это — женщина?

— Да. Это точно была женщина. И, кажется, она на него нападала... Ну, в чем-то его обвиняла... Но сначала был мужчина!

— Значит, их было трое?

— Да нет, сначала между собой разговаривали мужчины, а потом — мужчина и женщина...

— Интересно, интересно... А вам не захотелось выйти из дома и посмотреть, что там творится?

— Захотелось. Но я этого не сделала. Сочла ниже своего достоинства. Теперь жалею. Хотя... Может, тогда бы и меня в живых не было...

— Так... Значит, сначала вы подумали, что голоса вам снятся... Следовательно, под утро вы уснули... Но почему Лисицин так рано от вас ушел?

Мавра Владимировна смутилась, потом махнула рукой и призналась, что Лисицин действительно ночевал в здании администрации, но из этого не надо делать никаких далеко идущих выводов — просто ему надоела медсестра Маргарита, а прямо сказать ей об этом он не решался...

— Так вы специально приехали ночевать в эту мэрию, чтобы спасти его от медсестры? — прямо спросила Валентина.

— Нет! Нет! — горячо запротестовала Смирнова. — Это вышло случайно! Накануне я обмолвилась, что утром должна начать прием, причем, вовремя, у нас проверка комплексная, нельзя опаздывать, а с автобусами беда, и что придется мне приехать заранее, вечером, и переночевать в поселке. Ну, он и напросился... А мне что, дивана жалко? А... почему вы подумали, что он ушел рано?

— Ну, вы же сами сказали, будто решили, что голоса вам слышались во сне... Значит, утром вы спали... Успели уснуть...

Мавра Владимировна помолчала, но потом все-таки заметила, что ушел Лисицин не так уж и рано — в седьмом часу, и напоследок добавила:

— Я приехала к вам, потому что подумала, что это может вам помочь. На повышенных тонах разговор шел! Точно! И это может стать отправной точкой вашего расследования.

На набережной они и расстались. Какое-то время Валентина шла с Карпушкиным, и они успели обсудить новую информацию. Правда, она им пока мало что дала — ведь неизвестно, что за мужчина и женщина разговаривали с пострадавшим. К тому же вполне возможно, что они и не совершали никакого преступления... А повышенные тона... Марфе это могло только показаться...

ГЛАВА 5

СЕКРЕТ ОДНОГО ДОМА

Она стояла у окна и смотрела на яблони с узловатыми ветками, на кусты терновника, на высокие рябины. Надо, давно надо хорошенько убраться в саду. Окопать деревья, пустить к корням воздух. Привести в порядок грядки. Взяться, наконец, за забор — в нескольких местах он здорово покосился. Сосед-алкоголик обещал починить, но, видно, нечего на

него надеяться, следует подыскать кого-то другого. Эх, жаль, что умер ее дядя, мастер на все руки. Дядя Витя, приезжая к ней в гости, всегда видел сам, что и где надо подправить, чем помочь. Приехав как-то, дядя Витя предложил племяннице вырыть настоящий погреб и тут же принялся за дело. Исследовав грунт, сделав необходимые замеры и даже приготовив чертежи, дядя решился на сногсшибательный ход и предложил его племяннице. Рассуждения его были просты — в случае урагана, равно как и другого бедствия, например, пожара, а то и нападения грабителей-убийц, что уже тогда было не редкостью, она сможет скрыться в погребе, заперев за собой специальную дверцу. Но что дальше? А дальше надо иметь возможность выйти на свет божий через потайной подземный ход! Дело в том, что ее дом стоял на пригорке, над рекой, так что прокопать там этакий домашний тоннель в сторону речки не составляло особого труда. Весь довольно крутой спуск к воде густо зарос кустарником и крапивой. Через эти заросли к воде вела одна-единственная тропка, так что выход из подземного хода легко было закамуфлировать.

Ей очень понравилась эта идея — она сулила защищенность. Естественно, надо было хранить тайну. И она ее хранит. Соседи, разумеется, знают про то, что у нее есть погреб, она не раз вытаскивала оттуда соленья-варенья для гостей. Но никто не знает, что за одним из ящиков есть запор, отомкнув который, можно попасть в замаскированную, закрытую несколькими плакатами потайную дверь и оказаться в штреке, как любил говорить покойный уже дядя Витя, когда-то работавший на шахте.

Она много, очень много чего тут слышит... Место это возле речки тихое, уединенное...

И какая интересная информация иногда сама плывет ей в руки! Порой она узнает такие секреты, за которые иные люди заплатили бы сотни, а может, и тысячи долларов! Так что ей надо быть очень, очень осторожной...

Уже почти стемнело, когда женщина увидела машину, ехавшую в сторону реки... Она уже собиралась ложиться спать, но, вздохнув, сняла халат, надела на себя теплый спортивный костюм, полукеды, взяла фонарь и, еще раз проверив, хорошо ли заперты входные двери и окна, спустилась в погреб...

Добравшись до выхода из своего штрека, сразу же услышала разговор нескольких человек... Это были мужчины, и говорили они загадками. К тому же, из этого разговора можно было подумать, что приехавшие — музыканты либо ценители этого вида искусства...

— Хочу, чтобы меня все поняли, — заявил тенор.

— Для этого вовсе не обязательно ехать в такую глушь, — тут же откликнулся баритон.

— Ладно, давай, выступай, — пророкотал бас.

— Вы знаете все детали завтрашней операции, — сказал тенор.

— Перед которой нам надо выспаться, а не глотать речной туман, — вновь упрекнул говорившего баритон.

— В последнее время мне многое, очень многое не нравится, — продолжал свое тенор. — Я, как вы знаете, прежде всего аналитик... Я планирую и анализирую... Так вот, я проанализировал наши неудачи... То, что наш новый мальчик не смог поджечь киоски — бог с ними! Это — проблемы мальчика... Огонь нам нужен был, так сказать, для фона... Чтобы отвлечь внимание от находящегося недалеко торгового комплекса, где наши люди дружно лопухнулись... Жаль, что не получилось с ребенком — это был бы хороший отвлекающий маневр, дите искала бы вся полиция города, а мы в это время спокойно занялись бы суконной фабрикой...

Кто-то попытался возразить ему, но он приказал всем молчать и продолжал свою речь:

— У меня появилась уверенность, господа присяжные заседатели...

— Спасибо! А то я не люблю, когда вы сравниваете нас с оркестром, а меня — с альтом каким-то, — вновь подал голос баритон.

— Каким-то... Альт — это ведущий инструмент... Тонкого звучания... Итак, я требую предельного внимания! У меня появилась уверенность, что среди нас есть... информатор...

— Предатель, что ли? — спросил бас. — Сексот?

— Да. Потому мы и приехали сюда втроем... Вам я верю, как себе...

— Еще бы!

— Эта вера скреплена кровью... Мы не раз спасали друг друга... И потому я вам объявляю — по боку суконную фабрику!

— А что взамен? — спросил баритон.

— Гнездо кукушки!

Все замолкли, обдумывая ситуацию.

— Что ж... В общем-то, все ведь остается на своих местах... И начало операции должно пройти как задумано... Меняется лишь объект... Считаю, об этом нужно будет сказать лишь перед самой встречей с... объектом.

— С первым объектом, вы имеете в виду? — уточнил бас.

— Ну да! С движущейся, так сказать, целью, — ответил баритон.

— Я рад, что нашел полное взаимопонимание, — довольно проговорил тенор, принадлежавший, разумеется, самому главному бандиту. — Итак, для всех все остается по-прежнему... А корректировку по ходу дела я беру на себя...

— Но...

— Что у тебя, Голландец? Какие неясности?

Она поняла, что Голландец — это прозвище обладателя баса.

— Но, шеф... Какая разница, чья это движущаяся мишень... Чья это тачка... Мы ведь все равно берем ее с ходу... На ходу...

Воцарилось молчание, прерванное тенором:

— Ты, Голландец, не учитываешь наших провалов... Будем смотреть по обстоятельствам... По картинке... И если фон нам покажется мрачным, то поищем в другом месте... Где больше света и все радует глаз... Может, это придется сделать в самом гнезде...

— Понял! Но... Тогда мы обязаны будем заняться этим сами!

— Ты правильно понял, Голландец... Люблю обсуждать дела на свежем воздухе! Ох, как люблю! Тут уж не скажешь, что и у стен есть уши... Ну, по коням!

Женщина тоже отправилась назад. Очутившись в погребке, закрыв потайную дверь и приставив к ней ящик с морковью, она вдруг почувствовала присутствие в доме человека... Или людей... Она не акцентировала внимание на том, почему так подумала... Возможно, где-то рядом скрипнула половица... Либо что-то изменилось в окружающем пространстве — тонко чувствующий человек способен улавливать энергетику другого, ощущать ее в воздухе, даже не видя своего гостя. Она погасила фонарь, и сердце ее полетело куда-то вниз, в головокружительную пропасть — в небольшую щель между крышкой погреба и полом пробивался свет! Она вся похолодела, потом ее бросило в жар, отчего тело под синтетическим спортивным костюмом стало мокрым и липким. Господи, что делать? Чем объяснить, что она столько времени находится в закрытом погребе? Но почему она вообще должна кому-то что-то объяснять? Женщина стала успокаивать себя — никто не знает про ее секрет, и вообще — почему она думает об этом? Сейчас следует принять какие-то меры безопасности, потому что в дом, скорее всего, забрались грабители... Да, грабители, а кто же еще? Так, может быть, ринуться отсюда снова в подземный ход и — на улицу, подальше от этих зверей, которым убить — раз плюнуть? Она развернулась в темноте, не решившись зажечь фонарь, и тут же поплатилась за это, споткнувшись об ящик с морковью. Естественно, наверху это услышали... Она затаила дыхание, думая об одном — как бы не разорвалось ее содрогнувшееся и гулко бьющееся сердце... И вдруг услышала тихий шепот:

— Мама! Мама, ты где?

Дочь! Это была ее дочь, приехавшая среди ночи из города!

— Мама! Мамуля, ау!

Наконец дверца погреба открылась, осветив его небольшое пространство и распростертую на полу женщину.

— Мама! Сейчас... Я сейчас...

Дочь спустилась вниз, помогла матери подняться на ноги и влезть по лестнице в комнату.

— Ложись... Ложись, мама... Господи, да что с тобой?

— Сердце... Сердце прихватило... Полезла вот за вареньем и...

— Но... у тебя коленки в земле выпачканы...

— Да морковь там заодно хотела перебрать...

— Морковь-то у тебя в песке, а тут земля откуда-то!

— Да ведь я до этого на огороде была...

— А... А чего темно-то в доме было, а?

— Да боялась я чего-то... Сама не знаю...

Дочь нашла для матери нужные лекарства и заставила их выпить. А сердце у женщины не унималось. Было просто необходимо, чтобы дочь вызвала «скорую»! Чтобы ее отвезли в больницу! Туда, где есть телефон! Ведь фабрики не будет! Ее сменили на какое-то «гнездо кукушки»! А люди, которым следует об этом знать, пока находятся в неведении!

— Знаешь, мама, мне кажется, тебе просто нельзя здесь оставаться! Ну, никак нельзя! Сейчас вызову врача и буду настаивать, чтобы они отвезли тебя в больницу! Немедленно!

— Только доктора не на мое имя вызывай! Помнишь об этом?

— Да не забыла... Но только надо тебе свой полис восстановить. Не век же к врачам под чужим именем ходить.

— А я к ним и не хожу!

Как все-таки удачно, думала она, что ее родственница, отправляясь в очередную турпоездку, уже на аэродроме сунула ей в руку свой страховой полис как лишнюю для себя бумажку, потому что вместе с путевкой была оформлена медицинская страховка. И не грех воспользоваться этим случаем, так как ее собственный полис давно исчез неизвестно куда. Ах, какая это все ерунда, не о том она думает!

Велико было искушение женщины рассказать обо всем дочери, но она и сама не понимала, почему этого не делает. Как не отдавала себе отчета и в том, почему каждый раз, возвращаясь из подземного хода, обязательно оставляет некую метку, чтобы знать, не побывал ли тут кто-нибудь в ее отсутствие. Вот и сейчас положила там, за дверью, в самом начале штрека полоску бумаги — поперек досочки, по которой ступа-

ла. Если кто зайдет, бумажка обязательно сдвинется... А кто в первую очередь мог там побывать? Конечно же, ее девочка! Кстати, почему она явилась так поздно? На чем приехала? Ведь автобусы уже не ходят...

Тут в сенях застучали шаги, к постели больной шагнула женщина в белом халате, а за ней спешила дочь, рассказывая, в каком состоянии застала свою мать.

— Это просто чудо, доктор, что я сегодня приехала! Как чувствовала...

— А... почему ты приехала-то? — вдруг спросила мать, протягивая доктору руку для резинового жгута — ей стали измерять давление.

— Хотела с тобой пооткровенничать, — призналась дочь.

— Пожалуйста, не разговаривайте! — попросила их доктор.

Давление оказалось не намного выше нормы, зато сердце давало такие сбои, что врач приняла решение срочно везти пациентку в больницу. Сборы были недолгими. Дочь порывалась поехать с ними, но мать попросила ее переночевать в доме и хорошенько отдохнуть. Честно говоря, она просто боялась, что дочь останется возле нее в палате на всю ночь, и тогда у нее не будет возможности позвонить куда следует...

Очнулась она в палате и сразу поняла, что после нескольких сделанных ей уколов бессовестно уснула. Приподнялась на кровати — ничего, сердце вроде бы успокоилось, ни боли, ни учащенного дыхания... Тогда она попыталась сесть, и это у нее получилось. Палата хорошо освещалась с улицы, в ней было четыре койки, две из них — пустые. Напротив женщины похрапывала старушка.

Она встала, подошла к двери и приоткрыла ее. Рядом находился пост медсестры, но ее самой не было, зато на столике стоял телефонный аппарат... Неслышно ступая, она подошла к нему и набрала номер, который знала наизусть...

— Комов слушает!

— Суконной фабрики не будет... Ее переиграли на «гнездо кукушки»... Что это такое, я не знаю... Ищут в своих рядах предателя... Будет то же самое, только «гнездо кукушки»... — Она быстро положила трубку, решив, что не надо лишних слов и эмоций — не то у нее состояние, и с чувством исполненного долга вернулась в палату.

А Комов тут же вызвал к себе Осокина, который тоже не спал в эту ночь — они и еще несколько их коллег готовились предотвратить операцию грабителей.

— Сережа, узнай, откуда был звонок... Может, хоть на этот раз не из автомата... Ночь все-таки...

Осокин вернулся через несколько минут и сообщил, что звонили из первой городской больницы, а точнее — из кардиологического отделения.

— Прекрасно! При первой же возможности направим туда человека... Или сами с тобой сходим, поблагодарим женщину.

— К награде можно представить.

— Разумеется. Если там все чисто. Но вначале следует узнать всю механику... Как она добывает информацию... Не сама ли там замешана... Ладно, оставим это. Давай думать над «кукушкой». Где она у нас летает? А?

— А ведь я знаю, Владимир Иванович. В театре! Пьеса у них там шла — «Полет над гнездом кукушки»! Только я не смотрел и представления не имею, о чем там речь... Но у вас же сосед — артист народный или заслуженный...

Владимир Иванович специально не смотрел на время — речь идет о готовящемся преступлении, и тут не до этикета. Он набрал номер телефона Павла Генераторова, любимца публики, артиста, на которого, как в былые годы, еще ходит зритель. Ему ответил сонный голос.

— Павел, извините, но у нас дело, не терпящее отлагательств... Почти всем составом сидим на работе и разгадываем загадку. Что могут означать слова гнездо кукушки?

— «Психушку», — не колеблясь, ответил Павел.

— Почему вы так думаете?

— Да потому, что мы спектакль такой играли... И действие там происходит в психбольнице, которую именно так называли... Ну, и потом нашей городской «психушке» тоже приклеили такое название... Я, во всяком случае, не раз слышал — дескать, сосед буйствовал, и его упекли «в гнездо кукушки»...

— У меня другие ассоциации. Я подумал о матери, бросившей своих детей...

— Нет. «Психушка». Владимир Иванович, можно, я досмотрю сон? Уж больно хорош...

Комов еще раз извинился перед соседом, поблагодарил его и повесил трубку.

— «Психушка!»! — объявил он Осокину. — Павел уверен...

— Точно! Ведь у меня это и крутилось в голове! — признался Осокин. — Значит, они хотят умыкнуть зарплату сотрудников психбольницы... Странно вообще-то... Там ведь меньше денег, чем на фабрике...

— Может быть, туда повезут не только зарплату? — предположил Владимир Иванович.

Комов и Осокин решили, что преступники, заподозрив наличие в своих рядах предателя, сменили объект нападения и теперь верят в то, что операция пройдет у них успешно. Обманутая, по их мнению, полиция не сумеет быстро передислоцироваться с фабрики на больницу. Однако оперативники понимали, что все это может быть и хитрым ходом, рассчитанным на то, чтобы запутать следы. Поэтому Сергей Ильич предложил не снимать постов с фабрики, оставить все организованные там ловушки. Операцию облегчало то, что и фабрика, и психиатрическая клиника получали деньги в одном и том же отделении банка. А вот далее пути мешков с купюрами расходились в разные стороны, следовательно, потребуются дополнительные силы.

Комов разложил на столе принесенную Осокиным карту города, и они приступили к составлению плана. Люди, которых надлежало дополнительно задействовать в операции, были предупреждены, их сбор намечался на шесть утра. Комов хотел даже объявить внезапную тревогу, но решил, что это может спугнуть преступников, а ведь неизвестно, когда еще представится возможность заранее узнать о готовящемся преступлении. Так что ограничились телефонными звонками в нужные квартиры. Комов не исключал, что в их рядах могут быть люди с двойным, как он любил говорить, дном. Из новеньких. Поэтому звонили лишь своим, проверенным — тем, с кем отработали не один год, рисковали жизнью и с честью выходили из критических ситуаций. Конечно, можно и, наверное, нужно было связаться с управлением по борьбе с организованной преступностью, но дорога была каждая минута. К тому же, неизвестным осталось главное — где именно грабители нападут на кассира?

Комов с Осокиным еще раз изучили все данные, составили необходимые чертежи и, откровенно говоря, создали целый проект захвата преступной банды. И это всего за полночи! Точнее, даже за несколько часов! К шести утра они определили роль каждого оперативника и, убедившись, что все члены группы их хорошо поняли, дали своей операции «зеленый свет»! Естественно, она была названа «Кукушка»...

В эти часы и минуты Владимир Иванович мало думал о своей осведомительнице. О женщине, чей последний звонок поступил из больницы. Разумеется, они займутся ею после захвата грабителей. Сейчас самое важное — предотвратить преступление...

Точно так же думала и она, лежа на своей больничной койке. Разумеется, ей уже не уснуть... Главное она сделала. А дальше? Ей вдруг пришла в голову шальная мысль — встать и спокойно уйти отсюда. Сбежать. Сейчас, вероятно, уже около шести, и надо поторопиться, пока больница не проснулась... Она встала и осторожно выглянула в коридор... Пост медсестры был по-прежнему пуст... Засунула пакет с одеждой под полу халата и вышла в коридор... За ней никто не наблюдал... Осторожно и тихо спустилась вниз и пошла в ту сторону, где, по ее представлениям, должен находиться выход. Там действительно была дверь, обитая черным дерматином и запертая на огромный железный засов. Она чуть не расплакалась от обиды, но, подняв голову вверх, увидела спокойно висящий на стене ключ... Через несколько секунд она была уже около чугунной ограды, окружавшей всю территорию больницы. Расстояние между прутьями оставляло надежду, что она, маленькая, ловкая, сможет пролезть здесь без особого труда. Так оно и получилось. Вот и все! Она на свободе!

ГЛАВА 6 ОПЕРАЦИЯ «КУКУШКА»

По пути в банк инкассаторов сопровождала обычная машина, не привлекавшая внимания ни видом своим, ни цветом, однако двигатель у нее, и это знали только оперативники, был

надежным и мощным. Сергей Ильич Осокин сидел рядом с водителем и, не спуская глаз с инкассаторской машины, пытался выявить слежку бандитов за транспортом. Однако налетчики пока никак себя не обнаруживали. Разумеется, утешал себя Осокин, так и должно быть — решительных действий надо ждать на обратном пути, когда в машине будут деньги...

Не остался без сопровождения и автомобиль, который должен был привезти заработную плату на суконную фабрику — кто их знает, этих грабителей, вдруг они в последний момент опять все переиграют!

Возле банка все было как обычно, и ничто не выдавало царившего здесь напряжения от начала единоборства с преступниками. Машина, где находился Осокин с операми, так называемыми грузчиками, следовала в том же обозримом пространстве, что и безошибочно определенный и принятый под наблюдение джип с водителем и тремя пассажирами, мужчинами. Они явно выжидали, словно хищники, почуявшие добычу, но потом вдруг развернулись и уехали, оставив на тротуаре одного пассажира. Наблюдатели доложили, что машина движется к психиатрической лечебнице, и Комов со своей группой не спеша направился к «кукушке». Времени для организации захвата бандитов было у них достаточно, ведь кассир больницы еще не получил деньги в банке, и инкассаторская «Волга» мирно стояла возле этого хранилища богатства города. Но через двадцать минут, приняв двоих пассажиров — кассира и охранника, которые сели в машину не с пустыми руками, она отправилась в путь. Осокин увидел, как оставшийся член банды, которому надлежало «пасти» отправку инкассаторской машины, позвонил по мобильнику. Сработала радиозакладка, и оперативники услышали, что «кукушечка полетела в свое гнездо»...

И вдруг «наружка» сообщила, что наблюдаемые вышли из джипа и медленно пошли по улице. Что это означало? Ведь кассир уже вот-вот подъедет к больнице! А мужчины, между тем, вообще остановились и закурили. Слежку заметили? Но в это трудно поверить...

А через несколько секунд наблюдатели сообщили, что к клинике на большой скорости подкатил «ВАЗ-2106» с двумя пассажирами «на борту». Джип вновь ожил, поехал дворами, миновал заброшенный стадион и рванул в сторону все того же «гнезда кукушки»...

Обе машины, пробираясь по бездорожью, сделали крюк и проехали через садовые участки, а затем остановились возле дыры в заборе... Трое быстро покинули салон и отправились к больнице, а водители сняли со своих «тачек» госномера и, очевидно, приготовились к бегству.

Операция шла почти по плану, отклонения были столь незначительны, что Комов не сомневался — наконец-то им удастся ликвидировать банду! Вот сейчас на территории клиники их примут «санитары» — опера, укры-

вающиеся в санитарной машине, потом «мелбелльщики», которые снимают на пленку не только действия бандитов, но и вообще все, что происходит вокруг.

В мгновение ока на налетчиках появились вдруг белые халаты и шапочки. При всей напряженности момента это было очень смешное зрелище, и Комов услышал по внутренней связи сдержанное хихиканье. Бандиты явно нервничали, да и как иначе — они уже стоят в холле, все такие белые и пушистые, а машины с деньгами нет как нет... А она, по распоряжению коллеги Комова из УБОПа, опоздала на несколько минут, а когда, наконец, появилась... Потерявшие спокойствие и уверенность грабители собрались, было, взять кассира в кольцо, как вдруг один из них, угрожая газовым пистолетом, оттеснил своих поделльников и приготовился выстрелить в человека, несущего деньги... В ту же самую секунду другой бандит плеснул в лицо охранника бензином из банки, находившейся у него в целлофановом пакете. Кассир ударил по пистолету сумкой. Секунда — и в холле появилась целая группа «медиков», которая быстро нейтрализовала грабителей — всех, одного за другим. Вскоре к ним присоединили и поделльников-водителей.

Задержание было произведено почти мгновенно. Пострадал один из бандитов, попытавшийся скрыться, — его остановила пуля. Снайперы, для которых главный врач больницы выделил специальную комнату, не понадобились. Без дела осталась и группа, разместившаяся в находящемся рядом с больницей магазинчике. Однако Комов всегда избегал ненужного риска и рискованных поединков. Сейчас ему было в чем упрекать себя — и водителя инкассаторской машины, и охранника следовало заменить на опера-

тивников! Уверенность в удачном исходе таких операций должна быть стопроцентная, а тут могла выйти осечка... Правда, «Волга» накануне операции побывала в их руках, благодаря чему там появились радиомикрофоны с выводами на сканер, установленный в специальном кабинетештабе. Фиксировались не только действия грабителей, но и все нюансы поведения кассира и охранника — перед началом критических действий каким-то шестым чувством они поняли, что стоят на краю опасности, и, всячески поддерживая друг друга, решали, как спасти деньги и при этом спастись самим. Но охранник сплеховал — противник первым вытащил оружие, а замешкался он оттого, что был уверен — опасность позади, его окружают законопослушные граждане в белых халатах... Что ж, каждая недоработка — это опыт.

С места происшествия изъяли газовый пистолет, банку с остатками бензина. Еще три такие же банки находились в одной из машин преступников. Кроме того, оперативники нашли там двухсотграммовую тротилловую шашку и пиротехнический патрон. Очевидно, они предназначались для возможных преследователей. Но даже если бы кому-то из бандитов и удалось бежать, то он, скорее всего, ринулся бы к дачам — там легче укрыться. Вот почему в одном из дачных домиков Комов расположил наблюдательный пункт. Хозяину объяснили, что это необходимо в связи с участвовавшими кражами на участках. Ребятам на этом пункте тоже необходимо дать отбой. Впрочем...

— Владимир Иванович, крупной рыбы среди них нет, — доложил подошедший Осокин.

— Разумеется. Начальство руководит. Но оно должно и наблюдать за своими подчиненными... А? Как ты думаешь, Сережа? Свяжись-ка с нашим «дачником»... Может, он заметил что-нибудь подозрительное? Оттуда, с дач-то, наблюдать удобнее всего...

Комов мало надеялся на то, что в его руках сегодня окажется вся банда. Вряд ли можно рассчитывать и на откровенные показания задержанных. А так необходимо знать, кто руководит бандой, является ее мозгом, а также какое место занимает эта группировка в местной преступной иерархии...

Вернувшись в управление и поднявшись к себе в кабинет, он тут же прослушал сообщения, записанные на автоответчик. Их было несколько, но его, естественно, более всего заинтересовало одно — про руководящую трицу бандитов и этого «Летучего голландца»... Интересно, почему они его так называют? Эту задачу Комов озвучил подошедшему Сергею Осокину:

— «Летучий голландец»... Корабль-призрак, Сережа... Когда-то погибший... И его время от времени видят многие моряки...

— Угу. Те, у кого крыша поехала...

— Да... Что-то здесь не стыкуется... Может быть, один из этих троих — бывший моряк? Либо, просто-напросто, жил в Голландии?

— Угу. А потом ему вдруг страшно понравилось наше захолустье, и он сюда приехал...

— Да, ты прав... Послушай, Сергей... А не связано ли это прозвище с какими-то чертами характера бандита? Скажем, он может появляться как призрак и так же незаметно исчезать... Способности у него такие...

— А что? Вполне. Сложновато, правда, для бандита ...

— Не надо считать их глупцами и недочками. Сколько раз мы с тобой сталкивались с убийцами, грабителями, которые и в университетах учились, и изобретательством занимались, а один даже вроде и диссертацию защитил, помнишь?

— Помню... Но, думаю, уровень тут все-таки ниже...

— Ладно. Сейчас познакомимся с нашей доброй и хорошо информированной феей, расспросим ее хорошенько, и, может, наступит какое-то просветление...

— Без завтрака не поеду! — твердо заявил Осокин и пошел в соседнюю комнату заваривать чай и делать бутерброды.

Владимир Иванович, между тем, позвонил связистам — убедиться, что звонок действительно шел из городской больницы. Однако дежурный решительно заявил ему, что самый последний звонок был сделан из телефона-автомата, находящегося в центральной части города... И здесь тоже что-то не стыкуется, подумал Комов.

Параллельно с начавшимися допросами задержанных, которые вели помощники Комова, сам он вместе с Сергеем Ильичем, по-

завтракав, отправился в городскую больницу. Телефон-автомат, из которого женщина звонила несколько часов назад, находился недалеко от этого лечебного учреждения. Может быть, ей не удалось позвонить из кардиологического отделения второй раз так, чтобы ее никто не слышал, и она выбралась на улицу, добежала до первого попавшегося автомата, сказала все, что хотела, и вернулась обратно в свою палату?.. Это казалось не очень правдоподобным, да и предчувствия у Владимира Ивановича были тревожные... И все же к больнице подъезжали с определенной надеждой — как-никак, а если больной человек поступил в отделение, то о нем становится известно почти все — фамилия, имя, отчество, адрес, номер медицинского страхового полиса и так далее. Но как только они вошли в кабинет заведующего отделением, эта надежда почти погасла, остались лишь тлеющие угольки. Заведующий сразу же заявил им, что ночью у них произошло «ЧП», женщина, привезенная каретой «Скорой помощи» с острой сердечной недостаточностью, исчезла... Исчезла и ее история болезни... Молодой заведующий был в панике — ничего подобного у него еще никогда не случалось. Главное, пациентке не на что было жаловаться — ей сразу оказали необходимую помощь... И он справедливо, с точки зрения здравого смысла, заподозрил, что ее могли похитить. И сообщил о происшествии в полицию...

Комов связался с дежурным по управлению, и ему сообщили, когда и кем принят вызов, и что делается по этому факту. Он не стал отменять действий своих коллег — пусть подробно разберутся в происшедшем, может, и обнаружат что-то полезное для них. А пока попросил заведующего кардиологическим отделением связать его с теми, кто дежурил ночью. Это оказалось несложно — медсестра отработала сутки, но жила рядом, и за ней тотчас послали гонца. А лечащий врач, принявший ночью пациентку, вообще не уходил с работы, огорошенный ее исчезновением. Разумеется, прежде всего расспросили старушку, с которой исчезнувшая оказалась в одной палате. Бабушка не слышала, как привезли женщину — спала. Зато под утро наблюдала интересную картину — ее соседка, встав с постели, не сразу вышла в коридор, а довольно долго смотрела в приоткрытую дверь. Выходила осторожно, как лиса, забрав пакет со своими вещами. Комов заметил, что вещам положено находиться не в палате, а в специальном помещении-хранилище, на что заведующий отделением угрюмо ответил, что на это нет ни лишней комнаты, ни средств, чтобы оплачивать труд еще одного работника.

Врач с медсестрой, принимавшие ночью больную, описали все, что помнили — в каком она была состоянии, в чем особенно нуждалась, а также какие лекарственные средства были ей введены.

— Удивляюсь — лекарство содержало снотворное... Приняв его, больные спят даже и по десять часов, — сказала врач.

— Мы думали, что она проснется лишь к обеду, не раньше, — добавила сестра.

— А она проснулась часа через три-четыре... И что это значит? — поинтересовался Комов.

— Повышенная нервная возбудимость... Либо страх... Возможно, она чего-то боялась, — предположила врач, и заведующий подтвердил ее выводы.

— Расскажите, пожалуйста, о вашем разговоре с этой женщиной... О самом первом... Ну, когда ее на «скорой» привезли, — попросил Комов.

— Это трудно назвать разговором, — ответил врач. — Я, конечно, спросил, что ее беспокоит, какие есть жалобы, но было ясно, что ей, прежде всего, следует оказать первую помощь...

— Да... И все-таки, как вы ее спросили? Как вы вообще обращаетесь к пациентам?

— Я... Ну, понимаете, вообще-то нам предписано обращаться к больному по имени-отчеству, но... Я всегда называю их просто по имени и уверен, что это помогает взаимопониманию... Укрепляет доверительные отношения...

— И... как же вы к ней обратились?

— Да так и обратился... Имя у нее редкое — Генриетта! Расскажите, говорю, милая Генриетта, что же с вами случилось-приключилось?

— Историю болезни вы заполняли?

— Разумеется!

— И как вы ее там записали? Генриетта Ивановна?

— Ну, почему же Ивановна? Нет, она... Степановна, кажется... Ведь Степановна? — спросил врач у медсестры.

— Точно! — браво ответила та. — Степановна! А вот фамилию ее я не прочитала, потому и не знаю...

— И я как-то не припомню, — посетовал врач. — Простая фамилия-то. Птичья. Скворцова, кажется...

— А живет она где, не знаете? — вновь спросил Комов.

— Ой, далеко где-то, — ответил врач. — За городом. Это точно. И название населенного пункта из двух слов состоит... Что-то там косое или кривое...

— Может быть, Косой ручей? Есть у нас такой поселок, — напомнил Комов.

— Точно! Он! — воскликнула медсестра. — Косой ручей! Врач «скорой» говорила, что они из этого «ручья» приехали...

— Господи, ну, конечно, Косой ручей! Я еще подумал — ведь там как раз санаторий хороший, сердечно-сосудистые заболевания лечат, вот бы ей туда... Можно ведь только лечиться, а все остальное — дома...

Осокин, уехавший на станцию «Скорой помощи», позвонил оттуда и сообщил, что вчера поздно вечером был принят вызов из поселка Косой ручей, они выехали по нему немедленно и госпитализировали Сорокину Генриетту Степановну. Звонок поступил от ее дочери. Сергей Ильич добавил, что эти сведения получил ценой непростых усилий, так как ночные вызовы, как правило, записываются в спешке, фамилии не разобрать, а точный адрес и вовсе отсутствовал. Но если фамилию все же удалось восстановить по памяти, то номер дома — нет, так как его вообще не записали.

Итак, Сорокина Генриетта Степановна... Ни Комову, ни Осокину нечего было и рыться в своей памяти — они никогда не встречались с этой женщиной. Владимир Иванович подумал, что хорошо бы спросить о ней у Валентины. Но оказалось, что они с Карпушкиным отправились или же вот-вот отправятся в командировки, и это связано с убийством, случившимся в санатории... Собственно, Валентина немного рассказывала о нем, но он, занятый тогда своими мыслями, не уловил сути дела. А теперь узнал, что убит некий Лисицин, лечившийся в санатории... Комов уточнил, о каком именно санатории идет речь, и ему ответили — о том, что в Косом ручье... Бог мой! Он тут же связался с городскими коллегами и получил всю необходимую информацию — правда, довольно скудную. Подробно-сти ему посоветовали узнать у Александра Сергеевича Карпушкина. Но, увы, тот уже отбыл в командировку, только что выехал в столицу. Однако Комов узнал главное для себя — Генриетта Степановна Сорокина не проходит по делу об убийстве Лисicina. Она не значится среди свидетелей, а тем более — подозреваемых. На всякий случай Комов затребовал материалы происшествия. Он считал, что они явятся прекрасным поводом для

посещения этой Сорокиной. Ни у кого в поселке не должен вызвать подозрений приезд в ее дом полиции. И только тогда, когда с этой Генриеттой Степановной установятся доверительные отношения, когда она поймет, что пришли к ней с добром, можно будет признаться, что они знают о ее тайне, и попробовать самим догадаться, как к этой женщине попадают сведения преступной группировки... Тут Комова несколько смущало, что у Генриетты Степановны есть дочь... Что, если именно она входит в банду грабителей? И иногда, время от времени, рассказывает матери об их планах — может, просто чтобы выговориться, а, возможно, и под воздействием алкоголя... А то и специально, чтобы мать сообщила куда надо — это если дочь мечтает оттуда вырваться, но у нее не получается... Словом, надо ехать, а там все должно встать на свои места...

А женщина, о которой думал Комов, в это время подходила к своему дому как воровка, согнувшись в три погибели. Она открыла дверь, быстро осмотрела комнату и кухню, убедилась, что дочь оставила все в полном порядке, поставила на плиту чайник, стала готовить себе завтрак и вдруг поняла, что просто тянет время... Тянет, потому что боится... Боится, потому что подозревает... Одним словом, ей срочно надо спуститься в погреб, проникнуть в свой ход и посмотреть на свою метку — на тот бумажный прямоугольник, который она спрятала в определенном месте. Не переодеваясь, скинув лишь куртку, она взяла фонарик и полезла в погреб... Один ящик — в сторону, другой, и путь в подземный ход свободен! Она прошла несколько шагов и посветила на стену, где укрепила свою метку... Стена была пуста... Прошла еще несколько шагов и уви-

дела под ногами комочек бумаги... Подняв его и расправив, она узнала свою метку... Ошибки быть не могло — это ее метка. Ошибки быть не могло и в другом — никто, кроме дочери, не мог сюда проникнуть... Конечно, бумажка могла открепиться сама, но тогда она лежала бы, не смятая в комок, рядом с тем местом, где была прикреплена...

Итак, дочь знает о ее тайне... Знает и молчит... Но, может быть, она узнала обо всем только что и еще не имела возможности поговорить об этом с матерью?..

Чайник давно вскипел, а она сидела за столом рядом с открытой крышкой погребка и смотрела вниз, не ведая, что ее ждет... И шептала одно и то же:

— Господи, прости ее, грешную, молодую и неразумную... Прости и спаси...

ГЛАВА 7

ВСТРЕЧА С ПРИЗРАКОМ

Утром Аня решила пройтись по парку, и в глаза ей бросилась старинная каменная беседка, возвышающаяся над рекой... Многие местные жители утверждали, что именно отсюда героиня пьесы Островского «Гроза» Катерина бросилась в Волгу... Разумеется, этого быть не могло — беседка находилась на довольно значительном расстоянии от воды и даже самые лучшие мастера по прыжкам в длину и в воду не сумели бы этого сделать.

Беседка сияла чистотой и белизной — недавно здесь поработали маляры. Аня подошла к самому ее краю, встала рядом с колонной, облокотилась на одну из тумб и стала смотреть вниз. Картина была впечатляющей: по набережной чинно прогуливались дамы с собачками, на пляже было многолюдно — на больших валунах, сохранившихся здесь с незапамятных времен, сидели люди и просто смотрели на воду, по самому краешку пляжа прогуливались несколько девушек, а вдалеке, как грибочки, торчали мальчишки с удочками. Идиллия величественного покоя была бы полной, если бы не цыганка, которая суетливо двигалась от одного человека к другому — очевидно, предлагала погадать. Аня невольно стала за ней наблюдать... Вот цыганка подошла к мужчине, сидящему на камне, но он быстро от нее отделался. Вот она что-то сказала одной девушке, другой... И остановилась. Видимо, одна из них согласилась выслушать гадалку. При этом девушка повернулась лицом к беседке, и Аня узнала в ней театральную костюмершу, совсем недавно приехавшую в их город вслед за мужем-артистом. У нее была масса жизненных проблем и нему-

дрено, что цыганка смогла так быстро завлечь ее. Разговаривали они долго, очень долго, и Ане стало любопытно — о чем? Потом она увидела, как костюмерша открывает сумочку, вынимает оттуда деньги и протягивает их цыганке, а та продолжает ей что-то говорить... Аня решила избавить свою сослуживицу от мошенницы и закричала:

— Роза! Иди сюда, в беседку! Я тебя жду!

Роза ее увидела, замахала руками — дескать, подожди, тут дела поважнее.

— Роза! На работу опаздываем! Давай скорее! Поднимайся ко мне!

Роза оторвалась от цыганки и бросилась к беседке. Через несколько минут она стояла уже рядом с Аней и, едва отдышавшись от крутого подъема по лестнице, говорила прямо-таки удивительные вещи!

— Не верила! Честное слово, никогда я этим гадалкам не верила! А тут, Ань, тут... Да она такое мне сказала!

— Перестань! Знаю я, как они гадают... Скажут — у тебя, мол, в жизни была потеря... А мы уже думаем — надо же, какая провидица! Нет бы, сообразить — да у кого в жизни не было потерь? А? У всех были! Вот и ты попалась! Много отдала-то?

— Пятьсот...

— Чего? Пятьсот рублей?

— Ну, не копеек же... Да ладно, мой зарабатывает, он сейчас ведь не только на сцене — частным извозом занимается, так что не бедствуем... Тем более, что гадалка-то удивительная... Ни про какие потери она мне не говорила. Все конкретно!

— Что, например? — не сдавалась Аня.

— Сходу сказала, как меня зовут. И мужа. И что мы сюда недавно приехали. И от-

куда, указала. Вообще все про нас выложила, как будто сто лет нас знает. Ну, и про самое главное сказала...

Аня знала, про что — у Розы и ее мужа нет детей.

— Ну, и что гадалка сказала — про главное-то? — тихо спросила она.

— Нет, говорит, у вас малыша, а вы его очень хотите... Я отвечаю — да, хотим, молим Бога, и все такое прочее... А тут вдруг ты закричала... Сбила ее настрой, что ли... Она сразу как-то замкнулась... Но вроде обнадежила... Сказала, что надо уметь ждать. Ой, Ань, да вон она, цыганка-то, сюда идет!

По крутой лестнице, ведущей с набережной к беседке, взбиралась цыганка. Была она молода, красива, в обычных своих цыганских одеждах, однако чистенькая, и глаза задумчивые, не наглые... Она вошла в беседку, отдышалась и обратилась к Розе:

— Я тебе еще не все сказала, девушка... Будет сын у тебя... Через много лет... С первым седым волосом его родишь... Верь мне! А мужа от себя не отпускай... Захочет уйти, а ты не отпускай... Счастливая будешь!

— А от меня муж не захочет уйти? — шутиливо спросила Аня.

— А ты, девушка, не замужем! Аней тебя зовут. Так ведь?

Аня была уверена, что впервые видит эту женщину, потому растерянно прошептала:

— Так...

— Тоскуешь много, Аня... По прошлому тоскуешь... Брось ты это! Такая тоска до добра не доведет... Замуж выходи, детей рожай! Только — ох, и холодная ты... Как мертвец... Радости нет в тебе...

Ане стало страшно и неприятно.

— Перестань! — прикрикнула она на цыганку. — Занимайся своими делами!

— А это мои дела и есть, — ответила цыганка. — И еще... И еще...

Она действительно хотела сказать что-то еще, но Аня стала кричать, чтобы она убиралась из беседки. Цыганка развернулась, обдав ее своими юбками, и пошла к лестнице, но, уже стоя возле нее, все-таки добавила:

— Нехорошо тебе будет, девушка... Но ты спасешь... И спасешься... — и стала спускаться к набережной.

— Интересно, кого это я спасу? — задумчиво проговорила Аня.

Роза помолчала, а потом осторожно сказала:

— Я бы на твоём месте побежала за ней и спросила... И кого спасешь, и от чего спасешься...

И Аня побежала. Она быстро преодолела несколько десятков ступенек и не сразу увидела цыганку, сидевшую на скамейке, скрытой в кустах шиповника. Аня не стала обходить кусты по дорожке, а пролезла прямо через них, встала перед цыганкой и требовательно произнесла:

— Я бежала, чтобы узнать, кого я спасу и от чего мне придется спастись.

— Спасаться-то известно от чего... От кары небесной... И спасешь ясно кого — людей... — подняла голову цыганка.

— Но... как это произойдет?

— Когда произойдет, тогда и узнаешь...

— А вы можете выразаться яснее?

— Могу и яснее, да не буду, — ответила та, встала со скамейки и ушла.

Аня вновь поднялась в беседку, но Розы там уже не было — видимо, побежала на работу. И вдруг за спиной раздался знакомый голос.

— Хоть я давно не пью с утра, но пригляшаю в ресторан, — пропел Глеб, вытащил из кармана деньги и помахал ими перед ее носом.

— Только что заработал! — похвастался он.

— Вагоны, что ли, разгружал? — спросила Аня, памятуя о нередких его ночных похождениях на вокзал для добывания хлеба насущного.

— Хм! Вагоны! — презрительно воскликнул Глеб. — Бери выше!

— На радио передачу вел? О новостях культуры рассказывал?

— Нет! Даю подсказку... У меня — авантюрные наклонности...

— Это мне известно!

— От них и надо отталкиваться!

— Так... Кого-нибудь объегорил... Только вот как? Постой-постой... Что-то цыганка слишком много знала о нашей Розе...

— Попала! В точку! Розка у воды стояла в печальной задумчивости, а я просто шел по набережной и увидел эту цыганку. Показал ей костюмершу, все про нее и ее проблемы выложил и говорю — иди, а деньги потом пополам.

— И сколько эта цыганка тебе дала?

— Двести!

— Надула! Розка ей дала пятьсот! А... ты и ко мне эту цыганку направил?

— Направил. Но ничего про тебя не говорил. Только имя назвал.

— Да? Но на двести рублей в ресторане не разгуляешься...

Аня что-то говорила и дальше, а сама думала о странном предсказании цыганки... Спасешь и спасешься... Оно ее тревожило, особенно последнее — спасешься... Почему? Разве она так уж перед кем-то виновата?..

ГЛАВА 8

ПО СЛЕДАМ ДОЧЕРИ

Дом, в котором дочь купила квартиру, находился в старом районе города — можно сказать, в частном секторе, разбавленном кое-где новыми пятиэтажками. Она приехала туда утром, когда дочь уже должна быть на работе, и теперь медленно шла по улице, неумолимо приближаясь к цели. А, собственно, зачем она сюда идет? Какая у нее цель? Пока она не могла четко и ясно ответить на этот вопрос... Но только с тех пор, как поняла, что дочь раскрыла ее тайну, узнав про подземный ход, ей не давал покоя вопрос — почему же она не поделилась с матерью своим открытием? Что-то тут не так... А вот что именно, и надо узнать...

Зайдя в подъезд, она приблизилась к двери и нажала на кнопку звонка. За дверью было тихо. Она не стала испытывать судьбу, быстро отперла замок и шагнула внутрь, плотно закрыв за собой дверь. А теперь надо осмотреться... Была у нее одна смутная догадка, в которой она не хотела признаваться даже самой себе... Именно эта догадка и подталкивала ее искать нечто определенное, хотя до конца и неясное... Ничего существенного в маленькой квартирке она не обнаружила, правда, оставался еще маленький балкон, на который дочь, как только въехала, поставила решетки, и правильно сделала! Балкон этот почти стоял на земле, и любому вору не составило бы труда перелезть через него... На балконе был такой же порядок, как и в квартире: несколько банок солений, ведро с луком, пакетик с морковью, которую она же и вытащила дочери из погреба, и бельевая корзина, накрытая старым пальто... Ее заинтересовало — а что в этой корзине? Она быстро втащила ее в комнату и только тогда откинула старое пальто... Под ним лежал синий спортивный костюм, который они когда-то купили вместе с дочерью. Костюм был старый, но зато чисто шерстяной и очень теплый. Она взяла спортивные брюки, лежавшие сверху, и развернула их... В комнате образовалось небольшое облачко

пыли — в брюках, очевидно, недавно работали, а после забыли их хорошенько вытряхнуть... А, может, не забыли? Может, их негде было вытряхивать, а? Брюки были здорово оттянуты в коленях, словно в них долго ползали на четвереньках... Сердце вдруг гулко стукнуло и стало опускаться куда-то вниз, в невесомость... Стены комнаты поплыли и начали вращаться вокруг, затягивая ее в какую-то невидимую глазу, но весьма ощутимую воронку... Она рухнула на пол и застыла, боясь лишней раз шевельнуться, чтобы не стало еще хуже... Очнувшись оттого, что совсем мокрыми стали уши — оказывается, туда накапали слезы, а она этого даже не заметила... Самое страшное, что она увидела то, что и предполагала здесь увидеть... Материнское чутье ее не обмануло... В дочери, так же, как и в ней самой, живет потребность в тайне и острое желание многое изменить в своей жизни... Как — это уже другой вопрос и она пока не знает на него ответа... Но узнает... И совсем, совсем скоро...

Она поднялась с пола и, хотя ноги держали ее еще плохо, поставила корзину на место, заперла балкон, внимательно осмотрела всю квартиру — не видны ли тут следы ее пребывания, затем быстро вышла на улицу, внимательно осматривая здания и прилегающие к ним постройки. Разумеется, она не знала точно, что искать. Это мог быть и магазин, мимо которого она как раз проходила, и гараж, и автосалон, видневшийся вдали... Минут через десять она поравнялась с аптекой, расположившейся на первом этаже пятиэтажного здания, с правой его стороны. Левый край этого же этажа занимал сбербанк. Едва только посмотрев на его вывеску, она поняла, что мыс-

лит в правильном направлении, и обошла все здание. Под одним из окон в середине дома, там, где располагались обычные квартиры, был вход в подвал — к нему вели довольно крутые ступеньки. На самой верхней, рядом с асфальтированной дорожкой, где она остановилась, сидело несколько кошек — видимо, они жили в этом подвале. Старушка с палочкой, гулявшая поодаль, подошла к ней и спросила:

— Любите кошечек-то?

— Люблю... Жалко их — бездомные, наверное...

— Бездомные. А вы их не жалеете — они у нас накормленные. Я даже говорю всем — не надо уж так стараться-то, а то они мышей ловить перестанут! Да и крысы могут появиться... Все слушаются, кроме нее! А она прямо как оглашенная — носит им всего и носит...

— А кто носит-то? И что?

— Да как что? Все, что они едят, кошечки-то наши... Добрый человек носит... Душа хорошая...

— Девушка, что ли? В синем спортивном костюме?

— Да. А вы ее знаете, что ли?

— Да нет, просто вижу иногда, как сюда спешит.

— А я знаю! Придет с полной сумкой, и — шмыг вниз! А они уж ее ждут, мячуют... Их ведь там много...

— И сейчас?

— И сейчас...

— Мне так хочется посмотреть!

— Так идите и смотрите! Дверь, правда, заперта, но возьмите мои ключи. Мы там картошку храним, у каждого свой отсек. Правда, воровать стали, но что поделаешь! Бомжи-то везде пролезут все равно... Они иногда и ночуют здесь... Идите, я вас здесь подожду.

Она открыла простенький висячий замочек, вошла в подвал и осмотрелась. Подвал был пуст. Кошки, видимо, собираются здесь в определенное время. В дальнем углу валялась какая-то ветошь — видимо, тут действительно недавно ночевали бомжи. Времени у нее было в обрез, старуха не должна долго ждать, а то что-нибудь заподозрит... И потому она сразу подошла к той стене, которая, по ее расчетам, примыкала к сбербанку. Стена была бетонная, она состояла из каких-то странных плит, по которым в разные стороны проходили этакие ветвистые трещины... Словно линии на руке... Правда, линия эта в одном месте смещалась и дальше уже не совпадала с другой... Почему? Она потрогала то место и ощутила, как часть плиты шевельнулась... Все. Дальше экспериментировать было нельзя, иначе вся эта стена может обрушиться и открыть то, что, по ее предположениям, скрывалось внутри... И это она, она во всем виновата!

Вернее, ее подземный ход! Именно он натолкнул ее девочку на страшную мысль... Авантюрную, разбойную, хитроумную и такую заманчивую, что у нее аж дух захватило! А ведь если бы она рассказала обо всем дочери еще тогда, когда та была школьницей, ничего бы подобного не произошло...

Она вышла из подвала, заперла за собой дверь, поднялась по ступенькам вверх и отдала ключ старушке, которая терпеливо ждала ее, стоя под деревом и опираясь на свою палочку.

— Ну, посмотрели? — спросила она.

— Да. Посмотрела. Голова что-то разболелась, нет сил... Пойду... Спасибо вам за ключик... До свидания.

— Всего доброго!

Старушка побрела вдоль здания — очевидно, к своему подъезду. А она направилась к автобусной остановке, села в уголок на скамейку и стала ждать автобуса, чтобы уехать домой.

Сзади к автобусному павильону подошли какие-то люди, она их не видела, потому что стенки здесь были плотные, а не прозрачные, как на многих других остановках, зато вдруг услышала:

— Плохо, что приходится работать по ночам... Все утро на работе думала об одном — как бы не свалиться... — Сердце бешено забилось, это был голос дочери.

— Да ты беги домой, может, хоть поспишь полчаса, — ответил ей мужской голос. — Опоздаешь с обеда — я тебя прикрою...

— Хорошо, Игорек... Я побежала...

И дочь застучала каблучками в сторону своего дома...

Итак, она действует не одна, а с этим Игорьком, коллегой и... поделщиком! Как

это ни грубо звучит! Он неожиданно присел на скамейку рядом с ней и спросил:

— Автобус давно ушел?

— Недавно, наверное... Я подошла — никого не было. Все уехали, — спокойно ответила она.

Собственно, зачем ей сейчас ехать домой? Кто ее там ждет? Можно спокойно поехать за ним и узнать хотя бы, где он живет. А там по ходу дела будет видно...

Подошел автобус, и она вошла в него вместе с Игорем, он даже подал ей руку, потому что нижняя ступенька оказалась вровень с ее талией. Он вышел на предпоследней остановке, недалеко от автовокзала, у новых домов и новых гаражей, вокруг которых разросся высокий бурьян, отвоевывающий свое законное место, несмотря на новостройки. Туда, к гаражам, и направился Игорь, а она осталась стоять на остановке, делая вид, что ей необходимо что-то найти в своей сумке.

Здесь начинался новый микрорайон, который она видела раньше только мельком. Три девятиэтажных дома стояли поодаль, до них надо было еще идти, ближе располагались гаражи, а за ними виднелось небольшое озеро, оставшееся еще с тех времен, когда здесь была деревня, и на берегу стоял какой-то рыбак. Игорь подошел к нему, спросил о чем-то несущественном, потому что рыбак махнул в ответ рукой и снова занялся своим делом, а парень отправился обратно, похоже, опять к автобусной остановке. Идти за ним не было надобности — Игорь должен вернуться сейчас на работу, ведь сказал же дочери, что, если та опоздает с обеда, он ее прикроет... Когда Игорь уехал, она подождала немного и пошла тем же путем, которым шел он — к гаражам... Скорее всего, дело именно в них, вернее, в одном определенном гараже... Она внимательно смотрела себе под ноги, на стены гаражей, словно искала здесь какие-то опознавательные знаки... Собственно, если где-то есть подкоп, такие знаки должны быть! Взять хотя бы тот белый камень — его видно издалека... Она подошла к валуну, находящемуся метрах в четырех от гаражной стены, и удивилась — здесь было много желтых цветов, но почти все они безжизненно склонили головы... Здесь! Господи, это здесь! Она стала передвигаться осторожно в ожидании, когда ноги ее почувствуют под собой не землю, а нечто иное... И это случилось... Она взялась за траву, потянула ее вверх и почувствовала, как вслед за ее рукой приподнимается большущий кусок дерна... Все. Она нашла. И что дальше? Если затея ее девочки и Игоря провалится?.. Если их, предположим, арестуют?.. И вдруг она подумала — да ладно бы просто арестовали! А то ведь еще и избьют... Особенно, если их разоблачит сам хозяин гаража... Неизвестно ведь, кто он и какой... Может, зверь...

Согнувшись, как старушка, она побрела к остановке. Вскоре подъехал автобус, и она добралась на нем до автостанции, а оттуда уже — к себе домой. Когда шла к дому, у нее мелькнула крамольная мысль — а что, если рассказать о своем открытии Комову и попросить пощады для дочери с Игорем? Всеми и сразу можно положить конец. И волки, так сказать, будут сыты, и овцы целы. И бояться за дочь ей тогда не придется...

Но не могла она предать свою девочку. Да и задумка молодых не казалась ей сейчас мерзкой или отвратительной — в молодости она была такая же рискованная, как и дочь! В молодости? А сейчас?

И сейчас!

ГЛАВА 9 ЗАГАДКА МАЛЕНЬКОЙ ДЕВОЧКИ

Сегодня Аня быстрее обычного справилась с грядками, полила будущие растения и даже несколько раз сходила к колодцу за водой. В доме было чисто, прибрано. Она нагрела воды и устроила себе ванну. Уже начало смеркаться, когда, успев поужинать, Аня решила-таки сходить в гости к соседке.

Князева открыла дверь сразу, как будто ждала ее. Аня окинула взглядом комнату и, не выдержав, воскликнула:

— Как у вас хорошо, Маша! Мне нравится.

— Ну, и слава богу! Молодец, Анята, что пришла! А то я все одна да одна. Дочка редко приезжает. Да если и приезжает — все равно одна, у нас с ней как-то не больно ладится... Но я не слишком переживаю — мне кажется, что у всех сейчас так... Я имею в виду наших, деревенских...

— Не знаю... Родные люди должны понимать друг друга... А кто она у вас по специальности?

— Бухгалтер. А вот работает в страховом агентстве каком-то. Но получает неплохо. Квартиру себе в городе купила. Плохонькую, правда, в старом доме, а все же — своя...

Князева рассказывала про дочь и одновременно накрывала на стол. Она достала из буфета старинные чашки с блюдцами, украшенные яркими цветами и позолотой, поставила варенье в пиале, розеточки, выложила ванильные сухари, извинившись, что не позаботилась о печенье. Затем заварила чай с разными травами, и комната наполнилась запахами луговых цветов и меда.

За чаепитием еще раз обсудили страшное происшествие. Князева рассказала о том, как с ней беседовали Карпушкин и Орлова.

— Нет, Анюта, ты только представь! Спрашивает меня эта Валентина... Забыла отчество...

— Васильевна! — подсказала Аня.

— Да. Нагло так и спрашивает — а почему это вам, дескать, не страшно сейчас по поселку ходить, а? Я говорю — не знаю, мол. Не страшно, и все! Не поняла сначала, куда она клонит-то! А она свое — вам-де должно быть страшно! Ведь убийца рядом... Я опять отвечаю — должно, но мне не страшно! И тут она как ввернет мне вопрос — а не потому ли, говорит, вам не страшно, что вы сами убийца-то и есть! Я прямо подскочила от неожиданности. Ну, говорю, вы и хватили! Если у вас такие методы идиотские с людьми работать, то я не понимаю, за что вас хвалят и уважают. Так прямо и сказала! Ну, она вроде приостановилась немножко... Потом извинилась и стала доказывать, что не может исключить меня из списка подозреваемых.

— Да и со мной, Маша, то же самое было... Она прямо катком на меня наезжала... Но я-то — не асфальт, — пожаловалась Аня. — Чего только она мне не наговорила! Прямо бред какой-то! Я, по ее словам, его еще по пути в санаторий убила, а когда обратно шла, то разыграла, что первый раз вижу... Только перед кем мне играть-то было, она не уточнила... И нож якобы я выбросила в речку...

— Господи! Ну, а ты-то что? Да за это на них надо в суд подавать! На возмещение морального вреда!

— Да я что... Сидела, как чурка... Как ива плакучая над водой... Молча...

— Ива, говоришь, плакучая, да? Надо же, вспомнила... А ведь ты маленькая тогда еще была...

Аня с недоумением воззрилась на Князеву — о чем это она?

— Да я об имени твоем! Мы тогда всем поселком его обсуждали... Бабушка твоя, Римма Сергеевна, все сокрушалась насчет Ивы...

— Маш, я, честное слово, ничего не поняла... При чем тут ива?

— Да я про имя твоё говорю, мать честная!

— Про имя... Да я ведь Аня... Анна...

— Так это ты сейчас Анна, а в детстве была Ивой... Только я уж не помню, как полное-то имя... Иванна или Иветта... Что-то в этом роде... Бабушка-то все сокрушалась, что родители тебя так назвали. Но не оттого сокрушалась, что имя иностранное, редкое да заковыристое, а потому, что грустное очень. Всю жизнь, говорила, девочонка грустить будет да на воду глядеть... Боялась, что жизнь получится без улыбки... Вот мать-то и не выдержала, потом тебя все же переименовала...

— А... сколько же мне лет тогда было, что я этого не помню?

— Ну, года три, наверное, точно не знаю... Да ладно, переименовала, и хорошо, а то была бы ты сейчас Ива, да еще и Горева... Грустное да горькое... Замуж пойдешь — смени фамилию обязательно. Она ведь как печать. Замуж-то собираешься?

— Нет пока. Думаю вот. Человек есть, и фамилия у него красивая... Но — не решаюсь... Маш, а чего ты еще про меня помнишь, а? Расскажи. Мне так интересно...

— А помню, как вы сюда на лето приезжали, и ты в речку ныряла. С берега крутого, как раз под моими окнами... Маму твою хорошо помню, Лилию Михайловну... Мы с ней ведь в одной школе учились... Только она постарше меня немного... была. А потом деду-то твоему плохо здесь стало, заболевание у него какое-то кожное было, вот ваши на юг и переехали... Там какая-то родня с жильем помогла... А потом мама твоя замуж вышла, и ты родилась... И Рим-

ма Сергеевна уж больше у вас жила, чем здесь. Они с моей матерью сначала ведь переписывались, потому я все и знаю... Даже то письмо помню, в котором Римма Сергеевна писала, что внучка родилась... А знаешь, почему помню?

— Почему? — волнуясь, спросила Аня.

— А потому, что зима в тот год была страшная! Сугробы такие намело, что к дому не пробраться. Так почтальонка нас из избы выкрикивала, и я к ней прямо по сугробам подплыла... Чуть не утонула... А потом мать письмо это вслух читала... Она все письма читала вслух...

Но Аня уже не слышала последних слов собеседницы. Она вообще перестала слышать. Потому что родилась вовсе не зимой, и даже не весной и не осенью, а в самой середине лета, в июле! И что теперь обо всем этом думать, она не знала... Все вокруг словно покрылось туманом. Она встала и, пошатываясь, направилась к выходу, сказав, что у нее разболелась голова. Князева вызвалась ее проводить, но Аня твердо заявила, что пойдет одна. Соседка взяла с нее слово, что она завтра опять придет к ней на посиделки.

— Завтра не выйдет, — пролепетала Аня. — Работа... Я поздно освобождаюсь и поэтому в городе ночью... Может, в следующий выходной... Он у нас в понедельник... И билеты вам с дочкой принесу в театр...

— Приноси! Я — с радостью! Только лучше на субботу-воскресенье и на дневной спектакль, а то вечером возвращаться опасно...

И они расстались — до понедельника.

Аня побрела к себе домой, хорошенько заперлась, захлопнула ставни, а они закрывались изнутри, накинула на них крючки, затем и рамы закрепила шпингалетами, задернула занавески и, почувствовав себя в относительной безопасности, стала думать...

Итак, у ее матери родилась девочка Ива... Предположим, Иванна... Отец однажды что-то говорил про свои болгарские корни, это было давно, тогда она не интересовалась никакими родословными и потому слушала его вполуха. Но имя такое мог дать ей именно он... Ей? Но ведь та девочка родилась зимой! Здесь была зима... А у них на юге — тепло, как летом... Но эта маленькая лазейка ей не помогла — день рождения-то у нее в июле! И тут уж ничего не попишешь...

Она достала из ящика серванта, где они с бабушкой хранили документы, свое свидетельство о рождении. Вот она, дата — 9 июля... Над этой цифрой стоял штамп с одним-единственным словом — повторное... Аня никогда не обращала на него внимания, а сейчас спросила себя — почему повторное? И где тогда самое первое, выданное при ее рождении? У нее не было ответов ни на один вопрос, зато появились нехорошие, не достойные их семьи догадки... А вдруг эта Иванна оказалась неизлечимо больна,

ее сдали в приют либо в больницу, а взамен получили вполне здоровенькую девочку, то есть ее, Аню?.. Нет, ее мама никогда так не поступила бы! Тут что-то совершенно другое, чего она не знает и не понимает... А, может, стоит просто порыться в своей памяти, и разгадка будет найдена? С каких лет она себя помнит? С трех? С четырех? Помнит высокую траву, грядки с капустой, небольшой взгорочек во дворе, а на нем — старая береза... Вернее, две березы, сросшиеся давным-давно. Сросшиеся... Может быть, она тоже родилась не одна, и этим все объясняется? Двойня... И что из этого следует? Ничего... Эх, если бы бабушка была рядом! Если бы... Она знает все.

Ане стало вдруг холодно, и она набросила на себя кофту. Что-то стукнуло ее по боку. Мобильник! Да как же она про него забыла! У бабушкиной сестры в Астрахани есть телефон, и она может связаться с ней тотчас же, не откладывая!

На звонки долго никто не отвечал. Затем Аня услышала незнакомый голос:

— Да...

Аня поняла, что это — бабушкина сестра, и обрадовалась — раз она отвечает по телефону, значит, дела ее идут на поправку.

— Серафима Сергеевна, это вы?

— Да...

— Дайте, пожалуйста, трубку Римме Сергеевне. Я — Аня, она моя бабушка.

— Нет...

— Нет? Ее нет дома?

— Да...

Очевидно, женщина могла отвечать лишь односложно, но Аня не отступала.

— Она ушла в магазин?

— Нет...

— В аптеку?

— Да...

— И скоро будет?

— Да...

— Хорошо. Я позвоню еще раз. А, может, вы мне поможете? Я тут запуталась в нашей родословной... Кто такая, например, девочка Ива, которой должно сейчас быть лет двадцать пять?

В трубке помолчали, затем Аня услышала хриплое:

— Нет...

— Вы не знаете?

— Нет...

— Знаете?

— Да...

— А где она сейчас, а?

На другом конце провода повисло молчание. Потом там что-то загрохотало, и Аня явственно услышала стоны. Господи, неужели Серафима Сергеевна упала с постели? Она ругала себя — не надо было лезть со своими подозрительными вопросами! Потом решила позвонить позже и тут же набрала номер отца. Ответила женщина, и Аня попросила позвать к телефону Николая Егоровича, сказав, что она — его дочь.

— А я — его жена. Меня зовут Вера Григорьевна. Можете звать меня просто Вера. А вы Аня, я знаю. Его нет сейчас. Что передать?

— Да ничего. Просто у меня есть к нему один вопрос...

— А вы мне его задайте, а я — ему...

— Но здесь, мне кажется, важен элемент неожиданности...

— Да бросьте, он ведь откровенный человек! В любом случае скажет вам правду.

— Хорошо. Кто такая девочка Ива и что с ней стало? Где она теперь?

— Ива...Ладно, я передам. Как вам позвонить?

Аня назвала номер своего мобильного и опять позвонила бабушке. На этот раз ответила она сама.

— Бабуся, что там с Серафимой Сергеевной? Я звонила, она взяла трубку, а потом послышался грохот...

— Ах, так это ты ее напугала! Стоило мне отлучиться на три минуты...

— Она тебе сказала, зачем я звонила?

— Побойся бога, она ведь не может говорить! Только «да» и «нет»... Как ты там, Анютинка моя?

— Нормально. Я люблю тебя, бабушенька...

— Вот и ладно. А то я тут сон нехороший видела... Но не буду рассказывать. За квартиру заплатила?

— Да.

— И за свет?

— Да. И мобильник мне подарили. Запиши номер. Диктую...

Цифры наверняка отвлекли бабушку от серьезных раздумий по поводу звонка внучки. И в этот самый момент она, внучка, бросила в трубку свой вопрос, который казался ей тяжелым, словно камень.

— Бабусь, кто такая девочка Ива?

Бабушка долго молчала, потом как-то хрипло заговорила:

— Господи... Что это на тебя нашло? Почему ты спрашиваешь меня об этом, а?

— Ну, потому, что хочу знать... Я так поняла, что ей столько же лет, сколько и мне... Ну, что ты молчишь? Она — моя сестра, что ли? Мама родила двойню?

— Не знаю, как тебе и сказать... Ах, да я не о двойне! Я...

— Слушай, бабусенька, у тебя не инсульт. И это твоё ни туда, ни сюда без всяких объяснений меня не устраивает. Я тут узнаю, что у мамы родилась Ива, что ты сама писала об этом своим соседям, пытаюсь выяснить, куда же она потом делась, а ты что-то от меня скрываешь. Причем явно. У меня просто нет слов...

— Милая ты моя...

— Только не называй меня сиротинушкой!

— Не буду. Успокойся. Все просто. Это ведь ты и есть.

— Не пойдет, бабулечка!

— Да как же не пойдет-то! Просто имя такое... угрюмое, что ли, вот тебя потом и переименовали...

— Потому и свидетельство о рождении повторное выписали?

— Ну, конечно! — с облегчением, как показалось Ане, выдохнула бабушка.

— Почему ты избегаешь прямого ответа? Я бы, может, тебе и поверила, только эта ваша Ива родилась зимой, а я, как ты помнишь, в разгар лета...

— Не накручивай. Это чистая формальность. Я приеду и все объясню.

— Когда?

— Не знаю... Как будет с сестрой, от этого все зависит. А то сама сюда приезжай, а? Вот и поговорим.

— А тебе действительно есть что мне сказать? Или опять будешь придумывать небылицы?

Аня слышала, как бабушка тяжело вздохнула, а потом тихо произнесла:

— Приезжай! — И добавила: — Дороже тебя у меня нет никого, Анютинка...

Как только Аня отключилась, поняв, что не все ладно в датском королевстве, что лицо у этой тайны хорошо закрыто, и никто не собирается его открывать, как мобильник вновь зазвонил. Это был отец.

— Дочка, мне Вера тут передала твой вопрос. Только мне на него хорошо-то и не ответить. Я не смогу. От меня многое скрывали.

— Почему?

— Да пил я, вот почему. Словом, у меня самого немало вопросов... Но это не телефонный разговор... Встретиться надо...

— Так приезжай!

— Приеду, раз зовешь. С Верой-то можно?

— Можно. Только осторожно. Она у тебя не злая?

— Да что ты! Вы подружитесь. Но... У меня ведь отпуск через неделю, так мы и правда сможем приехать-то...

— Жду!

Разговор с отцом приободрил Аню. Раз он готов хоть что-то ей рассказать, следовательно, ничего особо страшного не произошло. Не успела она додумать-догадать, в чем все-таки дело, как позвонила бабушка.

— Анютка, я не хочу, чтобы ты волновалась. У тебя и так в жизни было все непросто... И уж коли ты сама затронула эту тему, так я решила, что пришла пора все тебе рассказать... Тебе сложно ко мне вырваться, и я только что договорилась с соседкой — она посидит с сестрой, а я выезжаю к тебе...

— Когда, бабусенька?

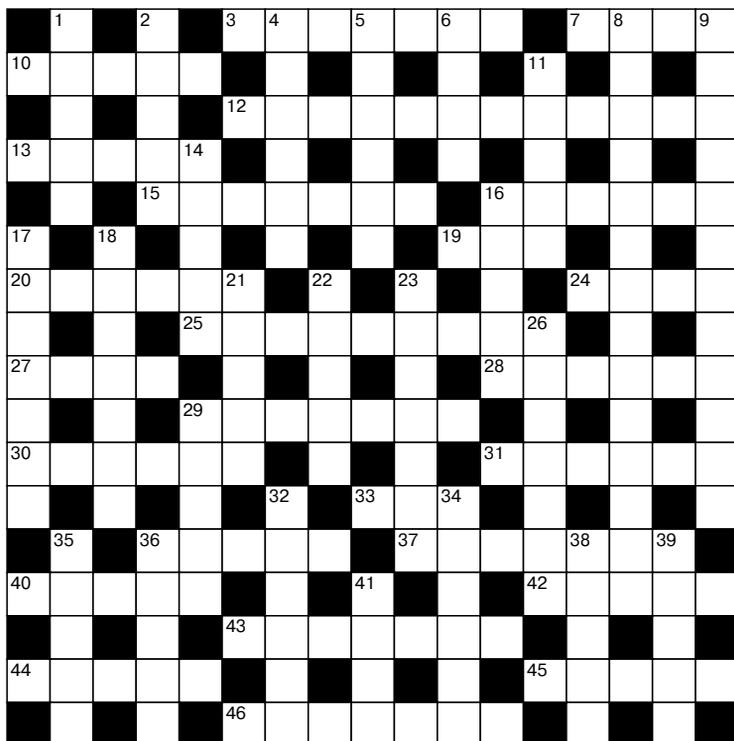
— Сегодня же ночью! То есть — я уже сумку собрала и билет по телефону заказала... Так что завтра к вечеру буду у тебя!

— Я встречу! Какой вагон?

— Не знаю. Да мы и так увидим друг друга... Целую, и — до встречи, дорогая! □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Ходячий телефон» в армии. **7.** Сказания «о героях былых времен». **10.** «... устроена так, что приходится присутствовать на похоронах тех, кого мы любим, и на юбилеях тех, кого мы терпеть не можем». **12.** «Литературный артист» из пушкинских «Египетских ночей». **13.** Ученая специальность, полученная будущей «железной леди» Маргарет Тэтчер. **15.** Каждый из сицилийцев, кто называет себя «люди чести». **16.** Заняв остров ...,

Россия при Петре Великом утвердилась на Балтийском море. **19.** Восточный самодержец. **20.** Чей запах напоминает аромат китайского деликатеса «Столетнее яйцо»? **24.** «Коттедж эскимоса». **25.** Вокруг чего разгораются страсти в романе «Седьмое небо» Татьяны Устиновой? **27.** Как сердечный, так и музыкальный. **28.** Тропический плод, чьим соком врачи тромбоз побеждают. **29.** Армейская «клятва верности». **30.** Какую планету можно получить

переставив буквы в имени армянской столицы? **31.** Какой американский штат находится ближе всего к экватору? **33.** Тот самый Барбос, что устроил необыкновенный кросс в фильме Леонида Гайдая. **36.** Что может получить не только покупатель, но и обидчик? **37.** «Дедушка ксерокса». **40.** «Вас не устраивает начальник?! Поставьте себя на его ...!» **42.** «Хочу всех заразить вирусом гимнастики» (наш олимпийский чемпион). **43.** «Японская флористика». **44.** Какая река вдохновила русского художника Архипа Куинджи на его лучшие пейзажи? **45.** Какой цветок символизирует в букете или покорность, или пламенное желание? **46.** «Проказница Мартышка, Осел, Козел да косолапый Мишка». Что они задумали сыграть?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Прибежище бегуна. **2.** Атмосфера любовного свидания. **4.** «Любитель хлебнуть красненькой прямо из горла». **5.** «Тягостные раздумья могут вернее привести к болезни, чем иная ...» **6.** «Фарфоровый город» под Парижем.

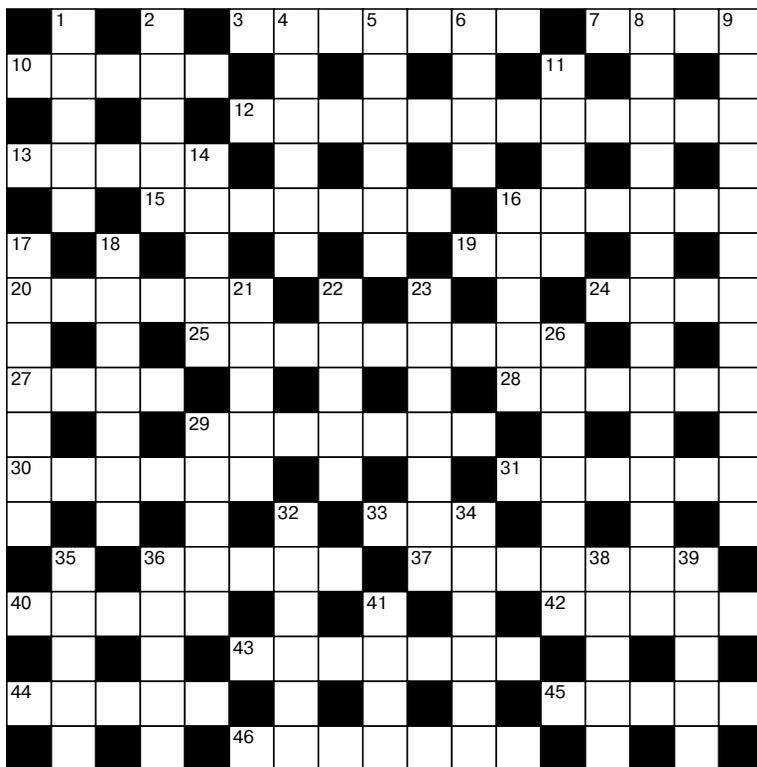
8. Какого врача больше всего беспокоит учащенный пульс пациента? **9.** Научное удушение. **11.** Реакция легких на нелегкую жизнь. **14.** Солдат под началом атамана. **16.** Русский для хохла. **17.** «Болгарская Одесса». **18.** Как мы называем то, что на Западе окрестили «русскими сливками»? **21.** Королевская ... частенько делает «холостые укусы» ради экономии яда. **22.** Обратный путь альпиниста. **23.** Цирковой ловкач. **26.** Какое насекомое когда-то помогало морякам прокладывать кабели? **29.** Какому музею принадлежат более половины картин Диего Веласкеса? **32.** О каком крейсере идет речь во время урока Мельникова в фильме «Доживем до понедельника»? **34.** На что, кроме смерти, с точки зрения Франсуа Ларошфуко, нельзя смотреть прямо? **35.** «И льется ... свободно, звонко, и в даль уносит лихой напев». **36.** «Там ... с Бабою-Ягой идет, бредет сама собой». **38.** Великий изобретатель из иллюзионного фильма «Престиж». **39.** Боксер, сильно увеличивший состояние Сильвестра Сталлоне. **41.** ... информации.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Хиппи. **7.** Трус. **10.** Галерея. **12.** Одностишие. **13.** Ходатай. **14.** Евроремонт. **15.** Водовоз. **17.** «Гладиатор». **20.** Метис. **23.** Тунец. **24.** Центр. **25.** Пупок. **28.** Лемуру. **29.** Плата. **30.** Командир. **32.** Кельвин. **35.** Лондон. **37.** Федр. **38.** Резонатор. **41.** Зять. **42.** Наполеон. **43.** Строп. **44.** Борщ. **45.** Бальмонт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Запорожец». **2.** Мелатонин. **3.** Демагог. **5.** Индивидуум. **6.** Провокатор. **8.** Рашмор. **9.** Смерть. **11.** Стрекот. **16.** Зло. **18.** Русло. **19.** Гейтс. **21.** Терминатор. **22.** Стентор. **25.** Переворот. **26.** Пульман. **27.** Скалозуб. **28.** Лик. **31.** Сироп. **33.** Дерево. **34.** Гранат. **36.** Нефть. **39.** Тара. **40.** Роль.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Дизайнер голливудской статуэтки премии «Оскар». **7.** Где снимали клип «Звенит январская вьюга» для фильма «Иван Васильевич меняет профессию»? **10.** Хорватский парламент. **12.** Какая немецкая собака благодаря своим размерам и мощи могла помериться силами даже с медведем? **13.** Мексиканский огурец. **15.** Шелк, упомянутый в рассказе «К славе» Александра Kupрина. **16.** Бутылка шам-

панского вместимостью в 4,5 литра. **19.** Средневековые схоласты полагали, что есть только три вида наделенных разумом существ: ангел, человек и ... **20.** «Купите у нас кондиционер и получите ... в подарок!». **24.** Кто ввел страхование жизни в России? **25.** Сеть для ловли саранчи. **27.** Бельгийский фехтовальщик, впервые прочитавший Олимпийскую клятву. **28.** Археологический прииск. **29.** На какой вариант

более ста лет тому назад журналы пытались заменить слово «завсегда-тай»? **30.** «Кубинская Майя Плисецкая». **31.** Что противопоставляют рэгу в фильме «Большой Лебовски»? **33.** Звездный президент Киноакадемии, кто перенес церемонию вручения премии «Оскар» после убийства Мартина Лютера Кинга. **36.** Власница дервиша. **37.** Роковая взрывчатка из романа «Алмазная колесница» от Бориса Акунина. **40.** Дух воровства из славянских мифов. **42.** Азиатская столица с самым большим в мире пешеходным перекрестком. **43.** Единственная антилопа, которая ест, стоя на задних лапах. **44.** Какой дворец перестроили ради «детей удачи»? **45.** Итальянский домовый. **46.** Фруктовый хлеб из Австрии.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Турецкое наказание ударами по пяткам. **2.** Какой предмет обстановки Янтарной комнаты Германия передала России в 2000 году? **4.** Филиппинский танец. **5.** Чья древесина пригодилась норвежскому путешественнику Туру Хейердалу для строительства плота

«Кон-Тики»? **6.** Тропический плод, чей сок слывет чуть ли не лучшим антиоксидантом. **8.** Отец звезды французского кино Жерара Депардье по профессии. **9.** Полная цветовая слепота. **11.** На каком острове родились Аполлон и Артемида? **14.** Индийский парный барабан. **16.** Бонна, приставленная к Михаилу Лермонтову от рождения. **17.** Какую из вершин покорял во время своего медового месяца американский президент Теодор Рузвельт? **18.** Диван с сиденьями по обе стороны спинки. **21.** Туфли для гейши. **22.** Римский холм. **23.** Мечехвост, живущий у берегов Антильских островов. **26.** Гребец нижнего ряда на античной триреме. **29.** «Кто сам не пожалуется, не дожждется сочувствия» (английский классик). **32.** Американец, придумавший первый универсальный компьютер. **34.** Открыватель «бензольного кольца». **35.** Область гипноза и ясновидения в тибетской медицине. **36.** Калмыцкий монастырь. **38.** Японская флейта. **39.** Какой цветок стал символом Полинезии? **41.** Турмалин, помогающий отбросить лишние связи.

Ответы на эрудит, опубликованный в №6

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Фазна. **7.** Осло. **10.** Сенатор. **12.** Аристократ. **13.** Дикрота. **14.** Одорология. **15.** Бастард. **17.** Презрение. **20.** Череп. **23.** Дреер. **24.** Серау. **25.** Бакис. **28.** Чикле. **29.** Ланду. **30.** Акарицид. **32.** Бегство. **35.** Вокзал. **37.** Личи. **38.** Хильперик. **41.** Раич. **42.** Рейнское. **43.** Жираф. **44.** Йога. **4.** Платанна.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Деликатес. **2.** Жарретьер. **3.** Готторп. **5.** Афродизиак. **6.** Настроение. **8.** Скрыга. **9.** Остряк. **11.** Коллоид. **16.** Дро. **18.** Ергак. **19.** Ченда. **21.** Ресайклинг. **22.** Падишах. **25.** Бидельман. **26.** Кластер. **27.** Лакварий. **28.** Чиб. **31.** Авгий. **33.** Кинкан. **34.** Фимела. **36.** Либих. **39.** «Реал». **40.** Кнут.

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта подписка на 2-е полугодие 2013 года. Условия подписки на журнал «Смена» через редакцию:

Оформить подписку на журнал «Смена» вы можете в редакции с получением по почте. Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Сбербанка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Подписка на **1 месяц** с учетом доставки стоит **79 руб. 20 коп.** Подписка на **3 месяца** с учетом доставки стоит **237 руб. 60 коп.** Подписка на **6 месяцев** с учетом доставки стоит **475 руб. 20 коп.** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф. И. О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____
 Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)
	<small>Другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа		Дата
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта каталожная подписка на журнал «Смена» на 2-е полугодие 2013 года через любое отделение связи. Примерные образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

« Из его дневников и переписки становится сразу понятно, какие страшные моральные страдания он испытывал. Чувствуя себя ответственным за судьбу не только своей семьи, но и всей России, он не находил в себе достаточных внутренних сил, чтобы вынести это чувство ответственности. И вот результат: предательство ближайших людей, отречение от престола и подвал Ипатьевского дома...

Светлана **Бестужева-Лада** «Обреченный император»

« Она была женщиной-легендой, поражавшей всех своей красотой, умом и умением держаться, перед которой склонялись самые могущественные люди Европы. «Я выигрываю сражения, а Жозефина завоевывает сердца. Ее нежность, ее ласки часто смягчали мой характер и подавляли мое бешенство», — говорил о ней император Наполеон. Эти слова интригуют, но не дают разгадки сущности этой удивительной женщины, которую Наполеон сделал своей женой и императрицей Франции.

Алла **Зубкова** «Жозефина»

« Она была первой всенародно любимой кинозвездой — задолго до того, как на этот пьедестал вступила другая дива — Любовь Орлова. Именно с нее и начался русский кинематограф, и именно она, Вера Холодная, заставила навсегда полюбить эту магию — магию кино.

Евгения **Гордиенко** «Ваши пальцы пахнут ладаном...»

« Окончание детектива Наталии **Солдатовой** «Красные лилии»